ДЕБОРА ШЕРВУД

Женщины царя

АССОЦИАЦИЯ АСПОЛ
МОСКВА 1993 г.

Роман «Женщины царя» — итог
пятнадцатилетнего труда писательницы,
известной в США как автор киносценариев,
так называемых «мыльных опер», любовных романов.
Дебора Шервуд родилась в индейском селении в Оклахоме,
закончила литературные курсы Нью-Йоркского университета.
Работала манекенщицей, была актрисой. Увлекается воздушным
пилотажем и имеет лицензию.
Дебора Шервуд не впервые касается «русской темы». В 1969 году
вышел ее литературный первенец «Рыжая на Красной площади»,
написанный под впечатлением ее поездки в Советский Союз.
Книга не понравилась в Москве, и Шервуд была объявлена
«персоной нон грата», она не получила визы для работы
над следующей книгой — «Рыжая на Черном море».

ДЕБОРА ШЕРВУД

Женщины царя

АСПОЛ
МОСКВА 1993 г.

ББК 84.Р7
Ш 92

Выпуск издания осуществлен совместно с ПКФ «Печатное дело»

Перевод издания подготовлен издательством «Роман-газета»

© *Перевод — С.Юшманов, 1992 г.*
© *Оформление —А. Дудин, 1992.*

ISBN 5-87056-060-8

Уважаемые читатели!

Перед вами — захватывающая, по американским стандартам, история любви, страсти и страданий. Возможно, эта история была бы обычной для американского читателя. Но это не так, ибо автор этой книги — американка, которая пишет о России. Старой, допетровской России Ивана Грозного. Все здесь сделано по-американски, может быть, за исключением хэппи-энда, но это уже российский вариант. «Женщины царя» — это повесть о далеких днях нашей истории, правда, автор иногда не заботится об исторической правде и достоверности. Читатель может обнаружить неточные интерпретации, не соответствующие истине факты, а то и просто выдумку. Но ведь и в нашей отечественной исторической художественной литературе были писатели, которые тоже нередко пренебрегали историческими фактами («Кудеяр» Костомарова) в угоду занимательности. А то, что «Женщины царя» произведение занимательное, сомнений нет. И, может быть, верно было сказано на пресс-конференции по случаю подготовки книги к изданию, что нам любопытно взглянуть на свою жизнь и историю глазами чужеземца — будь то инопланетянин или американка. Ведь интересно, как они видят нас?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Радостный звон колоколов в рождественское утро плыл по Соборной площади, рассылая свой славный голос по залитым солнцем улицам, где его подхватывало и приумножало эхо на колокольнях церквей, что теснились на склонах покрытых снегом холмов, как сверкающие драгоценные камни на покрывале из чистопородного, белого горностая. Снег, который валил всю ночь, искрился теперь на верхушках крыш, в лабиринте разноцветных куполов, коньков, карнизов и башенок.

От украшенного фресками портала величественного Успенского собора растекалась шумная толпа. Люди стремились скорее на свежий воздух, одетые в шубы, крытые бархатом и парчой, что указывало на принадлежность к богатым московским боярам или младшим отпрыскам царской фамилии. Статные женщины, блистающие в тяжелых, украшенных каменьями кокошниках и шитых жемчугом воротниках, и бородатые мужчины в парчовых меховых кафтанах, перепоясанных кушаками с дорогими самоцветами. Дети с блестящими глазами, свободные, наконец, от утомительной рождественской службы, вырвавшись от своих родителей и сбившись в оживленную кучу, зачерпывали полные горсти снега и ликующе перебрасывались снежками, метя в зазевавшихся товарищей.

Немного поодаль всей этой оживленной толчеи можно было заметить одинокую женскую фигуру, которая вышла из собора и проскользнула тихо через деревянные ворота, что открывались на площадь. Она была одета в шубу, крытую простым серым сукном, которая к тому же, была уже мала для ее роста и только что сформировавшегося тела. Но на ней, однако, была черного бархата, шапка, отороченная бобром, из-под которой выбились несколько капризных прядей ее густых каштановых волос.

Хотя воздух был холоден, она радовалась его свежести после спертого духа собора, где верующие так тесно были прижаты друг к другу, что почти не было места для коленопреклонения, а сотни горящих свечей вбирали остаток воздуха. Периодами ей казалось, что она теряет сознание от спертого воздуха и смеси запахов умасленных благовониями тел. Это было так волнующе — смешаться с самой что ни на есть верхушкой Московского общества, похвастаться перед своими менее дерзкими подругами. Но тот, ради кого она пришла сюда, рискуя быть узнанной, к ее разочарованию, не пришел.

Ну, что ж, решила она, пожав плечами, осторожно пробираясь по покрытому снегом настилу из бревен, лежавших поперек Соборной площади, у нее есть остаток дня для размышления. Праздничный обед, приготовленный ее дорогой матерью, обмен подарками. Подарки будут, конечно, не очень дорогими, но она осмелилась мечтать о серебряном гребне для волос, или, может быть, о куске материи, из которого она смастерит новый летник или юбку.

—Берегись!

Крик сопровождался приближающимся топотом копыт, да так близко, что девушка испуганно оглянулась. Тень огромного вороного жеребца угрожающе надвигалась на нее, она увидела вздутую шею коня и напряженное лицо всадника, пытающегося сдержать поводья. Сделав неловкое движение, она потеряла равновесие и, поскользнувшись, упала на неровный, намерзший настил. Пронзительно закричав от ужаса, она уже не видела, как лошадь встала на дыбы и ее сильные передние ноги повисли над ней.

—Назад, дьявол! — крикнул всадник, бешено прянув с конем в сторону, и с такой силой дернул за повод, что его высокая меховая шапка свалилась с головы и упала на снег. И — удивительное дело — лошадь опустила ко-

пыта в пяди от ее головы. Она почувствовала, как две большие сильные руки подняли ее и развернули к себе — такого странного юношу ей никогда не приходилось встречать. Он был одет как богатый и знатный, на плечи накинута соболья шуба поверх расшитого рубинами и жемчугом атласного кафтана. Но глаза, когда он смотрел ей в лицо, были черными и бесстыжими, и горели таким неистовством, что она отпрянула назад. Смуглое, оливкового оттенка лицо, с широким мыслящим лбом было бы привлекательным, если бы не свирепое выражение.

—Прости. Я оказалась у тебя на дороге, боярин, — пробормотала она, его уверенное поведение заставило ее забыть, что не кто иной, как он, едва не сбил ее.

—Почему ты одна? — он с такой силой вцепился в ее плечи, что она чувствовала, как ногти впились ей в кожу.

—Я... я возвращалась с богослужения...

—Вороной едва не затоптал тебя. Будто дьявол вмешался.

—Ты бы смотрел, куда скачешь... —Она прекрасно понимала, что не смеет так разговаривать с ним, но первый ужас от происшедшего прошел, и сейчас она чувствовала боль в левой лодыжке. Видимо, она растянула ее при падении.

—Что? — ошеломленно спросил он. —Виноват я? — Его черные глаза сверкали огнем и казалось, что он сейчас свернет ей шею.

—Благодарность Господу, что твоя лошадь не причинила мне вреда, —она смело смотрела на него своими карими невозмутимыми глазами. —А теперь отпусти меня и мы пойдем каждый своей дорогой.

Ее холодный ответ заставил его наморщить лоб. Его густые черные брови собрались у переносицы, что сделало его лицо даже приятным. Но взгляд, который он кинул на нее, теперь выражал любопытство, и она заметила удивление, смешанное еще с чем-то, чего не смогла понять. Вдруг руки отпустили ее, и он отступил, как будто смутившись.

—Я знаю тебя? — спросил он. Он говорил теперь более мягко, склонив голову, словно в смущении. —Мы встречались раньше?

—Думаю, что нет, —ответила ему она, ощутив себя освобожденной. —А если и да, я стала бы избегать новой встречи любой ценой. —Она повернулась, стараясь сохранить достоинство в ее положении, и продолжила свой путь, чувствуя, что эти пронзительные черные глаза сле-

дят за каждым ее движением. И еще она словно продолжала ощущать сильные руки на своих плечах.

«Просто смешно», —бранила она себя, обойдя площадь и повернув к Белому Городу. — «Кажется, мне даже нравится быть оскорбленной этим ужасным человеком.»

Анастасия Захарьина-Кошкина не имела большого опыта общения с мужчинами.

Молодой человек недолго постоял, глядя ей вслед, потом вскочил в седло и поскакал к Кремлю; его соболья шуба развевалась за его плечами, сильное тело покачивалось в седле.

«Хотела бы я, чтобы лошадь поскользнулась и сбросила его», —подумала Анастасия, видя, как фигура становилась все меньше и меньше, пока совсем не исчезла за Кремлевской стеной.

И вдруг она ощутила непонятное ей самой разочарование из-за того, что он не обернулся. «Да что со мной?» — спрашивала она себя, уже подойдя к дому. — «У меня никогда не было подобных мыслей. Я не знаю, что я чувствую и чего желаю».

Анастасия знала, что, хотя ее мать и желала этого, было почти невозможно, чтобы закрытый круг общества когда-нибудь открылся для нее. Семья ее пользовалась уважением, но Захарьин-Кошкин давно не имел никакого влияния, и у них не было ни денег, ни связей, необходимых для ее продвижения. Единственный представившийся случай она отвергла, как неосуществимую мечту. Лучше, думала она, не ждать ничего, чем тосковать по тому, чему не бывать. «Это так же глупо, —сказала она себе решительно, —как мечтать о всаднике на вороном скакуне!»

***

Григорий Захарьин-Кошкин отодвинул пустой штоф из-под водки и с удовлетворением ощутил, как во рту у него горит огонь, а по массивному телу разливается блаженное тепло. Откинувшись поудобнее на скамье, он повернулся к своей золовке.

—Ну, —сказал он, выразив удовольствие в своих заплывших маленьких глазках. —Кажется, наша кареглазая птичка может расправить свои крылышки.

Женщина посмотрела на него пристально. —Ты что-нибудь узнал? Какие вести? — Ее голос звучал низко, как будто ей было тяжело дышать.

—Известие пришло четверть часа назад. Она представлена в Кремлевский дворец. — Торжествующая улыбка заиграла на губах Григория. —Я поеду с ней.

Глаза у Марии Захарьиной-Кошкиной стали большими как блюдца. Кремлевский дворец! Чтобы ее дочь удостоилась подобной чести! Значит, ее сочли достойной. Она ругала себя внутренне за то, что это ее удивило. Разве ее дочь не была всегда хороша в ее глазах? Не была ли она с момента рождения милым, самым дорогим ребенком? Не была ли она пригожа лицом, здорова и весела духом, хотя порой бывала задумчивой? И, наконец, не была ли она скромна, как и подобает девице ее лет? Умна от природы? Набожна, кого не спроси?

«Ах», — тут же очнулась женщина, — «но ведь эти достоинства известны одной матери. Но неужели возможно, чтобы их превознесли судьи Ивана, только что венчанного царем всея Руси?»

—Сколько отобрано девиц? — спросила Мария деверя, борясь с обуревавшими ее думами. Слишком рано надеяться. И все же...

И все же...

—Остановились на пятидесяти.

Пятьдесят. Мария задумалась. Конечно, пятьдесят было внушительной цифрой, но ведь собрали две сотни девушек для предварительной оценки. Две сотни незамужних дочерей русских родовитых семей были осмотрены и опрошены. И более ста пятидесяти были отправлены обратно, их сочли непригодными для того, чтобы быть избранными в невесты царю.

Когда царь Иван объявил о своем намерении жениться, великое оживление прокатилось по всей русской земле. Новость дошла до самых отдаленных уголков, и великое множество тщеславных мужчин суетились, чтобы и их дочери или сестры смогли бы занять престол. Ведь какая тогда власть, какое богатство придет к тому роду, из которого выберут девушку!

Григорий Захарьин-Кошкин не отличался от других. Дом его был знатен, но не имел веса. Несколько лет тому назад брат его Роман Юрьевич был поверенным советником у отца Ивана, Василия III, и было время, когда слава и почести пришли к ним в дом. Но когда Василий умер, безумная борьба разгорелась у трона за власть между боярами и стала причиной смерти многих сподвижников Василия, и Романа Юрьевича в том числе.

В результате одержал победу сын Василия, но именно после этого Захарьины-Кошкины были позабыты, и семья, однажды приближенная к царской фаворе и роскошной жизни, влачила теперь бедное существование в маленьком деревянном доме в Белом Городе.

Удивительно ли поэтому, что заявление Ивана о намерении жениться подогрело Григория к действию? Он не имел собственной дочери, но его умерший брат Роман оставил девочку-ребенка, которая была уже в нужном возрасте. Хотя он редко когда удостаивал пятнадцатилетнюю племянницу беседой, но смекнул свою выгоду сразу. На его искушенный взгляд, она не была красива — слишком мала ростом и худа. К тому же она бывала задумчива по временам, что он приписывал уму и считал непривлекательным в женщине. Но, конечно, Иван мог оценить задумчивость, каждый в Москве знал это. Выберет ли он ее или нет, но Григорий не сомневался, что его племянница знает себе цену.

—Я должна поговорить с Настей сама, —сказала Мария. Она была погружена в мысли. —Новость может напугать ее.

—Испугать ее? — Григорий расхохотался. —Испугаться того, что она может стать женой царя? — Он взял чарку водки и залпом осушил ее.

—Она же еще слишком молода. Она ничего не знает о мужчинах и о женитьбе. Ей нужно многое рассказать.

—Ба! — Григорий бросил на Марию пристальный колючий взгляд. —Если дело только в этом, буду рад сам рассказать ей многое. С помощью моего нового кнута.

Анастасия не слышала всей беседы, придя домой минуту назад. Но она поняла, что речь идет о смотринах, и что ей явно придется самой пройти через это.

—Но этого не может быть, —пробормотала она. — Так много девушек. Я всего лишь одна из сотен. — Она задумалась, закусив губу. Может ли неосуществимое стать осуществимым? Неужели для ее семьи пробил час? Она недоверчиво покачала головой, проходя к себе в спальню и снимая накидку. Она такая обыкновенная, такая незаметная, чтобы стать царицей всея Руси!

Она взяла зеркальце и постаралась посмотреть на себя глазами судей. Ее лицо показалось ей неинтересным. Ее лоб слишком широк, ее нос слишком мал, и ее глаза были карими, а не такими мягко-голубыми, как у других девушек, которыми она восхищалась. А что до ее фигуры...

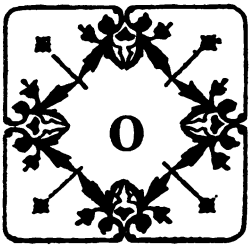
Подойдя к двери и убедившись, что в коридоре никого нет, она сбросила одежду.

Ощупывая себя руками, Анастасия подумала о других руках, дотрагивавшихся до нее, о руках тех женщин в судейской комнате. Те руки пробегали по всем интимным местам, заставляя ее прикусить губы, чтобы не закричать от стыда.

Вдруг память вернула ей событие более близкое, чем состязание в палатах дворца. Топот копыт на площади... Сильные руки сделали ее пленницей... Черные глаза проникли в самую ее душу... Неясное, зыбкое, как зимняя вьюга, новое ощущение, неожиданно пробудило любопытство, интерес.

Если бы он был одним из тех, кому она предназначалась... Мысль эта напугала и взволновала ее. Ее сердце бешено забилось и она ничком бросилась на свою узкую кровать, чтобы успокоиться.

Глава 2



Освещенный мерцающими лампами, сидел в своем громадном доме в Китай-городе Скурлатов. Внимание его было поглощено юной красавицей — его сестрой, такой же претенденткой в жены царю, как и Анастасия Захарьина-Кошкина.

Княжна Василиса Скурлатова, с копной рыжих волос и зелеными глазами, была поглощена выбором одежд, в которых ей надлежало предстать пред царевы очи в Кремле.

—Пожалуйста, стой спокойно, Василиса, или я уколю тебя, —говорила старая тетка Ольга Федоровна нетерпеливо стоящей перед зеркалом девушке.

Удобно развалившись в богато инкрустированном кресле, князь Лев Скурлатов наблюдал эту домашнюю суету сквозь прищуренные глаза.

—Расскажи мне вновь про других, —обратился он к сестре, зная, какую реакцию он этим вызовет. —Кто является твоей соперницей?

—У меня нет там соперниц! — воскликнула Василиса с вызовом. —Сколько раз я должна повторять это?

—Ну, право, среди пятидесяти девушек, должна же найтись хоть одна, сравнимая по красоте с княжной Скурлатовой.

Князь с трудом сдерживал сарказм: ему было известно, какого высокого мнения о себе его сестра, как

гордится она своей красотой и родовитостью. Однако, по мнению Льва, среди прочих, была девушка, достойная того, чтобы поволноваться его сестре: светловолосая княжна из Ростова.

—А что ты думаешь о княжне Вороновой?

—О, Лев, она слишком юна и худа, как палка.

Лев пожал плечами и решил произнести еще одно имя, чтобы ее задеть.

—Я слышал, что дочь Захарьина-Кошкина среди выбранных. Ее отец был советником при отце Ивана.

—Да, но посмотрим, чего стоит она сама.

—Почему бы и нет? По мнению многих, она очень хороша. Так невинна, —подчеркнул он последние слова, зная, какую бурную реакцию они вызовут.

Сестра его не разочаровала.

—Кто захочет невинную девушку в жены? — вопросила княжна. —Конечно, только не наш женолюбивый царь! — Замечание повергло старую тетку в ужас.

—Осторожно, дорогая сестра, —Лев сделал суровое лицо, но не смог скрыть смех в глазах. —Неприлично девице говорить о подобном.

—Я не хотела бы быть девицей, —был быстрый ответ. —Если бы это зависело от меня, я бы имела сотню любовников, и еще одну сотню ожидающих своей очереди.

—Неужто? И что бы ты делала с этими страстными молодыми людьми?

Князь мысленно наслаждался этой перепалкой с сестрой. Она говорила с непоколебимой самоуверенностью о вещах, в которых ничего не смыслила.

—Ты думаешь, я не знаю? — она провела кончиком розового языка по губам. —Спроси своего дружка Панина, я все знаю уже о любви.

Лицо князя стало жестким. Репутация Панина как соблазнителя женщин была хорошо известна в московских кругах; но будучи способным наслаждаться слухами о похождениях своего друга, князь убил бы каждого, кто покусился бы на его сестру.

—Перестань быть посмешищем, Василиса, —холодно сказал он. —Ты ввергнешь себя в беду в эти дни.

—Ах, какую беду! — воскликнула Василиса. Ее глаза светились, как два прекрасных изумруда. —Панин слывет у женщин нежным искусным любовником...

Едва она начала называть достоинства Панина как ее брат сорвался с кресла и дал ей пощечину.

—Замолчи! — он яростно схватил ее и близко наклонился к ее лицу. —Это не тема для шуток!

—Оставь меня, Лев! — она попыталась освободиться от власти его рук. —Какое тебе дело до этого?

—Послушай, сестрица, —Лев понизил голос до шепота и так близко склонился, что она чувствовала его дыхание. —Мы совсем близки к достижению высот выше наших самых безумных мечтаний. Благодаря божьей помощи в палатах нашли тебя девственницей. И если бы это не случилось в Кремлевском дворце, я бы разорвал это горячее, нетерпеливое тело на куски собственными руками!

Видя, что она зашла слишком далеко, Василиса решила не перечить брату. Баталия закончилась примирением.

***

В другой части города, пожилая женщина готовилась к своей ежевечерней процедуре. Прелести брака и любовные игрища давно не занимали ее, Анна Глинская жила другими радостями, удовлетворяющими ее гораздо больше, чем любое плотское наслаждение. Она улыбнулась при мысли о том, чем занимались она и ее друзья все годы с тех пор, как покинул эту землю Василий III. Власть, которой она добилась для своих родных и друзей! Хотя борьба была долгой, но теперь Глинские и их сторонники добились успеха, и Иван ныне в безопасности.

Иван. Лицо старой женщины смягчилось при мысли о внуке. Их всегда связывали сердечные отношения, особенно после смерти ее дорогой Елены. Несчастный мальчик был просто убит ранней кончиной матери, но Анна быстро сумела отвлечь его, а ныне пользовалась его доверием и любовью.

Но теперь беспокойство внушало Анне новое желание Ивана — жениться. Ей были известны все возможные претендентки из родовитых семей. Случись так, что будет избрана девица с амбициями и они, Глинские, могут оказаться лишенными власти вблизи трона.

Поэтому Анна предпринимала все шаги к тому, чтобы была избрана нужная девушка, такая, чьи родственные связи не представляли бы угрозы. Для этой цели она и общается со своими сообщниками. Улыбка осветила старое лицо женщины при воспоминании о своей

первой попытке. Это было так просто! Имя писалось на куске пергамента. Обитая черным комната, освещаемая лишь пляшущими огоньками громадных свечей... Круг одетых в черное мужчин и женщин, воздавших руки и поющих, поющих... Пергамент сгорал в пламени свечи. Какое облегчение она чувствовала, когда он обращался в прах. Какую надежду!

И она не была обманута в своих ожиданиях. Когда имена пятидесяти оставшихся претенденток в жены царю были объявлены, ее избранница оказалась среди них.

Все, что еще оставалось теперь сделать — это убедиться, что именно она стала победительницей. Анна предвкушала радостно, что заключительный акт довершит ее дело. Вновь пение и пляска огней. Славный момент жертвы, когда жизнь и смерть соединяются друг с другом в единый момент... Вкус теплой, липкой крови...

Она еще пребывала в своих мечтаниях, когда облачалась в свою черную накидку и держала путь из дворца на тайную встречу на берегу реки.

***

—Скотина!

Иван взял бутылку и с силой швырнул ее позади себя. Раздался грохот, он поискал глазами еще какой-нибудь тяжелый предмет, и не найдя, уставился на девушку, стоявшую напротив него.

—Свинья! — воскликнула она, ее возбуждающие груди восхитительно вздымались под плотно прилегающей тканью. —Лгун!

Иван не мог сдержать восхищенной улыбки: Тамара, всегда радость для глаз, была даже более прекрасна, когда становилась безумной. Со своими черными кудрями, ниспадающими ей за спину, своими темными глазами, полными яркими губами, она была так желанна, что он хотел ее всегда и всюду. Он сделал вид, что наступает на нее, но она уже отскочила с проворством кошки назад, вытянула вперед руки с длинными ногтями, как бы говоря: «Подойди только ближе — и я расцарапаю тебе лицо».

—Я вижу, ты уже слышала новости, —сказал он спокойно, мысленно наслаждаясь этим неожиданным сопротивлением.

—Двести девиц, и ты ничего не говоришь мне! — Тамара зло прищурилась. —Я узнаю об этом от слуг!

—Это всего лишь предварительная проверка. —Он старался придать своему голосу оттенок безразличия. — Отобрать тех, кто не соответствует... Неприятны в манерах, лице или... э-э... теле.

—Шайтан! — Девушка прыгнула на него и постаралась царапнуть его лицо длинными ногтями. —Ты смеешь говорить мне о других женских телах?!

—Тамара, —Иван отстранил ее. В его черных глазах плясали озорные искры. —Веди себя достойно.

—Достойно?! А когда ты поступал так со мной? Ты, дикий, дьявол!

—Это правда, любовь моя. Но ты знаешь, что это должно было бы случиться однажды. Мое положение обязывает иметь жену.

—А я недостаточно хороша для тебя? Я твоя наложница! Я к твоим услугам днем и ночью. Я живу только для твоего удовольствия. А что ты найдешь в этих русских, с их-то рыбьей кровью!

Она не могла успокоиться. Иван снова улыбнулся. Эта татарская девушка мнила себя выше всех русских женщин. Он считал ее притязания смешными.

Спору нет, было время, когда татары имели власть на его земле. Но дед его, Иван III, положил конец их кровавой тирании. И вообще — татарская или какая другая — в Тамаре текла не царская кровь.

—Хватит, Тамара, ты забылась, —предостерег он. — Ты же говоришь о моих землячках.

—Ха! — воскликнула Тамара. —Ты не больше русский, чем я. Настоящий Иван был украден цыганами, и ты поставлен на его место.

—Цыганами! — Ее странные идеи никогда не переставали удивлять его.

Девушка серьезно кивнула. —В тебе есть татарская кровь, как и во мне. Как иначе ты объяснишь, что мы вместе? Пламя, которое сжигает нас и заставляет гореть страстно, которая одним нам понятна. Мы — близнецы, ты и я. Две половины, стремящиеся одна к другой, чтобы соединиться в одно.

То, что она говорила, было недалеко от истины. Тамара попала в Москву из Казани ребенком, когда ее мать стала служить швеей у его матери, Елены Глинской. Хотя Тамара была пятью годами старше Ивана, их постоянно тянуло друг к другу, и все время, пока они росли, Тамара ни в чем не уступала молодому князю, разделяя все его безумные забавы, всегда придумывая разные раз-

влечения. Когда Ивану было только шесть лет, Тамара увлекла его лазанием по Кремлевской стене. Когда ему было десять, она впервые дала ему попробовать водки, утащив ее у дворцового слуги. А когда ему исполнилось тринадцать, она стала его наложницей.

Но никогда не было речи о том, чтобы им обвенчаться. Для Ивана было ясно, что настанет день, когда он будет правителем и возьмет в жены девушку по древним русским обычаям, выбранную из лучших девиц. Очевидно, что Тамара этого не понимала.

—То, что ты говоришь, правда, —ответил ей Иван. — Но клянусь тебе, ничего не изменится, никто, даже жена, не сможет разлучить нас.

На этом Тамара несколько успокоилась, снова Иван двинулся к ней. Но вдруг она опять насторожилась и увернулась, когда Иван хотел схватить ее за запястье. Ей это не удалось, и она оказалась беспомощной. —Оставь меня! — произнесла она пытаясь освободиться. Когда это не помогло, она впилась своими крепкими белыми зубами в его руку с такой силой, что ощутила кровь на языке.

Рассмеявшись, Иван, схватил ее и прижал к себе, продолжая держать ее запястья своей левой рукой, а правой приподнял и повалил на зеленое бархатное ложе в конце комнаты.

—Оставь меня! Иначе я не перестану кусаться!

—Вот это мне уже нравиться больше, Тамара, —нежно проговорил царь. —А завтра я велю изготовить жемчужное ожерелье для твоей красивой шеи.

Она еще пыталась оттолкнуть его, но он развязал шнурки ее рубашки, и она перестала сопротивляться.

Глава 3

Анастасия стояла перед судьями, стараясь унять дрожь в своих ослабевших коленях. Краска стыда заливала ее шею, отражаясь двумя розовыми пятнышками на ее нежных атласных щеках. Хотя она была полностью одета, у нее было такое чувство, будто эти мужчины видят, что у нее под летником и нижней рубашкой; она и в самом деле слышала, что некоторые из них глазеют на девиц в комнатах для осмотра через скрытые щели и искусно замаскированные глазки.

—Она хорошо сложена, —сказал, обращаясь к остальным, мужчина, которого, как расслышала Анастасия, звали Алексей. Как только что выбранный постельничим, Алексей Адашев имел необычайно высокое о себе мнение, и на предварительных отборах вел себя так, как если бы его выбор мог повлиять на решение царя.

Рассматривая Анастасию, Алексей внезапно ощутил, как кровь бросилась ему в лицо. Воспоминание о ней такой, какой он увидел ее вчера через секретный глазок в девичьей спальне, перехватило дыхание. Он представил ее белое безупречное тело, с трогательно вздернутыми сосками, лежащими на грудях, как два нежных розовых лепестка... Золотисто-коричневую кисточку, растущую между ее ног и сравнимую разве что с самыми дорогими соболями за свою шелковистость.

—Женщины... —он прочистил горло и начал снова: его язык так заплетался от возбуждения, что он с трудом выговаривал слова, —женщины говорят, что она пригодна для деторождения.

Князь Андрей Курбский посмотрел на него с отвращением. Он не мог понять, почему Иван избрал себе в советники для выбора невесты этого дикого человека? Впрочем, остальные двое судей были не лучше. Митрополит Макарий, верховный иерарх русской православной церкви, конечно, заслуживал почтения, но он уже стар и так углублен в молитвы и церковные распри, что едва ли помнит как выглядит женщина. А вот архиепископ Сильвестр! Большего лицемера Андрей не видал. Низкая душонка, чопорный — он был настолько развратным, что приходилось удивляться, как это всемогущий Господь Бог до сих пор не покарал церковь в наказание за такого служителя. Но, конечно, напомнил себе молодой князь-идеалист, Ивана совсем не интересуют судьи и участники. Он поглощен своей полубезумной татаркой, и маловероятно, если у него найдется время для жены.

Андрей посмотрел на покорно стоявшую перед ними девушку и покачал своей белокурой, красиво очерченной головой. Какая участь ожидает эту кроткую домашнюю девицу, стань она женой их дикого, безрассудного, уже пресыщенного правителя? Если ей посчастливится, Иван использует ее, чтобы она родила ему детей, а все оставшееся время ей придется мирно высиживать в дворцовом тереме. Если же ей не посчастливится, если она изменит ему или чем-то прогневит... Андрей постарался прогнать эту мысль. Ивану не было свойственно разумное спокойствие. В лучшем случае она проведет остаток жизни в монастыре. В худшем... Но, возможно, царь имеет хоть каплю жалости?..

«Что толку размышлять об этом?» — спрашивал себя князь с тяжелым вздохом. —«Иван должен иметь жену, и коли Анастасии Захарьиной-Кошкиной предназначено быть избранной, значит — так тому и быть».

Митрополит Макарий подергивал свою длинную бороду и разговаривал с Сильвестром.

—Она набожна. Ты исповедовал ее?

Архиепископ спокойно кивнул.

—Она чиста? Она может стать хорошей женой нашему осударю, да?

Сильвестр благодушно улыбнулся.

—Я не вижу причин, почему бы нет. — Как от человека духовного сана, от Сильвестра ждали только мнения о набожности девиц. Их ум, знатность, тело... все это досталось мирским судьям. «Как глупо!» — думал он про себя. Если бы его спросили, он нашел бы, что сказать. Почему должно быть избрано из прочих именно это неприметное создание, когда существует несравненно более подходящая кандидатка? Княжна Василиса Скурлатова — вот это девица! Как и Алексей Адашев, архиепископ нашел потайное место в отведенных девицам палатах и проводил немало полных страсти часов, подглядывая. Как он любил смотреть на них, раздевающихся перед сном, расчесывающих гребнем длинные блестящие волосы, одевающихся в белотканные нижние юбки, а затем сарафаны, украшенные яркими лентами, а иногда и сверкающими каменьями!

Он знал интимные подробности каждой из них — и той, что сейчас стояла перед ним, и красавицы-княжны из Ростова.

Но все они и в подметки не годились Василисе. Как соблазнительна ее шелковая, без единого изъяна, кожа, нежно отливавшая румянцем, как восхитительны ее зрелые груди — когда двигалась, они слегка подрагивали, сочные ягодицы возбуждающе покачивались. А какой у нее характер! Сильвестр любил яростный блеск этих зеленых глаз, когда она была недовольна; величественную манеру, в которой она обращалась со слугами и равными себе; то, как она топала своей изящной ножкой, когда что-то было ей не по нраву. «Ах, да она просто бросает вызов мужчине!» — думал он оценивающе о ней. Но может статься, что другие ее не заметят. Тогда, возможно, если будет выбрана другая девушка, Василису определят в круг приближенных царице. И тогда... кто знает? Тонкие губы Сильвестра предательски дрожали от возбуждения, как только он думал о том, что задуманное может стать явью.

—Конечно, здесь есть девицы с более ладными манерами, —напомнил митрополит своему сотоварищу. — Княжна Воронова, к примеру. И эта, другая княжна... — он в задумчивости почесал голову. —Эта, с рыжими волосами. Как ее имя?

—Скурлатова, Отче, —подсказал Сильвестр. —Василиса Скурлатова.

Митрополит кивнул. —Ну да, Скурлатова. —Он обратился к архиепископу: —А что, княжны Воронова и Скурлатова так же здоровы, как и эта девица?

Сильвестр опустил свою рано поседевшую голову. — Возможно, мы должны подумать немного, прежде чем принять решение.

—Верно, —согласился с ним Алексей Адашев. Он потворствовал тому, чтобы решение не было принято как можно дольше. То, что все эти прелестные девицы были под одной крышей, добавляло дворцовой жизни сладостного оживления. Что же касается ее, той, к которой он обращался, она может и подождать.

—Нам может понадобиться снова опросить остальных.

Макарий повернулся к князю Курбскому: —Князь, что скажешь? Желаешь ли ты отсрочить решение?

Андрей пожал плечами. Он согласился участвовать в этом деле, которое считал нелепым притворством, только лишь потому, что Иван был его другом с детства, и он уверил самого себя, что с той минуты, когда царь потерял всякий интерес к выбору жены, он, Андрей, сам примет решение, исходя из хорошо известных ему привычек и желаний Ивана. Но чем больше он видел этих трепещущих от страха целомудренных дочерей, тем мрачнее становился. Вопреки их радужным ожиданиям, избраннице, несомненно, суждено безрадостное существование, навечное подчинение непредсказуемому характеру Ивана и его железной воле. Дай Бог, если девушки, которых он здесь успел увидеть, выйдут замуж за простых смертных, и проведут свою жизнь в домашних пересудах с кумушками в опрятной светелке. Но царю понадобилась жена, и вот уже избранниц осталось десять. Будь на то воля Андрея, он поспешил бы покончить с этим делом. Но если остальные трое желали продлить его, что проку спорить с ними?

—Я подчинюсь мнению моих мудрых товарищей, Отче, — ответил он. И, бросив прощальный и полный сочувствия взгляд на Анастасию, он покинул комнату.

***

—Я разузнал кое-что об оставшихся кандидатках, — поведал своей матери Михаил Глинский, протягивая ей аккуратный список имен. Под каждым из них была написана краткая история рода, после чего следовала запись обо всех живых родственниках мужского пола. — Нам нужно подобрать такую, которая служила бы на-

шим интересам, а затем изыскать способ заставить Ивана избрать именно ее.

—Предоставь это мне, —ответила Анна. Она попыталась изобразить загадочную улыбку на лице. —Я уверена: мы может рассчитывать на то, что царь примет правильное решение.

—Я уповаю на то, что твое влияние на него так же сильно, как ты себе представляешь. Мой дорогой племянник закалил свою волю за последнее время. —Он знал, что его мать тешила себя мыслью, будто она направляет Ивана, но вот пришло время, когда она внезапно столкнулась с тем, что ее внук наслаждается своей возмужалостью и быстро выходит из-под ее власти. Он указал на имя на листке пергамента: —Тебе известная княжна Воронова?

Лоб старой женщины наморщился, когда она попыталась вспомнить. — Светловолосая... — произнесла она медленно. — Из Ростова.

— Да, она. Я думаю, что она больше всех других нам подходит.

Анна вгляделась в строки под именем Ирины, и в испуге обернулась к Михаилу: — Но она из влиятельного рода. Ее отец князь.

— Да, — ответил Михаил. — Настолько влиятельного, что не нуждается в царской милости. Если будет выбрана Ирина, мы можем не бояться, что он перережет нам глотки, пытаясь узурпировать нашу власть.

— Почему ты так уверен? У нее, наверное, есть братья или...

Михаил покачал головой. — Единственный сын Воронова был убит в схватке с казанцами. И больше никого нет.

Но Анну это не убедило. Она жадно читала другие имена в списке, пока не нашла то, что искала. — Очевидно, ты проглядел вот это, — сказала она важно. Она провела пальцем до той строки, которая начиналась: «Анастасия Захарьина-Кошкина...»

Михаил так яростно затряс головой, что один, все еще черный локон упал ему на лоб. — Самый худший выбор. Она не родовита, бедна, как церковная мышь...

— Но в этом-то все и дело! Она неприметна. Союз, подобный этому, позволит нам и дальше быть у власти!

Михаил вздохнул. Все его нетерпение сквозило во взгляде, который он послал ей. — Матушка, неужто ты забыла Григория Захарьина-Кошкина?

— Григория? — старая женщина казалась смущенной.

— Подумай, матушка. Он был когда-то очень влиятельным.

Анна молчала. Так много всего, что нужно помнить... Так много имен, лиц... Она прожила так долго, что все они приобрели неясные очертания. Она прикрыла глаза и попыталась припомнить, кто же звался Захарьиным-Кошкиным. Медленно всплыло воспоминание. — Ах, да. Он воображал, что нравится Елене, после того, как умер Василий.

— Это ему нравилась власть, которой обладала Елена. Ведь Ивану-то было всего три годка, и она правила за него. К счастью, она его насквозь видела и не обманулась его смешными попытками ухаживанья.

— Думаешь, он все еще стремится к власти? — Самое последнее, что она слышала о Григории, было то, что он жил на доход своего брата Романа, который умер, и проводит время в пьянстве.

— Люди, подобные Захарьину-Кошкину, никогда не отступают, — заявил Михаил. — Если его племянница станет царицей, он организует заговор прежде, чем брак будет совершен.

Анна нахмурила насурмленные брови. Она не приняла этого в расчет. Григорий Захарьин-Кошкин. Да, теперь она хорошо его вспомнила.

Как это память подвела ее? И даже ее сообщники ничего не сказали ей. Но тогда, напомнила она себе, они сами ничего не знали про кандидаток. Они предоставили право выбора ей.

Она поджала губы. Она допустила ошибку. И должна будет исправить ее.

— Нет ли других девушек, кроме этих... э-э... из слишком энергичных семейств? — спросила она сына. — Кроме княжны Вороновой, я имею в виду?

— Нет. У княжны Скурлатовой столько родственников, что они составили бы армию: могли и подкупить, чтобы выбор пал на нее. Екатерина Шуйская...

— Хватит, хватит, — старуха замахала рукой, чтобы он замолчал. — Ты потрудился на славу. Если ты остановился на Вороновой, то пусть так и будет.

— Ты поговоришь с Иваном? Разузнай все у него. Если мы будем знать, куда дует ветер, нам станет ясно, как действовать.

Старуха утомленно покачала головой. — Миша, сколько еще я должна твердить тебе, что Иван здесь не при чем. Мои друзья...

— Твои друзья! — огрызнулся ее сын. — Нет у меня в них веры.

— Они обладают Властью. — Голос Анны сошел почти до шепота, а в глазах пылала такая страсть, что холодок пробежал по спине Михаила. — Для них все... любое возможно.

— Они играют в черную магию. Они ударяются в пьяные оргии и называют это тайным союзом.

Глаза Анны стали холодными, и она бросила на него взгляд, близкий к ненависти. — Они взывают к Повелителю, — прошипела она. — Как смеешь ты называть это игрищем?

— Матушка, нам нужно действовать, — упорствовал Михаил, — а не вызывать духов с помощью сушеных кореньев и крови жертвенного петуха.

Старуха откинулась назад и изучающе посмотрела на него. Как заблуждался этот несчастный, ее сын! Она почувствовала к нему не злость, а жалость. Возможно, деликатное убеждение поможет ему измениться. — Миша, — начала она нежно, назвав его, как в детстве, — сделай мне приятное: пойдем, и ты сам увидишь, на что они способны.

Но Михаил мог быть и упрямым. — Мне не интересны шабаши ведьм, — настаивал он. — Нужно заняться настоящим делом.

— Пойдем со мной... хотя бы раз. Если ты не веришь...

— Матушка...

— Миша, только раз! — Лицо Анны, густо набеленное и нарумяненное, ставшее почти маской, вдруг ожило, и странный блеск появился в глазах. — Мы пойдем ночью, после того, как уснут во дворце. — Словно гипнотизируя его, она медленно сказала: — Встретишь меня на Кремлевской стене. Путь до дома недолгий.

Михаил открыл было рот, чтобы возразить, но слова вылетели из головы. Проклятье! — думал он, ругая себя за это свое внезапное бессилие. Он попал в положение, которое слишком часто мучило его, когда что-то касалось его матери. Почему он никогда не может отказать ей?

— Двенадцать часов, — произнесла Анна. Ее голос умиротворял, убаюкивал его, вводил в какое-то оцепене-

ние, которого он не желал. — Надень что-нибудь неприметное. Лучше всего черное.

Михаил смотрел на нее, все еще желая отказаться, но вместо этого поймал себя на том, что кивает. — Черное, — повторил он послушно. — Двенадцать часов.

Он почувствовал, что слабеет от торжествующего взгляда, который бросила на него мать.

Глава 4

Душный кабак был полон зловонными испарениями, исходящими от пьяных и грязных его завсегдатаев, проливающих на пол пиво, справляющих нужду прямо в углах, а за дверьми в водосточной канаве их тошнило. Лев Скурлатов с омерзением сморщил нос, оглядев комнату. Эти завсегдатаи не имели денег, чтобы угощать своих приятелей, и все же они каждый день приходили в кабак, чего бы это им ни стоило: просили милостыню или крали. Когда и эти гроши иссякали, он шли шататься на улицу, где многие просто слонялись или валялись в грязи, пока их не будил ночной сторож и вез на телеге в тюрьму.

Лев не заметил в кабаке человека, скромно сидевшего в углу, довольно хорошо одетого. Тот был слегка пьян, но остро поглядывал по сторонам. Потягивая из стакана, он экономно расходовал деньги, чтобы они не закончились прежде, чем он уйдет. Григорий Захарьин-Кошкин посещал этот и все близлежащие к Кремлю кабаки семь дней подряд. Он знал, что заведения такого рода изобиловали слухами и сплетнями, и он завязывал осторожные беседы с завсегдатаями и целовальниками, которые могли что-то прослышать об интригах в Кремле. Но он встречал только один ответ: нет. Брачные дела Ивана хранились в таком же секрете, как и дела государственные.

Когда Григорий увидел вошедшего Скурлатова, его сердце, уже почти утратившее все надежды, вдруг встрепенулось. Ведь князь-то имеет сестру во дворце! И хотя его присутствие здесь не обязательно было связано с этим, Григорий-то уж знал, что такая птица не станет терпеть подобную обстановку, если что-то не затевается. И что бы он не услышал, это вознаградит его за бесполезные шатания в этот день.

Любопытство Григория достигло своего предела, когда он увидел морщинистого, уродливого служку, который вошел и, прихрамывая, устремился прямо к Скурлатову. Они тихо поприветствовали друг друга, но затем голоса стали громче, когда князь начал отчитывать вновь прибывшего.

— Ты заставил меня ждать, — тон его был раздраженный. — Ты же знаешь, как я презираю эти гнусные заведения.

— Прости, князь. Мне с трудом удалось выйти сухим из воды. А потом еще и старый Егор...

— Не говори мне про твоих тупых скотов! Говори быстро. Какие вести принес?

— А, вести! — человек вздохнул и с сомнением покачал головой. — До них трудно добраться. — Морщинистое старое лицо исказилось усмешкой, обнажившей рот со сломанными, гнилыми зубами. — Так много девиц!

Князь взглянул на него в смятении. — Твое послание сообщило мне, что царь уже близок к решению! Помоги мне, Прохор... Если же ты вытащил меня сюда без дела...

— Нет, князь, нет! Я только хотел сказать, что постоянно был в тревоге. — Поза маленького человечка являла собой теперь само усердие. Он не мог допустить, чтобы князь потерял к нему интерес. Особенно когда Скурлатов нетерпеливо ожидал ответа.

— Тогда довольно об этом! Что же решил наш прославленный Иван?

Григорий, напрягая слух, не упустил легкого сарказма в голосе князя, когда тот говорил о царе. Но это не было удивительно, если знать натуру говорившего: Скурлатовы почитали себя выше всех, даже самого правителя.

— Правда то, что государь ничего не сказал. Его помощники...

— Я знаю это! — Лев так громко рявкнул, что несколько голов повернулось в его сторону. Он осмотрелся с виноватым видом, заставив Григория спрятаться за соседа — толстого купца, чтобы не быть обнаруженным.

— Расскажи мне, что ты узнал, — сказал он более спокойным голосом.

Прохор колебался. Он лучше знал, когда надо протянуть руку. Он был хитер и знал людей типа Скурлатова, которыми можно вертеть, если их как следует прижать.

— Могу я сделать глоток браги, князь? — спросил он. — Моя глотка пересохла.

Князь с раздражением толкнул к нему свою собственную чарку, и служка, томимый жаждой, выпил. Когда он допил мутный темный напиток, то втянул плечи и причмокнул иссохшими, растрескавшимися губами. — Ведомо тебе, князь, — наконец промолвил он, — как нелегко было это разузнать?

Губы князя сложились в презрительную гримасу. — Ладно, Прохор. Хотя ты всего лишь смотришь за царскими животными, но каждому известно, что ты — глаза и уши дворца.

При этих словах Прохор горделиво выпятил грудь. Он был на стороне матери Ивана в кровавой распре, начавшейся после смерти Василия, и за нанесенные ему увечья был принят на службу в дворцовые конюшни. Потом ему дали на попечение дрессированных медведей. Вначале он только кормил зверей, но постепенно научился обходиться с ними, и обучил их, и его стали звать на царские потехи — это позволяло ему иметь сочные куски и краем уха слушать царские сплетни. Сплетни, которые он, при случае, мог дорого продать.

— Так оно и есть, — позволил себе похвастать Прохор. — Но если бы царь узнал, о чем я здесь толкую...

С горькой усмешкой князь потянулся за своим кошельком. Он высвободил несколько серебряных монет из тяжелого бархатного кошеля и вложил их в грязную протянутую руку.

— Может, это успокоит твою совесть, — произнес он с омерзением.

Прохор вертел монеты своими большими пальцами, словно смакуя ощущение холодного металла на своей потной ладони. Но он не собирался утешаться этим, если можно было рассчитывать на большее.

— Просто я не хочу попасть в беду. — Его единственный зрячий глаз встретил взгляд князя, полный нарастающего холодного бешенства.

Скурлатов спешно швырнул ему еще монету. Но его нетерпение достигло опасного предела. — Говори! — приказал он. — Твои слова не стоят стольких денег!

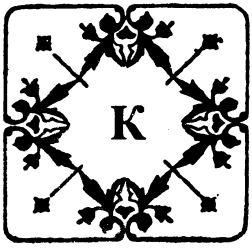
Тот кивнул и спрятал монеты в складки своего грубого суконного кафтана. Его здоровый глаз обшарил темный зал, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. Он не заметил Григория, который усердно делал вид, что поднимает стакан, чтобы его снова наполнили. — Помощникам его, говорят, особо пришлась по вкусу княжна Воронова.

Князь Лев смотрел на него внешне спокойно, но его сонные глазки сузились и крошечные бусинки испарины выступили на лбу. Григорий тоже почувствовал, как при этих словах его бросило в жар.

— Благодарю, Прохор, — произнес князь с холодной вежливостью. — Это важно.

Извлекши пользу из добытых им сведений, Григорий не стал допивать, бросил деньги на стол и поспешил прочь из кабака. Он чувствовал слабость и желал только одного: уединиться и снова поразмыслить над услышанной вестью, разочаровавшей его. Он не увидел, как князь потянулся за кошельком снова и покачал его маняще перед самодовольным лицом Прохора. Не слышал и последних, темных слов Льва, обращенный к проворному служке: — Может быть, мы еще потолкуем... о более выгодном дельце.

Глава 5



Клянусь тебе, Настя, если вскоре они не примут решения, я просто умру от переживаний. — Княжна Ирина Воронова бросилась в резное, дубовое кресло и, подперев изящными ручками красивый подбородок, нахмурилась.

Анастасия взглянула на нее, рассмеявшись: — Ты? Умрешь от переживаний? Да ты самый спокойный человек, каких я только знаю.

— Это верно, — нехотя призналась Ирина. Она понизила голос, чтобы не быть услышанной другими девушками в палате. — Одна только весть о судьях повергла меня в смертельный ужас. Понимаешь ли ты, что одной из нас суждено стать женой самого царя?

— Которого мы еще не видели, — прибавила Анастасия печально. То, что царь не проявлял никакого интереса в выборе своей будущей жены, совсем расстроило ее. Что это за мужчина, который перепоручает такое дело своим советникам?! И ей казалось, что пора бы Ивану появиться самому.

— Я видела его лишь однажды, когда мы были детьми, — заявила Ирина с таким выражением в голосе, словно это воспоминание никогда не покидало ее: — Он тогда был красивым мальчиком. Я не думаю, что он так уж изменился.

— Ну, я надеюсь, что он хотя бы подрос с тех пор! — Анастасия иронично подняла брови и обе покатились со

2—139

смеху. Когда они пришли в себя, Анастасия поделилась обрывком слуха, слышанного ею от слуг. — Они говорят, что уже все решено. И все объявят вечером.

— Вечером! О, Настя! — Глаза Ирины широко раскрылись.

— И, — возбужденно продолжала Анастасия, — все загадывают, что царицей быть тебе!

— Мне? — Ирина была ошеломлена. — Ужели? Откуда тебе знать?

— Всего лишь болтовня дворни. Но я убеждена, что это верно. Ты станешь царицей. — Только десять девиц оставалось под конец этого состязания, и хотя Анастасия и волновалась за то, чтобы остаться среди них, но при этом была уверена, что красота, знатное происхождение Ирины и ее воспитание поставят ее на самую вершину.

Ирина с тайной надеждой смотрела на нее, а потом глаза ее засветились иронией. — Что ты думаешь о ней? — прошептала она, кивая в сторону Василисы Скурлатовой. Чарующая московская княжна почти с высокомерием держалась с оставшимися соперницами. — Я уверена, что, случись мне стать победительницей, наша подруга Василиса выхватит нож из-за пазухи и заколет меня раньше, чем моя голова будет повенчана!

— Верно, — согласилась Анастасия. — А представляешь, что будет, если выиграю я? Она разорвет меня на кусочки, а все только помогут ей в этом.

Анастасия не обманывалась расположением к ней знатных девиц, с которыми она жила бок о бок все эти последние восемь дней. Конечно же, можно было ожидать ревности среди соперниц, но изнеженные княжны и дочери богатой знати были просто уязвлены тем, что она могла бы стать царицей. Анастасия то и дело чувствовала на себе их презрительные взгляды, заставляющие ее горько сознавать, что платья ее не модны, перешиты, что у нее нет сверкающих ожерелий и браслетов, которые все эти девушки носили с пресыщенным равнодушием. И только одна Ирина Воронова была добра к ней. Искренняя, простосердечная Ирина, у которой драгоценностей было больше всех и чья знатность рода бесспорно превосходила прочие.

В ту минуту, когда Ирина смотрела на нее, княжной вдруг овладела новая идея. — Анастасия, давай договоримся, что чем бы ни закончился отбор, ты приедешь после ко мне в Ростов.

— Ростов! — Анастасия просияла. — Ты и вправду этого хочешь? А что скажут в твоей семье?

— У меня никого нет, кроме батюшки. Он был бы рад моим друзьям. Но только теперь я нашла, кого пригласить.

Анастасия почувствовала, как запрыгало ее сердце. Она даже боялась задуматься, что же будет, когда все закончится. Мысль о том, что ей придется вернуться в сырой, тесный деревянный дом в Белом Городе угнетала ее. И вот сейчас появилась возможность убежать от тоски домашних работ и от постоянных поучений матушки и дяди Григория! Она ни минуты не сомневалась, что ее семья одобрит эту поездку. Знаться с Вороновыми означало выйти в свет, а там — кто знает? Как повернется судьба для нее в Ростове...

— Тебе не нужно будет все время проводить с моими друзьями, — словно читая ее мысли, добавила Ирина. — Батюшка дозволяет мне заниматься его делами, и мне знакомы многие достойные юноши!

— Ох, Ирина, это так чудесно. — И тут вдруг, вспомнив ей же самой рассказанный слух, она добавила печально: — Но тебе конечно же, не придется больше вернуться в Ростов.

— Настя...

— Это так. Тебе суждено стать царицей. Подожди и увидишь.

Ирина задумчиво закусила губу. — А отчего мы не можем отправиться прямо сейчас? — предложила она, помолчав. — Мы можем уехать в Ростов, а Ивану оставить Василису.

Анастасия закатила к небу глаза: — Бедный Иван, — прошептала она, едва сдерживая подымавшийся изнутри нее смех. Она понимала, что Ирина шутит и что попасть в Ростов ей почти невозможно, но сама мечта была так прекрасна, что ей хотелось лелеять ее как можно дольше.

В другом конце залы объект их шуток, Василиса, с любопытством посматривала на них. Поскольку ее брат Лев чуял в этих двух опасных соперниц, Василиса бдительно наблюдала за ними с самого прибытия в Кремлевский дворец. Разумеется, она не допускала, что одна из них может затмить ее, но уже то, что они остались здесь, говорило в пользу предположений Льва, и она сочла разумным быть настороже. Вот теперь они болтают там, как пара глупых старух. О чем, ради всего святого, они говорят? Прослышали они о чем-нибудь или же

нет? Ей было известно о гуляющем слухе, что будто бы невеста уже выбрана. Означает ли их внезапное оживление, что им известен приговор — и что одна из них избрана Иваном?

Извинившись перед своими товарками, она поднялась с кресла и направилась к Ирине и Анастасии. «Как мерзко притворяться», — говорила она себе, складывая вишневые губы в красивую улыбку. Василиса презирала почти всех женщин и ненавидела общение с ними. Но как бы там ни было, притворялась она мастерски.

— Позвольте мне сесть подле вас? — начала она вкрадчиво. — Эти сестры из Новгорода ужасно скучны.

Взгляды Ирины и Анастасии встретились, выражая подчинение обстоятельствам. — Тебе и нас долго не вынести, — отвечала Анастасия. — Радовалась бы этому.

Василиса насторожилась. — Вам что-нибудь известно, да? Скоро ли объявят?

— Только слухи, — ответила Ирина. — Но вполне понятные. Ведь не станет же царь держать нас здесь всю жизнь.

Василиса лукаво улыбнулась. — Насколько я знаю нашего Ивана, он на это способен. Возможно, он женится на всех сразу...

— Я не думаю, что мне было бы это по нраву, — воскликнула Анастасия. — Я не желаю делить своего мужа с другими женщинами.

— Нет? Наверное, ты еще задумаешься над этим. В наше время нет верных мужей. Если только... — Василиса откинула назад свою медно-красную косу, — ...жена не достаточно умна.

— Умна? — Ирина откровенно рассмеялась. — Что же это означает на деле? Может быть, ты научишь нас чему-нибудь.

— Может быть, — согласилась Василиса. — После того, как будет объявлено решение. И я кое-что расскажу вам, что узнала сама.

— Вот уж наслушаемся, мм-м? — обратилась Ирина к Анастасии. В ее голубых глазах плескался смех. При всей своей показной бывалости, Василиса, по мнению Ирины, знала о мужчинах не больше, чем остальные здесь. Если бы это было не так, ее едва сочли бы пригодной для царя.

— А что если прямо сейчас? Я вот только понаслышке знаю Ивана, — сказала Анастасия, повернувшись к Василисе. — Ты близко знаешь его?

— Дорогая Анастасия, все знают Ивана, — отвечала Василиса со своим обычным тоном превосходства. И со значением добавила: — Все, кто приближен к царскому двору, его знают.

Как обычно, Анастасия пропустила колкость мимо ушей. Сейчас ее волновал Иван. — А каков он? — настаивала она. — Статен ли? Высок? Любит ли смеяться...

— Конечно же, он статен, — прервала Василиса с презрительным выражением изумрудных глаз. — И очень высок. И у него самые темные глаза... — Она осеклась, услышав доносившиеся громкие голоса за дверью зала. — Слушайте! Идут!

И они обернулись в направлении шума. Двери залы распахнулись и вошли оживленные молодые мужчины, одетые в парчовые и бархатные кафтаны. Все они были навеселе. Девицы восклицали от удивления и восхищения, глядя на мужчин, которые делали громкие замечания и посматривали на девушек с явным одобрением.

— Взгляните-ка! Это он! — Василиса указала своим двум собеседницам, уставившимся на пришедших.

Анастасия проследила глазами Василисин жест, пока не нашла сама темную статную фигуру, возвышавшуюся над остальными; его надетое поверх кафтана платно было богато расшито жемчугом и сказочной красоты каменьями по бортам и низу широких рукавов, высокая тулья с собольим околышем надвинута на лоб.

— Это... Иван? — она застыла. — Не может быть! — Она почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица и у нее перехватило дыхание, когда он повернул к ней лицо. Два темных глаза, смотревших на нее поначалу были безразличны; потом, к ее ужасу, они сузились, и густые брови сошлись на переносице в хорошо запомнившимся ей хмуром выражении. Анастасия почувствовала, как свело судорогой желудок. Ее охватило желание спастись бегством от него подальше, но ее тело словно оледенело в кресле, и ей было не под силу даже отвести глаза.

Среди не заметивших этой молчаливой сцены молодых людей продолжалось подшучивание.

— Хо, Иван, ты и вправду счастливец! — сказал оди из его дружков, оценивающе пробегая глазами от одной девушки к другой. — Выбираешь из всех этих красавиц!

— Мне думается, это слишком трудное для государя дело, — заявил другой, шутливо толкая первого под ребра, многозначительно подмигивая. — Может, мы поможем?

Эти слова были встречены взрывами дикого, непристойного смеха, и некоторые выразили свое одобрение: — Да, да! Дайте выбрать нам!

— Спокойнее! — крикнул кто-то. — Князь Андрей сказал мне, что выбор уже сделан.

— Тогда дайте нам тех, кто остался! Мы-то уж утешим их печаль!

Снова зал наполнился хриплым смехом. Но никакого ответа не было от того, к кому были обращены шутки. Он стоял неподвижно посреди палаты и его глаза были прикованы к бледной темноволосой девушке, которая тоже не отводила от него глаз.

— Кто она такая? — сиплым голосом спросил он у Андрея, когда обрел дар речи. Андрей смутился: царь смотрел в том направлении, где сидели все три девушки.

— Прости, Иван, о ком ты говоришь?

— Эта девушка в белом. Кто она?

— В белом? Ну, это Анастасия Захарьина-Кошкина. Но вот та в голубом...

— Я не спрашиваю о той, кто в голубом! Что делает здесь эта... Анастасия? — в вопросе сквозила настойчивость, которой Андрей не понимал.

— Она одна из претенденток, как и все девушки. Но, Иван, та, что избрана...

— Кто она? Где мы встречались прежде? — прервал Иван. — Дочь ли она кого-то из моей дворни? У нее есть братья в войске?

— Ее отец был советником твоего отца, но после его смерти семья тихо влачит дни в Белом Городе. Но она тебе не ровня, и едва ли ты встречал ее раньше... — он с сомнением пожал плечами.

— Но я знаю ее! — внезапно воспоминание всплыло в нем: то рождественское утро, когда он едва не сшиб ее. — Что-то такое знакомое в ней, и...

— Иван, все смотрят.

— Так пусть смотрят, Господи! Я имею право смотреть.

— Я не оспариваю твоего права. Но ожидаются развлечения. — Нетерпеливо Иван повернулся к князю.

— Развлечения, — устало повторил он. — Да, пусть будет так.

— Именно за этим ты здесь. А после...

Иван вздохнул и покорно кивнул. — Хорошо, Андрей. Вели позвать. — Он подошел к друзьям, оставив Анаста-

сию, следящую за ним взглядом, слишком ослабшую, чтобы пошевелиться.

— Настя, что с тобой? — озабоченный голос Ирины возвратил ее из смятенного состояния. — Что случилось?

Василиса тоже почуяла что-то неладное. Но только встревожилась она по другой причине. Как же смотрел Иван на это ничтожество! На нее одну! На Анастасию, у которой такое небогатое платье! Да она словно приворожила царя!

— Настя! — Ирина осторожно дотронулась до ее плеча.

— Что? Я... Прости. — Анастасия уже вполне пришла в себя, но глаза, обращенные к Ирине, видели где-то за горизонтом.

— Но что произошло? Вы так смотрели друг на друга...

— А ты еще говорила, что не знаешь его, — встряла Василиса. Она была вне себя от любопытства. — И только минуту назад спрашивала меня...

— Смотрите, вот и они! — пролепетала Анастасия. Ее страстное желание отвлечь внимание от себя было услышано: массивные двойные двери палаты раскрылись, чтобы впустить одетых в красное музыкантов, а за ними — громадного косматого медведя.

Появление зверя вновь вызвало испуганные крики у девушек.

— Не нужно бояться, — обратился к ним служка, видя, что они разбегаются. — Старый Егор еще никого никогда не тронул. — Этот служка — морщинистый, кривоногий, в лохмотьях — крепко держал толстую цепь, обвивавшую шею медведя.

При этих словах девушки осмелились подойти ближе, и их расшитые жемчугами и каменьями кокошники образовали сверкающий полукруг напротив царских игривых молодцов.

— Поспешим, Настя, иначе мы ничего не увидим, — воскликнула Ирина, схватив ее руку и проталкиваясь через любопытных девиц.

— Красны девицы, подходите ближе, — звал старик. Он вытянул корявую руку в сторону двух девушек, которые стояли чуть впереди всех. — Здесь много места для всех. Вот так. Не пропустите плясок старого Егора.

Когда Анастасия и Ирина придвинулись ближе, он кивнул музыкантам, и они заиграли веселую плясовую. Это был знак для медведя. Его чуть подтолкнули — и он

встал на задние лапы и начал покачиваться в такт музыке. Восхищенное «ах!» пронеслось по рядам очарованных зрительниц, и некоторые девушки стали притоптывать изящными сапожками и хлопать в ладоши. В окружении Ивана, конечно же, не раз видели трюки медведя; их внимание занимали девицы.

Иван, стоящий сбоку, едва обращал внимание на медведя и скоморохов. Он вновь засмотрелся на темноволосую девушку, и, казалось, не слышал ни музыки, ни восклицаний. Для Андрея, стоявшего позади, такая целеустремленность Ивана явилась знаком того, что тот решил пренебречь советами своих помощников и сделать выбор самому.

— Тебе известно, что избрана княжна Воронова? — спросил он осторожно Ивана. — Если ты не согласен...

Царь нетерпеливо отмахнулся. Затем, подумав, безразличным голосом спросил: — Кто здесь Воронова?

— Девушка рядом с Анастасией, светловолосая, в голубом летнике.

— Хм. — Иван лениво скользнул глазами с одной на другую. — Красивая.

— Если ты не согласен... — повторил Андрей. Он заранее праздновал победу, вообразив досаду Сильвестра и Адашева, когда обнаружится, что их предложение отвергнуто.

Но ответ царя удивил его. — Не согласен? — переспросил Иван. — Почему я должен быть не согласен? Коли уж ты и прочие избрали княжну Воронову, так тому и быть.

— Но тебе явно по душе Анастасия. Я подумал...

— Никто мне не по душе, — оборвал его Иван. — Она не такая... как остальные.

Андрей кивнул. — Она не... как бы сказать? У нее нет той повадки, какой она могла бы обладать. — Он изучал ее с минуту, прежде чем задумчиво добавить: — Ей, однако, не откажешь в очаровании.

Иван повернулся к нему, насмешливо приподняв брови: — Очаровании? — усмехнулся он, припомнив, как она говорила с ним в тот день на площади. — Это дерзкий щенок.

Анастасия чувствовала на себе две пары глаз, но всеми силами пыталась сохранить спокойствие. Первое потрясение, когда она узнала его, уже прошло и сменилось подавленностью — такой глубокой, словно переломили

ее всю. Нахлынуло воспоминание о том рождественском утре, и только теперь все прояснилось для нее!

Топот скачущего через площадь жеребца, властная манера всадника держаться в седле. Его повелительный тон, его ярость от ее неловкости, из-за которой его конь встал на дыбы и едва удержался на обледеневшем дощатом настиле. Его богатые одежды, достоинство, с которым он держался. И даже его насмешливость в разговоре с ней!

Как могла она не догадаться, что он не обычный боярин? Ей бы не отвечать резко, а попросить прощения и поскорее удалиться... То, что она была пострадавшей, что он едва не убил ее, — все это не имело значения. Он царь, а царь волен делать, что захочет. Но хотя все эти мысли лихорадочно пробегали у нее в голове, тайный голос вещал ей совсем другое. Нет! С ней он не смел так разговаривать!

Ее сердце бешено забилось, когда она увидела, что он приближается к ней. Его лицо было хмурым, темные глаза угрожающе блестели. Неужели он хочет поквитаться с ней сейчас? Неужели он захочет унизить ее при всех этих людях? «Я должна быть спокойной», — говорила она себе, с трудом проглотив ком в горле. «Может быть, после того, как я попрошу о прощении, он все забудет...» Она посмотрела на Ирину, надеясь найти поддержку у своей мудрой товарки, но княжна стояла поодаль и была полностью поглощена представлением.

Анастасия лихорадочно придумывала, что она скажет. Но даже это было трудно: как ей обратиться к нему? Поклониться, когда он приблизится? Или улыбнуться и попытаться очаровать его? Или же лучше оставаться серьезной... Музыка, представление — все это было словно во сне, когда она готовилась к самой страшной минуте.

«Государь...» Да, так будет верно. Только бы не задрожал голос...

Внезапно все было забыто. Душераздирающий крик потряс всех, отразившись во всех углах палаты. Музыка оборвалась. Как во сне, Анастасия увидела, что Иван отворачивается от нее и смотрит на что-то другое, что-то, заставившее его глаза безумно расшириться, на его лице застыл ужас и отчаяние. Холодная дрожь сотрясла Анастасию, когда она проследила за его взглядом.

На Ирину напал медведь. Как это случилось, Анастасия не знала. Она увидела уже, что княжна была в жесто-

ких объятиях зверя. И уже пятна крови набухали на широких, расшитых золотом, рукавах ее шелкового летника там, где когти раздирали тело.

— Прохор, ради Бога! — услышала она крик царя, и все в зале забегали. Вопли Ирины потонули в криках девушек, когда Иван с друзьями бросились на помощь. Один из мужчин ударил медведя хлыстом. Но вместо того, чтобы испугать, он только разъярил этим зверя. Со страшным ревом ярости он разинул пасть, обнажив желтые острые зубы. И прежде, чем успели остановить его, он вонзил их в плечо Ирины, сделав рваную зияющую рану, из которой брызнули яркие красные струи.

Анастасия зажала рот рукой, чтобы ее не стошнило. Глаза Ирины так ярко горели: ей еще удалось повернуть голову, чтобы бросить последний взгляд, полный ужаса, на свою подругу, которую она еще недавно звала в гости в Ростов. Затем она сползла на пол, и Бог из сострадания лишил ее сознания.

Мужчины выхватили кинжалы и стали наносить зверю удары. Медведь заревел от дикой боли, выпустил жертву, заметался, оставляя на каменном полу кровавые следы. Прохор бегал вокруг, не осмеливаясь вмешаться, хрипло кричал: — Он оборвал цепь! Оборвал! — но голос его терялся в шуме и криках. Последним сильным ударом Иван рассек яремную вену зверя и из пасти хлынул поток крови.

— Лекаря немедля! — крикнул Иван. Слуги бросились исполнять приказ, а Иван хотел собственноручно перевязать несчастную, истекающую кровью Ирину, полотенцами, поспешно принесенными прислугой.

— Дозволь, государь, я сама! — умоляюще попросила Анастасия, опустившись на колени. Лицо Ирины было страшно изуродовано: на щеках глубокие раны, кожа на голове разодрана безжалостными когтями. Лишь ее грудь избежала неистовства зверя. Анастасия приложила влажный платок ко лбу княжны, шепча молитвы. Она была в отчаянии: только чудо могло спасти теперь Ирину.

***

— Кто? — загремел царь, побелев от ярости. — Кто тебя подкупил, чтобы ты совершил это?

— Государь, говорю тебе — не виновен я, — у Прохора свело страхом рот, он затрясся так, что не упал только потому, что опирался о деревянный стол.

— Это заговор! Тебя наняли убить княжну.

— Нет! Господа ради, ты должен верить мне!

— Не поминай имя Господа, собака, — угрожающе произнес царь. Он неторопливо доставал свой излюбленный кнут, серебряная рукоять которого приятно холодила ладонь. Единственный здоровый глаз Прохора налился кровью, когда он увидел, что царь засучил правый рукав и обнажил мускулистую руку.

— Нет, нет, государь, смилуйся!..

— Не будет тебе от меня прощения, — прорычал Иван. Лицо его стало бесстрастным, и кнут бойко заходил по пленнику, оставляя после каждого удара багровые полосы на вздувшейся коже Прохора. Мрачное подземелье огласилось воплями.

Когда крики перешли в стоны, Иван снова начал допрос:

— В твоей лачуге нашли серебро. Тебе, собака, заплатили за это убиение.

— Это не плата, это я получил за медведя!

— Пустое мелешь! Не дают серебро за медведя. — Презрение к этому калеке и к его жалкой лжи исказило его губы. — Валериан! — подозвал он крепко сложенного тюремщика, наблюдавшего из тени подвала за допросом. — Освежи-ка ему память.

— Как скажешь, государь. — Со спокойной сноровкой палач извлек какие-то деревянные инструменты, и не успел Прохор опомниться, как его рука была зажата в тиски и уже пальцы пронзила дикая боль.

— Нет! — Прохор отупел, слыша, как трещат его кости. Он попытался вырвать руку, но это движение лишь усилило боль, и его рука приняла вид чего-то отвратительно распухшего, синевато-багрового оттенка.

Иван и палач переглянулись, и царь коротко кивнул. Тогда тиски разжались, освободив месиво из кровавого мяса, что было когда-то правой рукой Прохора.

— Ну? — В глазах Ивана не было жалости к этому корчившемуся жалкому созданию.

— Он сказал мне, что я этим окажу тебе услугу! — проскрипел Прохор; его кровоточащая щека дергалась, он задыхался. — Что ростовская княжна недостойна тебя... он сказал, что так лучше...

— Кто?! — Иван схватил пленника за горло, давя сильными пальцами. — Кто, говори?

— Государь... — Прохор жалостно просипел. — Он убьет меня, коли я скажу...

— Ты думаешь, я не убью тебя, коли не скажешь? — Иван сжал руки на тощей шее, и у пленника вырвалось хриплое клокотанье из горла. — Говори, собака, говори! — царь уже потерял над собой власть. Он начал трясти несчастного служку, а затем с силой ударил его головой об стол.

— Государь, ежели ты желаешь услышать от него что-то, не убивай, — сказал палач. Голос его был бесстрастен, глаза холодны. Он давно привык ко всему, что делалось в темных, промозглых подвалах.

Иван остановился. Палач был прав: сначала узнать, а потом и казнить. Он так быстро освободил шею Прохора из тисков своих рук, что его голова откинулась и снова стукнулась о стол. Здоровый его глаз опух и заплыл, но незрячий пусто уставился на царя.

— Говори же, — начал опять Иван. — Имя его.

Треснувшими губами, почти черными от удушья, Прохор медленно задвигал ртом, но ни одного звука не вышло наружу.

— Громче, говори!

Прохор попытался было приоткрыть глаз и ответить, но тут силы оставили его, тело конвульсивно дернулось и шмякнулось на пол.

Палач покачал головой: — Он мертв, государь.

Иван смотрел с немой яростью на это бездыханное омерзительное тело. Проклятье! Он издох, так и не назвав имени злодея! Иван чувствовал, как нарастает гнев, и ему хотелось выхватить кинжал и раскромсать его на куски. Но, подумал он, зачем тратить силы впустую — никто уже не сможет вернуть здоровье той девушке, никто не назовет ему имя ее убийцы.

— Брось его в реку, — сказал он палачу. — Пусть рыбы сожрут.

Он резко повернулся и вышел из подземелья.

Снаружи ожидали Адашев и Курбский. — Он мертв, — бросил им царь. Глаза его предвещали бурю, были черны и угрожающи.

— Отдохнул бы, государь, — промолвил Алексей.

— Отдохнул? — Иван обернулся, зло ухмыльнувшись. — Али ты не ведаешь, что нынче мне надобно выбрать невесту?

У Адашева перехватило дыхание. — Уж не хочешь ли ты, государь?..

Иван коротко, нервно рассмеялся.

— Нет, Алешка, не княжну Воронову я возьму в царицы, хоть и надо было бы.

Ни на минуту не усомнился Иван, что заговор был направлен против трона, а не княжны. Кому-то нужно было, чтобы он избрал другую, кому-то, кто не остановился и перед убийством.

— То чудо, что она жива, — тихо сказал Андрей. — Но даже если бы избрал ее...

— ...поплатились бы судьи, если бы она не смогла потом родить наследника, — закончил за него Иван, и ушел.

* * *

В палатах было темно, только январская луна пробежала дорожкой по кроватям спящих девушек. Но Ивану свет был не нужен, он знал, куда идти. Пройдя мимо нескольких, он остановился перед той, какую искал: Анастасия спала, лицо ее, бледное, со следами слез, было спокойно. Она лежала на боку с откинутой назад темной косой.

Иван смотрел на нее и не мог понять, что же тянуло его к этой девушке? Сильное впечатление, которое она произвела на него тогда, на Соборной площади, теперь только усилилось. Она не была краше других, не была чувственной, как его татарская подруга. В ней было что-то иное, но он никак не мог ухватить это зыбкое чувство.

Анастасия Захарьина-Кошкина. Что скажут, если бы он выбрал ее? Он потрогал перстень: его дал ему Андрей, когда выбор был сделан. В тот момент Ивану было все равно, кто станет его женой на троне: женой в его сердце была Тамара.

Но теперь все изменилось. Он снял перстень. Пусть будет так! Он вдруг странно разволновался, злясь на самого себя: почему он раздумывает? Не все ли равно, эта или другая? Надо покончить с этим побыстрее.

Он завернул перстень в свой платок и осторожно положил на ее подушку. Она не проснулась, дыхание было ровным и спокойным.

Иван повернулся и тихо вышел из палаты.

Глава 6

Январская метель взвихривала ее юбки, бросалась снежным вихрем в лицо, крутила поземкой. Тамара плотнее куталась в шубу и с осторожностью передвигалась по обледенелым доскам Соборной площади. Не останавливаясь, она миновала торговые ряды, которые даже сегодня кишели народом: ремесленники, цыгане, разносчики, сбитенщики, юродивые, стрельцы — кого тут только не было. Кто продавал, кто покупал, а кто и воровал. Она успела отскочить, когда путь ей перегородила тележка, груженная медными скобами.

— А ну, с дороги! — прикрикнул на нее крупный бородатый мужик, едва не порвавший колесом подол ее юбки.

— Ступай с дороги сам, свинья! — вспыхнула она от гнева, но он уже проехал, и ее крик потонул в общем гаме. Она тонким нюхом улавливала все царящие здесь запахи; привычная к этой пестрой суматохе, она уверенно находила себе дорогу между рядами.

— Подай, Христа ради! — к ней шустро подковылял ужасного вида нищий, в зловонном рубище и гноящихся язвах. С дрожью отвращения Тамара отшатнулась и поспешила уйти. Многие таращились на нее: нечасто здесь ходили так богато разодетые женщины. Но Тамара чувствовала себя здесь свободно. Еще с детства, живя в Кремле вместе со слугами, она убегала сюда поиграть, а

то и стащить какое-нибудь лакомство у зазевавшегося разносчика. Даже сейчас она поймала себя на мысли, что могла бы стянуть вон ту атласную ленту забавы ради: она давно ни в чем не нуждалась.

Уже начало темнеть, и девушка подумала, что надо бы поспешить, пока не закроются лавочки торговцев, как вдруг кто-то с грубой силой оттащил ее в проем между складами. Она крикнуть не успела, как сильные руки зажали ей рот и опрокинули на землю. Она все же успела разглядеть, что это неряшливый мужик, от которого разит вином. Тамара увернулась и ударила его обутой в сапожок ногой. Услышав его стон, она поняла, что метко попала. Она быстро вскочила и нащупала маленький кинжал, который всегда носила с собой. Видя, что пьяница не сможет подняться сам, она убежала, продираясь сквозь толпу.

Братья Гитарай собирались уже укладываться на ночь, когда вдруг в их лавку, завешанную персидскими коврами, влетела Тамара, тяжело дышавшая и, казалось, встревоженная.

— Тамара! — воскликнул старший Кассар. Это был настоящий великан с могучими плечами, сильными руками. — Что случилось? Кто-нибудь обидел тебя?

— Не посмеют, — самодовольно ответила ему сестра. Они смотрели на нее: ее пылающие черные глаза, гордая осанка бросали вызов любому. Братья разразились хохотом: — Вот это похоже на нашу сестру. Ну-ка, скажи, сколько раненых мужчин полегло сегодня вечером на площади? — Статный, смуглый Бадар был самый младший и любил поддразнивать ее.

— Замолчите, вы! Я пришла сюда не за тем, чтобы говорить об этих грубиянах, — она скинула шубу.

— Зачем же? Мы не часто видим тебя здесь.

— Да, да: ведь твой царственный возлюбленный не отпускает тебя. Как же ты отважилась уйти из дворца, когда он там?

— А ты осмелел, — она сверкнула глазами на Гарына. — Что бы вы все делали без него? Смог бы ты торговать на лучшем месте в Москве?

— Сядь, отдохни и выпей молока, — примирительно сказал Кассар, подавая ей подушку. Тамара, благодарно улыбнувшись ему, взяла из его рук пиалу с молоком и тяжело опустилась на сиденье.

— Ты не беременна? — спросил Гарун, приглядываясь к ней. — Уж не сделал ли тебя царь своей женой?

— Нет, нет, — Тамара медленно покачала головой, тяжело вздохнула, уставившись в свою чашку. — Может, я и могла бы подарить ему сына.

Братья переглянулись, встревожились: никогда еще Тамара не была так задумчива. — Ну, Тамара, расскажи же нам, что стряслось, — Кассар нежно погладил ее по спине своей большой ладонью. — Ты ведь знаешь, тут тебе всегда помогут.

— Вы не захотите помочь, когда узнаете. — Глаза Тамары странно блеснули.

— Да говори же, — Бадар нетерпеливо заерзал.

Тамара переводила пытливый взгляд с одного на другого. Конечно, они любят ее, но может ли она положиться на них в таком деле? Если они согласятся, их всех казнят. А перед этим — пытки, мучения... Она представила себе, как бронзовое, стройное тело Бадара извивается на дыбе в подземелье, и содрогнулась. А Кассар... Сильный, бесстрашный Кассар, устоит ли он в пытках? Гарун, она уверена, не выдержит.

— Царь хочет жениться, — сказала, наконец, Тамара. Слова застревали у нее в горле.

— Мы слышали про то, — кивнул Гарун.

— Но что с того? Он ведь любит тебя, — вставил Бадар.

— Замолчите! — прикрикнул на братьев Кассар. — Если сестра говорит, значит, что-то здесь неладно. — Он с тревогой ждал ее ответа.

— Я боюсь, — сказала Тамара, ее руки, державшие пиалу, задрожали. Внезапно она бросила ее оземь, в глазах снова загорелся огонь. — Ей не видать его! И никто его не получит!

Кассар побелел, его бросило в жар. — Мы слышали про случай с медведем. Ты не...? — он осекся, боясь услышать ответ.

— Нет, — быстро ответила она. — Эта ростовская княжна ни при чем. И не она волнует меня. Но одна... ее он любит.

— Он сказал тебе об этом?

В этот момент порыв сильного ветра приподнял ковровый полог, и в комнату ворвался морозный дух, но разговаривавшие даже не заметили этого.

— Я не виделась с ним с самого отбора невест. Он, похоже, очень привязан к ней.

— Но если он узнает... — начал Бадар.

— Он не узнает! Анастасия все еще живет с матерью в Белом Городе, это далеко от дворца.

— Но я слыхал, что ее дядя стережет ее и днем и ночью, — возразил Гарун.

— Но даже стража когда-то спит, — ответила Тамара. — А Григорий Захарьин-Кошкин скорее всего будет пьян, как всегда. А если что-то подмешать в его вино... — она улыбнулась: — Мои братья находчивы, они и сами придумают.

Кассар слушал и задумчиво поглаживал маленькую бородку. Он-то понимал, что пока Тамара в милости у царя — и братья Гитарай не будут жаловаться на судьбу. Он не хотел даже вспоминать, в какой бедности они жили в Казани, сколько терпели унижений. Да неужели они откажут своей сестре в ее просьбе?

— Ты сделаешь это, Кассар? — Тамара словно читала по его лицу все сомнения, завладевшие его умом. — Ты должен. От этого зависит судьба всех нас.

Два младших брата безмолвно ждали его решения — ведь Кассар был старший. А тот медленно достал свою саблю и потрогал — остра ли? Лицо его было хмуро. — Все будет, как ты хочешь, — сказал он сестре.

В тусклом свете мятущегося от ветра огонька единственной свечи он увидел прекрасную, благодарную улыбку Тамары.

***

Всю неделю приезжали гости в дом к Захарьину-Кошкину: вся знать хотела оказать почести будущей царице и ее дяде, которого до сих пор даже не жаловала вниманием. Григорий весь так и светился самодовольством. Он встречал гостей, потчевал их чем Бог послал, а сам уже прикидывал в уме: с кем вести знакомство после свадьбы, а кем можно и пренебречь.

Пока Григорий упивался своей ролью дяди царицы, Мария хлопотала по хозяйству, поднося гостям то штофы с наливками, то пироги. И среди всей этой суеты ее мучила мысль: а так ли уж она хочет, чтобы ее дочь, единственное, ненаглядное дитя ее, которой нет еще и шестнадцати лет, стала женой царя? Женой этого вспыльчивого, властного человека? Анастасия, выросшая в бедности, но не знавшая ничего, кроме ласки, не была подготовлена к дворцовым интригам, жестокости, мщению.

Но что могла поделать Мария, когда сам царь выбрал ее дочь? Ей оставалось только уповать на Божью ми-

лость. А доченька-то так бледна, так худа, хоть и улыбается... Никак сама не опомнится, что царицей станет...

Мария позвала ее: — Настя!

Девушка появилась на пороге комнаты, под огромными глазами черные тени: — Ты звала меня, матушка?

— Да уж здорова ли ты, Настасьюшка? Поела бы чего...

— Я не голодна. И не ко времени сейчас кушать: швеи пришли. — Она поцеловала мать и выбежала из комнаты. Ей так хотелось поскорее увидеть самой, какая она будет в венчальном!

Несколько женщин надели на нее уже готовый летник алого бархата с длинными широкими рукавами, обшитыми тесьмой и выше локтя схваченными алмазными запястьями. Чудной красоты ворот, обшитый жемчугом, охватывал плотно ее шею. Просторные одежды, расшитые каменьями, совсем скрыли очертания ее фигуры.

Тут вбежал дворовый Федька с вестью, что из Кремлевского дворца прибыл гонец. Он, сказал Федька, имеет послание для самой Анастасии Романовны и без промедления должен ее видеть. Поспешно разоблачась от бархата и парчи подвенечного платья, Анастасия переоделась в свое прежнее и выбежала навстречу гонцу.

— Ты от царя? — крикнула она мужчине с сильно обветренным на морозе лицом, гнавшего лошадей в Белый Город во весь опор, чтобы поспеть к ней.

— Нет, боярыня, я от княгини Глинской.

Анастасия вздрогнула. От бабки Ивана! Девушка слышала, что старая княгиня капризная, властная и имеет сильное влияние на Ивана.

— Она прислала сказать, что будет ожидать тебя во дворце. К девяти часам пришлет за тобой возок.

— Так поздно? — Анастасия так устала, что едва не валилась с ног. Как она только доживет до вечера!

— Княгиня наказала передать, что ежели ты устанешь, то можешь остаться во дворце до утра.

Анастасия обрадовалась: значит, Анна Глинская не такая уж бессердечная. К тому же, она, наверное, сможет повидать несчастную Ирину, вот только Ивана нельзя увидеть... Ах, и почему запрещают встречаться жениху и невесте?!

Она вернулась в комнату, где швеи докончили прилаживать платье к ее ладной фигуре.

***

В большом доме Льва Скурлатова было тихо. Слуги старались бесшумно передвигаться, не попадаясь на глаза боярину. Лев Скурлатов был в гневе.

Вот уж неделя прошла, как его сестра Василиса вернулась домой в слезах. Дворня слышала громкую брань Льва, крики Василисы —, князь не всегда сдерживал горячий нрав в отношении сестры. Дворня не знала причин ссоры, но с тех пор девушка не выходила из своих палат и отказывалась от еды.

Вот и теперь князь опять кричал на сестру: — У тебя не было достойных соперниц! Как он мог выбрать Воронову, если рядом была ты! Дура! Мало я заплатил за то, чтобы избранницей оказалась ты!

Василиса при последних словах осмелилась взглянуть на него: — Заплатил? О чем ты говоришь?

— Уйди с глаз моих, Василиса! — он не мог больше без презрения смотреть на нее.

И вот для нее потянулись безрадостные дни, похожие один на другой. Как же разрывалось ее сердце — от бешенства, обиды, тоски! Василиса с малых лет грезила тем, что станет царицей. Все кругом восхищались ее красотой, и она была так уверена, так уверена... А теперь... Что ее ждет? Кто возьмет в жены девицу, отвергнутую царем? Да если даже она и выйдет замуж — разве сравнится ее жизнь по богатству с кремлевской?..

«Что же, стану монахиней», — с отчаяния решила она. «Найду самый глухой монастырь и проведу там остаток дней». Василиса подошла к зеркалу: в белой ночной рубашке она была похожа на привидение, зеленые глаза запали; чудные волосы цвета меди потускнели. «Я потеряла все, даже свою красоту», — тоскливо думала она, беря гребень и расчесывая свои кудри. «Я остригу их. Для чего они мне теперь, если я заживо похороню себя в монастыре?» Она поискала глазами ножницы — Василисе казалось, что ей полегчает, если она сейчас же сделает это.

Взяв ножницы, в последний раз тряхнула копной волос. «Я сделаю их такими же короткими, как у Льва», — сдерживая слезы, решила она.

Но не успела она так подумать, как услышала тяжелые шаги, которые она слишком хорошо знала — это мог быть только Лев. Василиса заметалась в испуге: притвориться ли ей спящей? Или сесть за книгу? А если он опять ударит ее?

Василиса посмотрела на ножницы — вот что защитит ее!

— Василиса! Послушай... — Лев Скурлатов, переступив порог ее комнаты, застыл на месте, увидев ее, неприбранную, с ножницами.

— Не подходи, Лев! — она угрожающе раскрыла ножницы. — Я не позволю тебе больше притрагиваться ко мне!

Князь ошеломленно воззрился на сестру, а затем громко расхохотался. — Не позволишь? Уж не собираешься ли ты напасть на меня с ножницами? — все еще смеясь, он шагнул к ней: — Василиса, брось дурить. У меня для тебя хорошая весть.

— Хорошая весть? — Василиса не знала, верить ли ему. Она растерялась — княжна уже не ждала ничего хорошего в своей судьбе. — Что случилось, Лев?

— Ты сможешь вернуться во дворец.

— Что? Не хочешь ли ты сказать...

— Нет, сестрица, не обольщайся, царь не переменил своего решения ради тебя. — Он иронично ухмыльнулся. — Но ты станешь подругой царицы.

Василиса даже побелела от ярости: — Лев, да ты совсем спятил! Мне ли быть при царице? При этой...?

— Дура, это великая честь. Правда, если царь увидел бы тебя в таком виде, он бы не взял тебя в товарки Анастасии Романовне, — снова съязвил он.

— Нет! — Василиса была вне себя от злости. — Я не поеду во дворец. Никогда княжна Скурлатова не станет прислуживать Захарьиной-Кошкиной!

— Прислуживать? Да знаешь ли ты, сколько девиц знатного происхождения хотели бы быть на твоем месте?

— Знать не хочу о других! Я — княжна...

— Дура! — Лев опять начал терять терпение. — Ты будешь поблизости от Ивана! В первую же ночь Анастасия разочарует его — разве может она знать, что надо сластолюбивому Ивану? Вот тогда-то и нужна будешь ты! Ты — красивая, чувственная, которая живет рядом во дворце.

— Ты думаешь... — глаза княжны заблистали, как прежде.

— Ну да, наконец-то она поняла! — Лев воздел руки к небу. — Вот тебе случай, которого ты ждала так долго!

— Но тогда я буду лишь его любовницей, но не женой.

— Если ты понравишься ему, он сделает все, что придет ему в голову. Он отошлет Анастасию в какой-нибудь монастырь, даже убьет ее! Помни, ты не должна упускать такого случая!

Василиса не верила своим ушам. — Ты не шутишь? — пролепетала она, стараясь осознать все то, о чем он говорил только что. — Лев, ты и вправду думаешь, что я сумею?

— Ты — моя сестра, княжна Василиса Скурлатова, и в тебе течет такая же великокняжеская кровь, как и у Ивана. Ты тоже имеешь право на русский трон.

Его карие глаза встретились с изумрудными глазами Василисы. Этот взгляд длился долго, словно они договаривались о чем-то таком, что было понятно только им двоим. Они оба были одного корня: тщеславные, коварные, лицемерные. Способные на все.

Василиса первая отвела взгляд. Она повернулась к зеркалу, распрямила плечи, откинула назад волосы.

— Что ж, — голос ее стал низким, — ты прав. Это мое право. И я воспользуюсь им.

Глава 7

Григорий настаивал на том, чтобы сопроводить Анастасию во дворец. «Что подумают, если она явится одна? Анна Глинская решит, что мы так бедны, что совсем беззащитны».

Хотя дом и был полон гостей, он ни секунды не колебался в принятом решении. — Я должен отлучиться во дворец, — объявил он всем, раздуваясь от важности. — Моя племянница приглашена княгиней Глинской. — Он улыбнулся мысленно, видя в каждом взоре зависть.

Возок прибыл ровно в девять. Кони храпели и били копытами в снегу, а огромный мужчина направился к дверям их дома. Анастасия была уже готова. Она была в наскоро сшитом летнике темно-голубой тафты. Вокруг шеи белело ожерелье из жемчуга — один из дюжины подарков, присланных Иваном с того дня, когда он выбрал ее в невесты. Чудные соболя — другой дар жениха — покрывали ее плечи.

Григорий, сменив пурпурный кафтан на щегольской черный, расшитый серебром, тоже был готов ехать. Его шуба из персидского барашка была куплена на деньги, которые он одолжил в счет будущего богатства племянницы; высокая меховая шапка закрывала плешивую голову.

— Ты вернешься к полночи? — спросила его Мария, озабоченная тем, как ей справиться со всеми гостями одной.

— Возможно, если только я уговорю Настю остаться во дворце. В противном случае... — он великодушно усмехнулся: — ...мне придется остаться с ней там. — Он приложился к щеке Марии. — Похлопочи тут без меня, милая. Пока есть еда и питье, они останутся довольны.

Мария вздохнула и кивнула. Анастасия улыбнулась: — Не печалься обо мне, матушка. Я буду разумной. — Мария обняла дочь и крепко прижала к груди. — Я уповаю на Господа, чтобы он вразумил тебя, моя Настасьюшка, — говорила она.

Григорий уже волновался: он взял племянницу за руку: — Идем. Нельзя заставлять княгиню ждать.

Когда дворовый Федька отворил им двери, послышался скрип полозьев подъехавших саней. — Еще один гость пожаловал, — бросил Григорий Марии. — Принимай.

Но прежде, чем Настя и он дошли до ожидавшего их возка, мужская фигура вылезла из саней и скорым шагом устремилась к ним.

— Ах, простите, я слишком поздно, Григорий Юрьевич, — заговорил человек. — Я пробыл в дороге пять дней, снегом так все и завалило.

Григорий попытался всмотреться в незнакомца, освещенного лишь лунным сиянием: он был высок и крепок, смуглолиц, из-под шапки выбивались курчавые темные волосы. На нем была соболья шуба. Весь он был так и налит здоровьем. — Ты знаком мне? — спросил Григорий, пытаясь вспомнить, видел ли он его прежде.

— Нет. — Человек улыбнулся, блеснув ровным рядом белых зубов. — Я казанский князь Хадад. Я приехал, чтобы почтить тебя и будущую царицу.

Григорий даже заморгал: Хадад был одним из сильнейших казанских князей. И он проехал такой путь, чтобы оказать почести ему?! Это была великая честь.

— Ты льстишь мне, князь, — ответил он полупоклоном, чтобы, упаси Бог, не выказать подобострастия. — Окажи мне честь: войди в мой дом, — он вытянул руку, приглашая Хадада.

— Но ты не уезжаешь ли? — спросил князь, видя, что сам Григорий не идет с ним.

— Я должен сопровождать мою племянницу во дворец, — отвечал этот дородный хозяин.

— Ах, вот она, твоя племянница! — Хадад подошел на шаг ближе к Анастасии и, глядя сверху вниз, улыбнулся: — Я много слышал похвальных речей о тебе, пока

ехал из Казани. — Он всматривался в нее, стараясь разглядеть получше, и произнес:

— Да хранит тебя Аллах.

— Благодарю. — Анастасия тоже улыбнулась в ответ. Ей было не по себе от взгляда смуглого казанца — он пугал ее. Но этот человек был так приятен в обращении, как московская знать, и она подумала: неужто все они такие?

Князь опять повернулся к Григорию: — Григорий Юрьевич, нужно, чтобы и ты ехал с ней во дворец? Позволь моему холопу довезти ее; он защитит ее в дороге.

— Спасибо тебе за доброту, но княгиня прислала уже свой возок, — ответил Григорий. — И я не буду спокоен, коли не сам доставлю ее.

— Да, верно, это драгоценный груз, — мягко согласился Хадад. — Но мне недлежит вскоре возвратиться в Казань, а перед тем хотел бы перемолвиться с тобой словом.

Григорий колебался: ведь его так и подпирало похвастать перед всеми, что за гостя принимает он у себя в доме. И снова, уж в который раз за последнее время, его сердце учащенно забилось при сладких мечтах о его будущей жизни. Князья, бояре, знатное духовенство... все, все они будут в его руках, когда Анастасия станет женой Ивана! Но, напомнил он себе, она еще не царица. И пока не состоится венчание, за ней нужен глаз да глаз, не случилось бы чего — может ли он отпустить ее с каким-то чужаком?

Хадад, казалось, понял его волнения. — Верь мне, твоя племянница будет в безопасности. Мой слуга очень осторожен.

В этот момент высокий мужчина, прибывший с возницей княгини, впервые подал голос: — Прости меня, князь, что прерву твою речь. Меня звать Петр, я дворовый княгини Глинской. Княгиня повелела доставить Анастасию Романовну к ней. И никакой тать али недобрый человек не причинит ей зла со мной.

Григорий взглянул на говорившего, пораженный его громадным ростом и силой. Если он и впрямь холоп Глинских...

Князь посмотрел на него и произнес: — У меня не много найдется бойцов, готовых померяться с ним силами.

Григорий все смотрел на великана, задумчиво теребя бороду. Он готов был уже склониться в пользу Хадада. И все же...

И тут разрешила все сама Анастасия. Устав от долгого стояния в снегу и дрожа от волнения при мысли, что ее дожидается бабка Ивана, она сказала: — Я поеду с ним, дядя, — с серьезным видом она подошла к Петру. — Коли уж княгиня послала его, ему можно верить. Возвращайся домой, ведь тебя дожидаются гости.

Хадад взглянул на нее с восхищением: — Твоя племянница так же мудра, как и прекрасна, — одобрительно сказал он Григорию.

Но Григорий нахмурился: — Верно ли ты решила? Не страшно ли тебе одной?

— Нет, конечно, нет, — заверила его Анастасия со смехом. — Али ты забыл, что я прежде правила лошадьми в санях одна до самого Кремля?

— Ты видишь, боярин? Она храбрая, — сказал Хадад. — Отпусти ты ее, а то уж заждалась княгиня. А мы с тобою, боярин, потолкуем.

Григорий тут же забыл про все: на деле, его не заботило, как она доберется до дворца. Его самолюбие тешила мысль ехать с будущей царицей рядом в Кремль. Но он тут же успокоил себя тем, что недалек час, когда дворец станет ему домом. Если возвысится Анастасия, хороша будет жизнь и у него.

— Добро, — сказал он наконец. — Бог в помощь. — Он повернулся к Петру: — Да смотри, береги ее хорошенько. Это будущая царица.

— Жизнь отдам, боярин. — Петр бросился к возку, помог сесть, а сам сел рядом. Когда возница дернул за поводья и лошади тронулись, она махнула рукой дяде и Хададу. — Я вернусь утром, — крикнула она весело, и от ее дыхания вылетело облачко пара.

Хадад улыбался, глядя ей вслед. — У царя хороший вкус, — сказал он Григорию, когда они направились к дому. — Царь был мудр в своем выборе.

— Выпьем за его здравие, — весело отозвался Григорий. — И за здравие его будущего наследника.

Возок оставил за собой след смятого снега.

***

Звон колокольчиков и морозный воздух вдохнули в Анастасию свежесть и бодрость.

Вот уж никогда не думала она, что поедет в Кремлевский дворец не как-нибудь, а в возке княгини Глинской, родной бабки царя! Все, что произошло с ней в эти не-

сколько недель, казалось ей чудесной сказкой. «Я стану царицей». Она произнесла это слово вслух, словно пробуя, каково оно на вкус. Царица. Супруга царя всея Руси! В первый раз с того необыкновенного утра, когда она, проснувшись, обнаружила на подушке перстень, Анастасия всерьез задумалась над этим свершившимся чудом.

«Я буду доброй царицей, — сказала она себе. — Я буду помогать бедным. Я стану хорошей женой Ивану». Ее глаза просияли: «Я рожу ему сыновей. Сильных, здоровых, один из которых станет потом царем. Я буду любящей матерью и верной женой. Никогда-никогда я не дам ему повода пожалеть, что он выбрал меня — пусть, я стала лишь второй избранницей».

Она почувствовала угрызения совести, вспомнив о той, которая была избрана первой. О той, которая теперь лежала израненная и обезображенная в царских палатах. «Я не брошу ее, — печально подумала Анастасия. Может быть, я смогу немного скрасить ей жизнь, когда она поправится. Оставлю ее во дворце со мной как подругу». Такое решение немного облегчило ей душу. Как хорошо бы и вправду оставить Ирину, да и Иван, наверное, тоже так пожелает...

Она повела плечами, укутанными в меха, и на сердце у нее потеплело. Все было хорошо. Снова поднимала голову былая слава Захарьиных-Кошкиных.

Вот уж и Китай-город показался; Анастасия видела огоньки в окнах. Она подумала, что ни разу еще не ездила такой дорогой: в то незабываемое воскресенье, когда Господь захотел, чтобы она повстречала царя — она шла иной дорогой, и теперь совершенно не могла понять, где же они ехали.

Возница повернул за угол и огни Китай-города остались позади. — Верно ли мы едем? — спросила она Петра. — Мы скорее удаляемся от Кремля, чем приближаемся к нему...

— Верно, Анастасия Романовна, — заверил ее великан с усмешкой. — От судьбы не уйдешь. — Анастасию вдруг охватила необъяснимая тревога. «От судьбы не уйдешь?» Отчего это он так сказал? И где же дворец? Теперь они уже ехали проселочной дорогой: дома виднелись за обнаженными стволами деревьев, вдруг появившихся откуда-то. Кони, казалось, поскакали еще пуще: резкий ветер совсем заморозил ей лицо.

— Где мы? — собравшись с духом, спросила Анастасия. — Куда меня везут?..

— Туда, куда надобно. — Голос Петра совсем преобразился, стал жестким и грубым. — Почти доехали.

— Но ты вез меня во дворец! — Анастасия выпрямилась и подняла голову: ведь она все-таки будущая царица! — Я велю тебе отвезти меня в Кремль!

— Велишь? — Петр злорадно рассмеялся. — Негоже тебе повелевать-то, боярыня. Не стать тебе, кем ты хочешь, — досказал он, наклоняясь к ее лицу.

Сердце Анастасии замерло. Что произошло? Куда он везет ее? И кто эти люди, приказавшие доставить ее?

— Царь и княгиня ждут меня, — отчаянно крикнула она, сомневаясь уже теперь, было ли все это взаправду. — Если меня не будет во дворце...

— Никто не ждет тебя, — оборвал Петр. — Когда они бросятся искать, и след твой простынет.

Она задрожала при этих словах. Что они собираются сделать с ней?.. Она всматривалась в окошко, в деревья и пустынную местность и лихорадочно пыталась найти выход. Ах, зачем только она сказала дяде Григорию, что поедет во дворец одна!

Лошади уносили ее все дальше от Москвы. Уже не стало видно домов, снег стал глубже, и лошадям теперь стало труднее, и возница исхлестал им спины, подгоняя. Анастасия в безумном отчаянии пыталась узнать эту местность: когда-то, когда жив был отец, они часто выезжали далеко от Москвы. Но теперь повсюду лежал снег, и все выглядело иначе.

Внезапно возок накренился, Анастасию швырнуло в сторону и выбросило из возка. Быстро вскочив и оборачиваясь назад, увидела, что Петр ищет ее в темноте. Она бросилась прочь от возка и сразу увязла в снегу: он был более глубок, чем она предполагала, но другого пути не было.

Она услышала крик Петра, его проклятия, шум и яростный голос: — Лови ее! Далеко ей не уйти!

Только бы добежать до леса. Сердце колотилось в груди. В лесу было меньше снега: бежать стало легче.

Анастасия затаила дыхание. Ей вдруг показалось, что шагов больше не слышно. Может, они потеряли след? Значит, она спасена. Она выглянула из-за могучего ствола дуба: лунная дорожка теперь бежала по снегу, и разглядела дико озирающегося возницу.

— Лови ее, ты, неповоротливый боров! — кричал вознице Петр, — или молись за свою шкуру!

Дрожа, Анастасия углублялась все дальше в темноту леса. Она не знала пути, и только внутренний голос говорил ей, что есть еще надежда на спасение: может, она набредет на избушку, где найдет помощь?..

Голос Петра теперь совсем отдалился. Не стали слышны и шаги возницы. «Только иди, иди вперед», — говорила она себе, подняв меховой воротник. Ее ноги уже замерзли и тело продрогло. Ей казалось, что ее лицо совсем заледенело.

«Не думай о холоде. Вспомни об Иване», — приказывала себе девушка. И это придало ей сил: она подумала, что дядя Григорий хватится ее утром и, конечно, пошлет во дворец сказать об ее исчезновении Ивану, а уж он-то сразу разошлет людей искать ее везде. Господи, хоть бы они прискакали сюда! И Петра он казнит за содеянное.

Внезапно она остановилась: ей почудился легкий треск ветки совсем близко. Она перестала дышать. Кто здесь? Может, зверь какой? Эта догадка успокоила немного. Наверное, олень. Она вгляделась: все было тихо, ни звука больше не было слышно. Девушка двинулась дальше.

Она не ожидала нападения. Сильные руки, как тиски, сжали ее и подняли вверх. Тут же ей зажали рот, повредив нежную кожу губ. Она дико извивалась, болтала ногами в воздухе, но все было бесполезно. Наощупь она чувствовала грубую материю. Но те же руки скрутили ее так, что она не могла даже повернуть головы, чтобы увидеть своего похитителя.

Ее поставили на ноги и заткнули рот какой-то зловонной тряпкой. Ее чуть не стошнило, но когда Анастасия попыталась выплюнуть ее, кто-то так сжал ее запястья, словно хотел остановить кровь в ее жилах. Девушка застонала от боли, стараясь увернуться, чтобы увидеть напавшего человека, но вновь ее оторвали от земли и положили поперек седла.

Как же они могли подойти так близко, что она не слышала их? Не слышала храпа лошади? Она бессильно старалась понять. Этот человек не мог быть ни Петром, ни возницей. Были ли они в сговоре с этим мужчиной? А вдруг ее похититель — лютый разбойник, скрывающийся в лесах?

Она почувствовала тяжесть его тела, когда он вскочил на лошадь и взялся за поводья; другая рука сильно держала ее. Он ударил лошадь по бокам, издав низкий гортанный звук. Подчиняясь его приказу, лошадь поскакала

галопом, разбрасывая снег, унося на себе Анастасию и ее похитителя.

***

— Довольно!

Иван швырнул игральные фишки с такой силой, что они скатились с дубового стола и рассыпались по каменному полу. — Я устал. Развлеки меня чем-нибудь.

Князь Курбский натужно улыбнулся: — Ты и так без сна вот уже несколько дней, Иван Васильевич, что тревожит тебя?

— Тревожит? Скучно мне.

— Что ж, можно подумать. — Князь потянулся за вином и наполнил два золотых кубка, Ивану и себе. — Запрягут быстрых коней и мы развеем тоску. — Он отпил и озабоченно посмотрел на царя.

— Коней! — пренебрежительно ответил тот. — Если твоя голова ничего путного предложить не может, отправляйся домой. — Он блеснул глазами на друга и подпер руками голову. Андрей сделался задумчив.

— Охота, государь? Вели приготовить соколов. Мы отъедем утром...

— Утром, говоришь? — ядовито сказал Иван. — Я хочу сейчас.

— Может быть, медведь...

— Нет! — Подумав, царь досказал: — Довольно с меня медведей. — Он допил вино, резко поднялся с кресла, начал мерить длинными шагами комнату. — Не знаю, чего я хочу. Ничто не радует душу.

Андрей изучающе смотрел на него. — Тебе нужно девку? Это снимет твою хворь.

Иван улыбнулся: — Ты хорошо изучил меня. — Он подошел и отворил окно, вглядываясь в ночь.

— Тамару? — спросил Андрей. — Она, небось, не ждет такой радости сегодня.

— Нет. — Иван отвернулся, нахмурившись. — Сегодня я не хочу татарской плоти.

Андрей пожал плечами. — Есть другие, моложе...

Иван подавил вздох. — Андрей, есть только одна, кого я желаю сейчас.

— Кто же?

— Анастасия, жена моя.

Андрей обомлел. С самого избрания ее в невесты, Иван ни разу даже не обмолвился о ней словом. — Если бы она была женой твоей, — задумчиво проронил он, —

но она еще твоя невеста. — Наверное, ее держат под замком до самого венчания.

— Под замком — от меня? — глаза Ивана сверкнули. — Я могу сделать с ней, что пожелаю.

Князь Курбский подошел к все еще стоящему у окна царю. — Это так, государь, но по обычаю жених и невеста не должны видеться до венчания. — Он серьезно взглянул на друга: — Не хочешь же ты — царь — нарушить обычай предков?

Черные глаза Ивана встретились с твердым взглядом голубых глаз Курбского. Он, казалось, вдумывался в сказанное князем. Затем хлопнул друга по плечу: — Ступай, вели седлать лошадей. Мы едем в Белый Город, — и быстро направился к двери.

Курбский встревожился. Он видел Анастасию Захарьину-Кошкину, когда отбирали девушек, и она очаровала его. Не то, чтобы он отказывал Ивану в праве делать с ней, что он захочет: Анастасия должна подчиниться мужу, особенно, если муж — царь.

— А ежели она спит? — неслышными шагами он подошел к Ивану.

— Так проснется! — резко ответил тот. — Я возьму для нее что-нибудь, что наверное разбудит ее. Сапфировое ожерелье моей матери или...

Андрей вздрогнул: он не считал Анастасию девушкой, которой можно овладеть, посулив ей драгоценности. — Но ее дядя не воспротивится ли? Он бережет ее, как зеницу ока, до свадьбы.

— Ба! Неужто нам не справиться с Захарьиным-Кошкиным? Ступай, Андрей, вели вывести коней. Я выйду следом за тобой.

Андрей вздохнул. Что было толку возражать, он лишь разгневает царя. — Как знаешь. Лошади будут ждать тебя, государь.

Они бешеным галопом пронеслись через заснеженные улицы. Холодный свежий воздух бодрил. Нигде не было видно огней; луна, спрятавшись за облако, струила слабый свет, придававший городу призрачные очертания.

В Белом Городе друзья попридержали лошадей.

— Который дом? — спросил Иван.

— Я спрашивал, куда отвезли твои подарки вчера, едем.

Глаза Ивана заблестели нетерпением. Порой ему казалось, что это сон: Анастасия! Он помнил ее кроткую

красоту, ее громадные карие глаза, слезы, стекавшие по ее щекам в ту ночь, когда он оставил ей перстень, и то, с какой смелостью она разговаривала с ним на Соборной площади, где он чуть не зашиб ее. Он теперь думал о ней ежедневно, ежечасно. Ему страстно хотелось прикоснуться к ней, владеть ею, покрыть поцелуями ее гордую, жемчужной белизны, шею.

— Вот и дом. — Андрей направил коня к воротам, а следом и Иван. Сквозь закрытые окна слышался хриплый смех и музыка.

— Войдем? — Андрей спешился.

— Нет. Обожди. — Иван вдруг сделался задумчив. Действительно ли желает он войти в этот дом и поднять любезную его сердцу с постели? Он представил ее, испуганную со сна, встревоженную его появлением у ее ложа. Представил ужас Григория, гостей, непристойные шутки...

Вот, значит, чего он хочет? Нет. Он должен обуздать свою плоть. Тот час, когда она будет принадлежать ему, будет прекрасным. Опочивальня во дворце — вот достойная оправа для их первой супружеской ночи. Но не здесь. Не теперь.

— Я передумал, — сказал он Курбскому. Натянув поводья, он повернул лошадь назад. — Едем. У меня жажда, которую можно утолить только вином.

Он тронул с места, а следом — успокоившийся князь Андрей.

* * *

Анна Глинская лежала на своей кровати, и взгляд ее был устремлен на окно. Вот уже семь дней как сон покинул старую княгиню: ее замыслы! Ее мечты! Все обратилось в прах.

Что же она упустила? Все было продумано не раз. В ту ночь, казалось, все было подвластно Силе. Даже Михаил, недоверчивый, подозрительный — и тот просто онемел от изумления. Они тогда, она и Михаил, вернулись во дворец вместе, чувствуя защищенность, зная, что исполнится их желание. Михаил смотрел на нее иными глазами: теперь-то он не посмеет больше глумиться над ее друзьями!

А потом... Медведь словно взбесился. Старый Егор — кто мог такое ожидать? Зверь этот, казалось Анне, жил во дворце вечность и был старше ее самой! Почти беззубый, он питался только овсом, смешанным с медом. Такой послушный, мирный. И что заставило его захотеть полакомиться человечиной?

Девушка же была хороша, эта княжна Воронова. Подходящая жена Ивану. И удобная пешка в игре Глинских. Ну почему именно ее? Да, она вышла чуть вперед, но ведь и другие так же сделали. Почему не княжну Скурлатову? Или Анастасию?

Бабка царя тяжело вздохнула. Почему не Анастасию? Как можно допустить, чтобы эта Захарьина-Кошкина взяла в руки власть, их власть? Чтобы она стала им ровней? Делала, что хотела? Анна Глинская приподнялась и подложила подушки под спину. Анастасия Романовна среди нас. Это свершилось.

Только прослышав о нападении медведя, Анна чуть не лишилась речи. Воронова не погибла, и она бросилась в комнату, куда положили несчастную, и привела к ней няньку, не отходившую от кровати ни днем, ни ночью. Но одного взгляда на девушку было довольно, чтобы понять: все потеряно. Она была страшно изувечена: все тело было в глубоких рваных ранах, лицо изуродовано. Было непостижимо, что она осталась жива. Анна понимала, что никогда Иван не возьмет в жены калеку. Даже если так будет угодно Богу и она сможет зачать, это было безумной надеждой..

Глинская поворочалась в кровати, вновь перекладывая подушки. Она думала, то сжимая, то разжимая свои худые пальцы.

Она ясно осознавала, что эта Анастасия встала у нее поперек дороги. Он выбрал ее, даже не спросясь у нее совета. Когда он говорил о девушке, что-то похожее на нежность слышалось в его голосе. Он, казалось, жил ожиданием свадьбы и был радостным, как никогда прежде.

Неужто он любил ее?

Анна содрогнулась. Она-то знала, как способен Иван любить, истинно любить — как он любил только одного человека в жизни. Свою мать, Елену. Он обожал ее, и был близок к безумию после ее смерти. Если этой выскочке из семьи Захарьина-Кошкина удастся заменить ему Елену...

Она обладала Силой — Анна была уверена в этом! Как иначе она приворожила царя, его сердце? Она красивая, это правда, но есть красивее. Ее семья не богата. С тех времен, когда брат Григория, Роман, попал в опалу после смерти Василия, никто больше о них и слыхом не слыхивал. Девушка выросла в бедности: ей ли сидеть за царским столом!

И все же — выбрана она. Когда это, наконец, полностью осознала княгиня, она решила действовать иначе.

Ей в помощь дана Сила, более могущественная, чем любовь. Это будет нелегко, но должна же она обойти, обхитрить!

Она снова повернулась в кровати. Ей стало немного легче: она нашла решение. Теперь можно и заснуть. Она закрыла глаза и улыбнулась: ее друзья, вот кто поможет ей.

***

Возница понял, что пропал. Он остался в лесу один, беспомощный, брошенный, замерзающий. Нужно было спасаться. Петр обманул его: Николай слышал отдаленный топот лошадиных копыт и скрип полозьев того самого возка, которым он правил.

Что произошло с девушкой, он понять не мог. Один раз она мелькнула за деревьями, но затем исчезла в темноте ночи. Потом он услышал что-то похожее на крик, раздавшийся в чаще леса. Но с тех пор не было ни звука, а прошло, как ему казалось, много времени. Девушку, решил он, задрал дикий зверь. Но что бы там ни случилось, почему он должен переживать о ней? Самому бы тут не околеть.

Он остановился и вгляделся в темноту: хоть глаз выколи! Ему казалось, что он бродит вечность. Отсюда не выбраться. Но нет, он должен добраться до Москвы! Куда ни кинь взгляд — повсюду одни деревья и ни огонька вдали. Может, он забрел в сторону от Москвы?

Ног он уже не чувствовал. С нечеловеческим усилием он заставлял себя передвигать одну ногу, потом следом — другую. Лицо он уже обморозил, все труднее было дышать.

«Проклятье!» — бешеная ярость, снова захлестнувшая его при мысли о Петре, придала ему сил. «Дурень чертов, и кто только надоумил его красть царскую невесту!» Николай встряхнул головой и дотронулся рукой до лица — но не почувствовал своего прикосновения. И зачем черт его попутал слезть с козел, вот Петька-то умнее был...

Только бы дотянуть до утра. Он взглянул на небо: облака совсем скрыли луну. Сколько еще ждать? Час? Уж утром-то он найдет дорогу из этой чащи. Не околеть бы только. Он уже чувствовал, как начало чудить в голове и хотелось лечь и уснуть. Он бы даже и на снегу прилег, подумалось ему тоскливо. Но нет. Он прикусил губу и стал двигать то ногами, то руками, чтобы кровь не стыла

3 139

в жилах. Уснуть — это смерти уступить. Идти надо. Идти...

Он старательно переступал ногами, которые совсем одеревенели. Один шаг. Два...

Он не мог останавливаться, в движении было его последнее спасение. Вдруг он спотыкнулся и упал. Открыл глаза, увидел, что лежит по шею в сугробе. С безумным отчаянием он стал карабкаться вверх, разбрасывая снег.

Но эти усилия лишили его последних сил. Он перестал двигаться и откинулся на спину, положил голову на податливую подушку из снега. Ему стало так хорошо... так хорошо...

Мозг его застывал, веки тяжелели и закрылись глаза. Ему даже не хотелось открывать их снова. Неужто посветлело, или ему так почудилось? Он заставил себя проснуться и оглядеться: медленно исчезали призраки и вместо них остались обыкновенные деревья. Он разглядел их стволы, голые ветки, как кривые руки, протянулись к небу. Он посмотрел на снег: с одной стороны от него он был гладким, с другой — грязным и заслеженным. Он прищурился: его ли это следы там, слева? Но здесь была не одна цепочка следов. Ну-ка, ну-ка... Он заставил себя поразмыслить. Ну, да, тут разные следы. И одни от лошадиных копыт...

Два следа. Один лошадиный. Что бы это значило? Он сделал глубокий вдох, чтобы не заснуть. А ведь что-то здесь неладно. Догадка ускользала от него. Снова наливались тяжестью веки. Что-то неладно... нехорошо все это. Но он догадается... только потом... потом.

Глава 8

Неужели я потеряла сознание?» — испугалась Анастасия. Она помнила всю происшедшую неравную борьбу с напавшим на нее, помнила отвратительную тряпку, которой ей заткнули рот, чтобы она не закричала, помнила дикую скачку на спине лошади и сильную руку, придерживающую ее в этом положении. Хотя она не могла видеть, где они скакали, но поняла, что достигли цели, когда стали слышны громкие голоса и топот лошадей. Всю дорогу она молила Господа оставить ее в живых и надеялась на это: теперь она обручена с царем, а Иван — она знала — перевернет небо и землю, чтобы найти ее и покарать похитителей.

Когда лошадь перешла с галопа на шаг и можно бы расслышать, что говорили на непонятном ей языке, она решила, что это либо конечная цель пути, либо просто остановка на ночь. Было очень неудобно, но все же Анастасия разглядела, что это место было чем-то вроде стана, ее чувствительный нос уловил дым костров, запах готовящейся пищи. В этот момент ее сняли с лошади, выкрикивая что-то, а потом... провал. Может быть, она лишилась чувств? Она ничего не помнила. Но, наверное, что-то случилось, потому что вдруг темнота рассеялась и она увидела, что лежит в шатре, на каком-то подобии лежанки из охапки листьев, покрытых грубой попоной.

«Отчего я ничего не могу вспомнить?» — взволновалась она. — «Никогда прежде я не теряла сознание». Стараясь взбодриться, она резко поднялась и села. Но тут же ее вырвало, и ей показалось, что вся кровь хлынула в голову: в висках молотом забилась слепящая боль. Она встала на колени и застыла, ожидая, пока все пройдет. Когда желудок успокоился, она несколько раз глубоко вздохнула, и ей полегчало.

Живительные глотки утреннего воздуха прояснили голову. Она больше не сомневалась в том, что произошло. Ее опоили.

Но зачем? Чтобы она не кричала? Чтоб не убежала? Она не могла вспомнить, сколько продолжалось это беспамятство, день ли был или ночь. Она осторожно подползла к отдернутому пологу шатра и осмотрелась. Первое впечатление не обмануло ее — это действительно был стан: несколько таких же шатров образовывали круг, в центре которого было что-то вроде кухни. Она могла видеть смуглых женщин в шароварах и длинных рубашках из плотной крашеной ткани, склонившихся над громадными котлами, подвешенными над огнем. Чумазые дети гонялись друг за другом по снегу, болтали на том же непонятном гортанном языке, который Анастасия слышала с той минуты, когда ее привезли. Мужчины в темных накидках сидели на срубленных деревьях и ели какое-то дымящееся жареное мясо из глиняных мисок.

Аромат чужой еды обволакивал Анастасию, почувствовавшую, как желудок судорогой откликается на этот зов. Сколько уже времени у нее не было маковой росинки во рту? Давно, вспомнила она, но принять эту пищу ей было бы противно. Она мучилась мыслью: что они собираются делать с ней? Чутье подсказывало ей, что причина ее похищения как-то связана с Иваном. Может, эти люди затаили в душе обиду на царя и решили вымстить зло на ней? А может, они задумали совершить более страшное злодеяние и ей грозит неминуемая смерть?

«Что бы ни было, мне надо бежать», — подумала Анастасия, отпрянув от полога. Осмотрев себя, она с ужасом увидела, что на ней лишь ее голубой летник, в котором она отправлялась к Анне Глинской. Где же ее соболья шуба? Поискав по шатру глазами, она нашла ее, лежащую на какой-то куче тряпок: наверное, бросили туда, когда ее, опоенную, положили на лежанку из листьев. Она подобрала шубу и скорее закуталась в нее, мгновенно ощутив разлившееся по телу тепло. Шуба напомнила

ей об Иване. Она была уверена, что к этому часу Иван уже знает, что она пропала: дядя, озабоченный ее долгим отсутствием, конечно, поехал за ней во дворец. И еще она знала одно: царь разошлет людей во все концы и обязательно ее спасет. Но до тех пор ей следует самой позаботиться о себе. Если уж невозможно вернуться в Москву, то надо спрятаться где-то здесь, в лагере. Тогда ей не грозит смерть от яда или удушения. Придя к такому решению, Анастасия снова приникла к щели у входа в шатер: может, ей удастся незамеченной выскользнуть отсюда? Но тут же пришлось отказаться от этой мысли, едва взгляд упал на сидящую у шатра фигуру. Она могла бы поклясться, что отродясь не видела такого гиганта: даже сидя он казался горой, и к тому же был отвратительно толст. У него были мелкие черты лица, смуглая грубая кожа. Анастасия усомнилась в том, сможет ли он быстро вскочить, но, подумав, решила, что до этого дело не дойдет: ему достаточно протянуть руку, чтобы схватить ее, если ей вздумается бежать. Тут же она смирилась, что придется дожидаться, пока он заснет. Но ведь его тогда заменят?.. Надо искать другой путь.

Анастасия внимательно оглядела внутренность шатра: туго натянутый, совсем новый, ни одной дыры или разрыва, через который можно пролезть. Ах, если бы у нее было что-нибудь острое, она бы продырявила стенку. Осмотревшись в поисках подходящего орудия, она решила покопаться в этой куче — вдруг найдется острая ветка дерева? — и встала перед ней на колени.

— А-а, матушка проснулась!

Снова Анастасию окутала темь: мужчина, стоявший на пороге шатра, заслонил собой весь свет. Она покосилась на него, пытаясь разглядеть.

— Я вижу, ты нашла свою шубку. Теперь тебе тепло?

Анастасия поднялась с колен — она должна держаться с достоинством! — Кто ты такой? — Теперь, когда она стояла в полный рост, он был лучше виден ей, невысокий, сухопарый, с копной черных волос. — Зачем меня привезли сюда?

— А Кассар не лгал, — словно вслух размышлял человек, не отвечая на вопрос и уставившись на нее с откровенным любопытством. — Он сказал, что ты не такая, как другие русские девушки.

— Кто такой Кассар? — резко спросила Анастасия. — Один из похитителей?

— А что, если даже так? — Мужчина подошел на шаг ближе к ней и дотронулся рукой до ее лица. Анастасия с омерзением отпрянула.

— Не смей трогать меня! — крикнула девушка, — я требую, чтобы ты и твои презренные сообщники отпустили меня сию же минуту!

Мужчина усмехнулся: — Мы для тебя презренные, матушка? — голос его угрожающе понизился. — Быть в стане татар унизительно для тебя?

— Вот где я — татарский стан. — Она повернулась к нему, глаза ее загорелись: — Да знаешь ли ты, кто я? Когда царь найдет меня, не сносить тебе головы!

— Тогда мы сделаем так, что он не найдет. — Внезапно он протянул руку, схватил ее за плечо и притянул к себе. Другой рукой сорвал шубу и отбросил ее в сторону. — А-а, вот теперь я вижу, что так понравилось Ивану.

Анастасия рванулась к шубе, но татарин крепко держал ее и пытался сорвать с нее летник. — Не надо! — вскрикнула она и вся ее решимость пропала. — Здесь холодно.

— Как жалко! Но мы не дадим замерзнуть матушке, — держа ее за руку, он вместе с ней отступил к порогу и задернул полог. В шатре стало тихо, все погрузилось в темноту. Мужчина схватил ее за волосы и приблизил ее голову к своему лицу. — Так лучше, правда, матушка? — Она почувствовала его дыхание.

— Не называй меня «матушка», отпусти меня. Мне больно.

— Ах, прости, я не знал, что у тебя такая нежная кожа. — Он занес одну руку ей за спину, а другой принялся неторопливо щупать ее груди через ткань платья. Она перестала дышать от ужаса, когда поняла, что он развязывает повязки на груди.

— Не надо! — она начала извиваться, но он опять схватил ее за волосы. Она хотела ударить его ногой, но длинный подол мешал, путался, а он вовремя отступил.

— Ты хочешь поиграть со мной? — Его лицо исказила издевательская ухмылка. Он разорвал ей летник. Она вспыхнула от стыда, когда осталась в нижней рубашке.

— Не надо. Прошу тебя, — взмолилась она, с трудом сдерживая слезы. Она не станет плакать, с отчаянием твердила себе Анастасия. Она должна быть сильной.

Но ловкие пальцы уже скользнули за сорочку, она почувствовала прикосновение к ее груди, и то, как он сжал ее сосок большим и указательным пальцами. — У

тебя маленькие груди, — сладострастно прошипел он, придерживая ее за шею другой рукой, — но очень красивые. — Он наклонил голову и схватился руками за ворот сорочки. Анастасия услышала треск рвущейся ткани.

— Не надо. — Она не могла больше сдерживать рыдания.

Он толкнул ее на охапку листьев. Его руки теперь шарили по всему ее телу под рубашкой. Он придавил ее своим телом. Хотя она была невинна, она мгновенно поняла, что он хочет сделать. Он изнасилует ее, осквернив прежде, чем до нее дотронется Иван.

Она попыталась бороться, но для мужчины такого небольшого роста, он был очень силен. Она была унижена, разбита. Никогда ей не очиститься от того, что сейчас произойдет... Но что это? Как будто зашуршал полог? Или это показалось? Но нет, в самом деле... раздались тяжелые быстрые шаги и вдруг тело ее насильника оторвалось от нее, и холодный воздух проник ей под рубашку. Она спасительно перевернулась на живот, дотянулась до летника и прикрыла свою наготу.

Она услышала раскаты низкого голоса, в котором клокотало бешенство.

— Аллах лишил тебя разума, Гарун? — Послышался звук удара. — Одевайся и убирайся отсюда.

— Убирайся сам! — голос ее насильника тоже зазвенел от ярости. — Ты мне не хозяин!

— Ты хотел насладиться нашей добычей. Ты что, не можешь держать руки подальше?

— Какое тебе дело? Мы здесь заодно, и я имею право на свою долю.

— А наш брат, Кассар? Он ведь тоже захочет своей.

— Да где он? Он должен был уже встретить нас здесь после того, как закончит все в Москве. — Гарун, казалось, обиделся.

— Он же прислал весть о себе: только что прискакал гонец. Он задержится ненадолго. Он передал распоряжения.

Гарун фыркнул: — Это он любит — приказывать.

— Он предвидел твой поступок, — злобно сказал второй татарин. — Никто не должен прикасаться к ней.

Анастасия затаила дыхание. Может быть, этот Кассар — ее спаситель, неожиданный сообщник среди врагов?

— Какое до этого дело Кассару? Почему его заботит, что мы сделаем с ней?

— Заботит потому, — с нарочитой медлительностью отвечал второй татарин, — что он держит ее для себя.

Гарун задохнулся от злобы: — По какому праву... — Но брат оборвал его: — Замолчи, Гарун! — крикнул он. — Не ори так. Лучше не будем говорить по-русски — она все поймет.

— А мне что за дело, поймет она или нет? — разошелся Гарун, не обращая внимания на предостережение. Голос его зазвучал с издевкой: — Если уж нашему братцу придет охота поразвлечься с ней, ее песенка спета. — Но, несмотря на вызывающий тон, он начал подбирать свою одежду с земляного пола. — Что ж, пойдем, Бадар, — с раздражением сказал он, — поищем веселья в другом месте.

Еще долго Анастасия лежала на попоне, дрожа с ног до головы. Значит, они хотят убить ее. Но только после того, как какой-то Кассар сделает то, чего не успел его брат. Господи, где же Иван? Почему не идет спасать ее? Теперь она знала, что убежать ей не удастся. Кто был этот Кассар, она не знала, но братья явно подчинялись ему. Они будут сторожить ее до тех пор, пока он не прикажет отдать ему. Осторожно она приподнялась и задумалась над своей бедой. Верхняя часть ее одежды была разорвана так, что невозможно было прикрыться. Со стоном отчаяния она доползла до брошенной шубы, пугливо озираясь на порог: не вернутся ли Гарун или его брат? Взяв шубу, она поскорее закуталась, потом добрела до лежанки и в тупом оцепенении легла — теперь ей осталось только ждать своей судьбы.

***

Анна Глинская сидела за письмом, когда ее подруга Марья Терчина пришла сказать, что приехал Григорий Захарьин-Кошкин.

Анна разгневалась: что за дерзость приезжать, когда никто его не ждет! Его племянница еще не царица, а он уже дал себе волю. Она собралась сказать, чтобы его отослали, но решила, что не надобно злить его. Кто знает, что это будет за птица, коли быть Анастасии женой Ивана?

Испытывая мстительную радость оттого, что заставит его подождать, она неспешно дописала письмо и велела Марье сходить за ним. Григорий в кафтане голубой парчи, высокой меховой шапке вошел в ее комнату — всю обитую красной кожей.

— Здравствуй, княгиня-матушка, — Захарьин-Кошкин поклонился ей в пояс.

— Здравствуй, здравствуй, Григорий. Сколько воды утекло, — ответила старая княгиня лукаво. — Время повернулось вспять.

— Истинно так, — ответил он, улыбнувшись. — Только не ведал я, что время это ныне выдвинет мою племянницу.

— И никто из нас не думал этого. — Улыбка обледенела на губах Анны. — Что же привело тебя, сударь мой, ко мне в такой мороз?

— Я пришел за племянницей. — Он огляделся. — Я думал, что она с тобою здесь, но не вижу. Не скажешь ли, где ее искать?

— Племянницу твою? Здесь, в Кремлевских палатах?! А я-то думала, что она в доме своем рядится в подвенечный наряд. — Старуха была удивлена.

— Это так. Но ведь ты... — Григорий осекся, внезапно встревожившись. — Твой возок приехал за ней вечор, а твой человек передал твою волю явится ей во дворец. — Он замолчал, тяжело дыша: неужто княгиня от старости обеспамятовала?

— Не было этого, Григорий. Али мне нечем более занять голову, как гостей созывать? — Княгиня насторожилась.

— Но как же, княгиня, а гонец твой?..

— Говорю тебе, Григорий: никого я не посылала. А возок... так это Иван мог послать за ней, — предположила Анна. — Он мог пойти и супротив старинных обычаев.

Так вот, значит, кто! Иван! Но зачем? Григорий прищурил глаза, прикидывая в уме, уж не соблазнил ли он Настю. А если да и, упаси Господь, она не приглянулась ему... состоится ли свадьба? Иван был так непредсказуем, что ни он, ни кто другой не смог бы поручиться за это головой. Проклятье! И почему это он, старый дурак, не был начеку? Почему не поехал с ней?

— Твоя правда, — медленно произнес он, не отводя тяжелого взгляда от Анны Глинской. — Должно быть, это царь. — Он поклонился ей опять. — Что ж, прости, коли что не так, а я пойду ее искать.

Анна слегка улыбнулась. Ей ли не догадаться, что за дума теперь гложет Григория. Но так ли это? Иван вроде не на шутку увлечен своей будущей женой. А если и так... Все было очень любопытно.

— Иди, — ответила она поспешно, изображая озабоченность. — Может, моему внуку взбрело в голову поговорить с нею.

— Может статься, — согласился он, наклонив голову. — Прощай, княгиня.

Ее голубые глаза проводили Григория до двери, и с горячим нетерпением она села ожидать, чем все это закончится.

Иван сидел со своими советниками, когда пришли сказать, что дядя Анастасии просится по не терпящему промедления делу. Встревоженный, не случилось ли чего с его нареченной невестой, он отпустил Адашева и прочих и велел ввести его.

Лицо Григория побагровело от ярости, когда он предстал пред царевы очи, но он старался сдерживать гнев. Он согнулся в глубоком поклоне.

— Государь, я пришел за своей племянницей, — сказал он так же, как прежде Анне. — Будь милостив, отпусти ее со мной домой.

Царь удивился. — Пришел за ней? Но почему ты думаешь, что она здесь?

Григорий нетерпеливо дернулся. — Мы оба мужчины, государь. Я никогда не был глуп, но супротив тебя дурак оказался: велеть привезти ее якобы к бабке своей — это умно.

Иван потемнел лицом. — Что ты такое говоришь, Захарьин-Кошкин? Я не видел ее с того дня, как подарил ей перстень.

Такое упорство еще больше разозлило Григория. Ему захотелось схватить его за вышитый золотом воротник и вытрясти из него правду. Но, дорожа своей шкурой, он овладел собой и сказал только: — Государь, не будем играть друг с другом. Отдашь мне племянницу — и я ни словом не обмолвлюсь про то, что было.

Тут уж не вытерпел Иван. Да как смеет он не верить ему?! — Я не могу исполнить твоей просьбы, потому что не знаю сам, где она. — Вдруг он уразумел смысл всей этой словесной перепалки : — Не хочешь ли ты сказать, что потерял ее?

Григорий онемел: если и Иван не при чем, значит, он и впрямь потерял ее?.. Но что еще хуже, царь обвинит в этом его — не уберег!

— Но, я думал... — он хотел было все объяснить, но вдруг осознал, что они теряют драгоценное время попусту. — Боюсь я, что ее украли, государь.

С нарастающей безумной тревогой Иван выслушал про возок, про высокого слугу и приглашение от его бабки. Видя ярость в глазах царя, Григорий поспешил добавить: — Я собирался поехать с ней, но тут прибыл князь Хадад...

— Князь Хадад? Из... Казани? — глаза Ивана расширились от изумления.

— Да, государь. Он-де приехал, чтобы увидеть ее самому.

Горделивая напыщенность пропала у Григория, едва он взглянул в глаза царю. — Он примчался и сразу же предложил свой возок Насте и сказал, что сам довезет ее и отговаривал ехать с тем княгининым стражником...

— Каков из себя этот стражник? — прервал Иван. Григорий задумался. — Очень силен, темен, с лица свиреп. Я еще подумал, что Насте будет безопаснее с ним, чем со мной.

— Когда это было?

— Незадолго до полуночи.

Иван сдвинул брови, мучаясь одной мыслью: в это же время он и Андрей направлялись к Белому Городу к ней, к Анастасии. Но в последнюю минуту они вернулись, сочтя это недостойным. Господи! Вернись они, и Анастасию миновала бы опасность!

— Ее не было всю ночь? — спросил он.

Григорий кивнул.

Иван послал за Адашевым. Тот сразу явился. — Алешка, созови стрельцов, бояр и... — он с секунду подумал: — Пошли за Курбским.

Адашев от изумления разинул рот: — Стрельцов? Что, бунт?

— Нет, это — важнее, — ответил резко царь. — Надо разыскать будущую царицу.

* * *

Тамара Гитарай, обнаженная, стояла перед огромным, во весь ее рост зеркалом в золоченой раме. Она занималась тем, что втирала восточные благовония в свою гладкую смуглую кожу. Из Кашмира и Багдада привозили ей братья эти дорогие благовония, которые нужны были для умащения ее чувственного тела, длинных волнистых волос, миндалевидных глаз — чтобы подпитать ими ее чары. Продолжая заниматься этим она иногда замирала, чтобы полюбоваться собой. Что ж, думала она

с удовлетворением, тело ее еще прекрасно, нет в целом мире женщины желаннее ее.

Она откинула назад волосы, и они упали ей на спину черным мерцающим водопадом, а несколько прядей соблазнительными змейками очертили прекрасной формы груди. Придет время, подумала она, и мужчина, ради которого создано ее тело, вернется к ней. Она улыбнулась, вспомнив Ивана в наготе, его сильное худое тело...

Ее снедало любопытство, что происходит сейчас во дворце. Вот уже полдня прошло, как Кассар сообщил ей, что дело сделано. Знал ли уже Иван, что его жеманница-невеста мучается теперь в их стане, переходя из рук одного мужчины к другому?

Хотела бы представить Тамара, как эта чистая домашняя Анастасия будет дрожать под грубыми руками, трогающими ее грудь.

Наконец-то это случится. Кассар заверил ее, что после игрищ он предаст Анастасию смерти, и тогда Тамара снова воцарится в сердце Ивана. Брат сказал ей, что никто не найдет того места, где они закопают тело. И только одни татары будут знать, какая судьба постигла девушку, выбранную Иваном царицей.

Послышались шаги, и Тамара быстро накинула шелковую рубашку. Она уже успела сесть возле зеркала, и снова расчесывала длинные волосы, отливающие блеском атласа, когда послышался тихий стук в дверь. Она обернулась и увидела свою мать. Глубокая печаль была на лице той.

— Что так рано? — не поднимаясь, спросила Тамара. — Ты уже закончила шитье для царицы?

— Не видать было сегодня царицы, — ответила Майсура Гитарай. Женщина положила свою накидку на огромную, замысловатой резьбы, кровать. — По всему видно, что она исчезла.

Сердце Тамары подпрыгнуло. — Исчезла? — повторила она, заставляя себя не выдать вспыхнувшую радость. — О чем ты, мама?

— Прошлой ночью она покинула дом, сев в присланный за нею возок, — взволнованно рассказывала ей мать. — Княгиня Глинская ожидала ее. Я была при ней, когда приехал посланец княгини.

— Так, значит, ее нет во дворце сейчас? — спросила Тамара, лениво играя серебряным гребнем, стараясь казаться безразличной.

— Говорят, ее и вовсе не было там, и будто бы ее похитили в дороге.

— Похитили? Как ужасно! — Тамара резко обернулась, испуганно взглянув на мать. — Но кто мог это сделать?

Майсура вздохнула и покачала головой. Она, конечно, знала, что Тамара была царской наложницей и не удивлялась, что ее дочь живет в такой роскоши и ее сыновьям принадлежат лучшие торговые ряды. Она сама давно уже не обшивала дворцовых. Но без дела сидеть не любила и нередко бралась за иголку. Из-за дочери Майсуру в городе знали, и хотя после смерти матери Ивана, Елены Глинской, она могла жить безбедно, она получала удовольствие от того, что могла зарабатывать себе на хлеб. Уж ей ли было не знать, что царь никогда не возьмет ее дочь в жены. Но она чувствовала материнским сердцем, что и после женитьбы царь не оставит Тамару.

Поэтому она не особенно огорчалась из-за того, что занималась шитьем приданого для молодой царицы.

— Во дворце никому ничего не известно, — сказала женщина. — Но все надеются, что ее найдут.

— Как же можно надеяться на это? — Тамара в притворной задумчивости примеряла рубиновое ожерелье.

— Но царь уже снарядил стрельцов на поиски, — ответила мать, улыбаясь.

— Стрельцов? Не может быть! — красавица-татарка недоверчиво взглянула на мать.

— Но он верит, что найдет ее, даже если придется обойти всю землю.

У Тамары перехватило дыхание. Стрельцы! Если Иван разошлет их на поиски, они в два счета найдут ее. «Я должна предупредить Кассара», — встревоженно подумала она. «Надо сказать ему, чтобы поскорее покончили с Анастасией». Она вскочила и спешно сбросила шелковую рубашку.

— Куда ты, милая? Куда ты собралась? — встрепенулась мать.

— У меня срочное дело. Если ты голодна, Ания накормит тебя.

— Ты уходишь? В такой мороз! Нельзя ли отложить дело?

— Нет, это очень спешно. — Тамара оделась в простое платье черного кашемира. Как бы ей сейчас нужна была лошадь! Но женщина верхом на лошади, особенно такая женщина, как Тамара, — это вызвало бы подозрение.

Она накинула соболью шубу. — Спасибо, что принесла мне эти вести, мама. — Она обняла и поцеловала мать. — Я надеюсь... — она взглянула в глаза матери и печально улыбнулась, — я надеюсь — Анастасия найдется.

Мать тяжело вздохнула, провожая взглядом Тамару. Закрыв за собой дверь, девушка бросилась бежать.

***

Часа не прошло, как Лев Скурлатов узнал, что делалось во дворце, от подкупленного им стражника. И чем больше думал князь об этой вести, тем радостнее становилось у него на душе. Ему нет дела до того, что украли Анастасию. Чего хотел похититель: взять ли выкуп за невесту? Или она была только жертвой в черной игре? А может, кто-то не хотел, чтобы царицей стала она? Узнай только Лев кто похититель, и тогда откроется правда. От стражника он ничего не добился: если царь и знал о том, кто похитил его невесту, то хранил об этом молчание.

Лев насупился, поглаживая бороду. Зачем кому-то нужно, чтобы исчезла Анастасия Захарьина-Кошкина? Он, грешным делом, думал на Глинских. Все знали, что старая княгиня ночей не спала: все думала, как бы не дать укрепиться Захарьиным-Кошкиным при царе. Григорий тщеславен и не упустит случая посадить племянницу на трон.

Лев уже было подумал, не замешаны ли тут татары. За последние годы русские потеснили их. Может, это они использовали Анастасию, чтобы предотвратить нависшую угрозу над их оплотом — Казанью? И еще вспомнился ему отбор невест: не обиженный ли отец пожелал отомстить за отвергнутую царем дочь?

Скурлатов покачал головой — нет, все не то. А между тем, ох, как хотелось бы ему знать, кто стоит за исчезновением царицы. Когда он будет уверен, что не появится больше Анастасия, пробьет час для его сестры.

***

В бедном доме вдали от Москвы с утра, не присев, хлопотала по хозяйству Пелагея. Лишь когда был вымыт деревянный пол и застелен домотканным ковриком, она смогла, наконец, подойти к полугодовалой дочери Аленушке.

Всю ночь проплакало дитя, и Пелагея отдала ей все молоко, что было в доме.

— Что, Аленушка, что, родимая, не насытилась? — нежно ворковала она, склоняясь над колыбелью.

Девочка все плакала, и Пелагея осторожно положила ее на свою постель. — Не плачь, милая, — говорила она, набрасывая овечий полушубок и завязывая платок. — Сейчас принесу еще молока.

В сенях она взяла бадью и быстро сбежала с крыльца, направляясь к хлеву. Корова ее очень выручала — сама Пелагея кормить грудью не могла. Она обогнула избу и в спешке, не смотря под ноги, спотыкнулась о твердый ком снега.

— Ай! — крикнула она и не удержавшись на ногах, упала. Поднявшись, она отряхнулась и тут только взглянула на этот ком. Вдруг, к ее ужасу, он зашевелился, и послышался низкий стон.

— Господи, — Пелагея перекрестилась, но не отпрянула, а наклонилась ближе. Он больше не двигался, но она разглядела, что это мужчина, уткнувшийся лицом в снег. Ужас и жалость охватили ее, и Пелагея попыталась перевернуть его. Мужчина был не крупный, но тело оказалось очень тяжелым. Поднатужившись, Пелагея откинула его на спину и взглянула в лицо.

Кожа его посинела, глаза были закрыты, а в рот забился снег. И не знала она — жив он или уже мертв.

Глава 9

Кассар Гитарай вот уже час сидел и потягивал квас, размышляя о том, о чем недавно узнал. Похищение, затеянное Петром, окончилось неудачей. «Увезти-то я ее увез, — сбивчиво и взволнованно рассказывал он, — но едва мы с Николаем обернулись — ее и след простыл, убежала!» Дальше Петр сказал, что послал за ней вдогонку возницу, Николая, а сам остался ждать. Но шло время, никто не возвращался, и Петру стало жутко: темно ведь было, мороз крепчал, да еще думы всякие полезли в голову... И накажут же его за то, что упустил девку! Он, не помня себя от страха, рванул поводья. Всю ночь и это утро гнал лошадей до Москвы, а когда прибежал в торговые ряды, услышал, как хвастали здешние татары, что царица-де сидит взаперти в деревне. Смекнув, Петр-таки осмелился поискать там Кассара, рассказал ему все.

Но Кассар уже знал о случившемся. Один всадник, прискакавший на взмыленной лошадке из деревни, сказал: девицу схватили в лесу, где она пряталась от возницы; теперь ее держат под стражей в одном из шатров. Кассар отослал гонца со строгим наказом не трогать пленницу, покуда не явится он сам. Ему ли было не знать, какие дикие желания пробудит в его горячих соплеменниках эта юная русская девица! Он же желал ее для себя.

Кассар не сомневался, что его не посмеют ослушаться. Из-за положения сестры ему и братьям оказывали уважение, и к тому же он был старший и самый сильный — его боялись.

Теперь он думал об Анастасии. Ему было понятно, за что ее полюбил русский царь. Она была не просто красива, но было в ней что-то особенное, величавое — совсем не сродни напыщенности Григория Захарьина-Кошкина, хотя она и была одной с ним крови. Какое дивное бархатное мерцание излучали ее глаза цвета янтаря — они так и завораживали ему душу. А этот гордый наклон головы, ее лебединая походка, ее тонкий стан! Она совсем не такая, как Тамара, в ней совсем нет бесстыдства и неутомимого сладострастия, как у сестры. Но один лишь ее целомудренный кроткий вид зажигал огнем кровь старшего Гитарая.

Он должен обладать ею! Весь ее нежный облик будит в нем безумные желания. Он насладится ею, прежде чем... Кассар сделал большой глоток и нахмурился. Прежде, чем что? Тут он вспомнил, на чем они порешили: она умрет. Да и почему надо жалеть ее, если их родная сестра, красавица Тамара, не станет женой царя? Правда, тяжкое сомнение вкралось ему в душу — не бывать Тамаре царицей, даже после смерти Анастасии. Кассар знал — да и все знали — что Иван любил Тамару. Но, говорил себе он, как русский царь, Иван и в жены себе выберет русскую девицу, чтобы она родила ему наследника. Кассар решил отговорить сообщников убивать ее: там, где речь шла о престолонаследии, шутки были плохи.

И должны ли они, братья Гитарай, идти на такое опасное дело? Конечно же, никогда они не оставят в беде Тамару. Старшие братья всегда помогали ей. Вот и сейчас она так страстно умоляла их избавить ее от соперницы, потому что понимала: конец придет ее счастью, если Иван женится. Она угрожала, что сама убьет Анастасию, и если они не хотят навлечь беду на ее голову, то должны согласиться.

Кассар лелеял одну мечту в душе с того дня, когда увидел Анастасию: отчего бы ему самому не жениться на ней? Девица не только хороша собой, она ведь выбрана самим царем. Подумать только, что татарин уведет у самого царя невесту! У Кассара даже сердце забилось чаще при одной мысли об этом.

Он резко поднялся. Пора ехать и совершить, наконец, то, о чем он сладостно грезил всю ночь.

Радостно и легко он вскочил в седло своего выносливого конька.

***

Князь Андрей Курбский вбежал на крыльцо своего дома, с порога зовя слугу: — Пошевелись-ка, я спешу!

Пока слуга, с полуслова умевший понимать, что требует князь, ходил за одеждой, Курбский пребывал в мрачных раздумьях. Он сам со стрельцами объехал весь город в поисках Анастасии, и все напрасно.

Едва услышав об исчезновении, князь почувствовал, как все смешалось в нем — боль, оскорбление, опустошение. Подозревая всех, кого они опрашивали, в причастности к похищению царевой невесты, князь Андрей и себя чувствовал виновным в этой беде.

Из всех девиц, оставленных для выбора в царицы, Анастасия Захарьина-Кошкина одна только и поразила его. Как она была красива, как целомудренна — не то, что прочие, кокетливо поводящие насурьмленными бровями да дерзко не отводящие взгляда. Курбский знал, что семья ее была старого боярского рода, несмотря на теперешнее обеднение, и что они процветали при царствовании отца Ивана, Василия III. Спокойное достоинство и честь рода сквозили во всей ее повадке. Как же уповал князь на то, что не ее выберут судьи!

Курбский уже подумывал о том, как он посватается к ней, когда выберут другую, и сердце его забилось с надеждой, когда Сильвестр и прочие остановили взоры на княжне Вороновой. Но медведь искалечил избранницу, и все пропало: Анастасию назвал сам Иван.

Ах, если бы он мог помешать этому! Но... Князь тяжко вздохнул, качая головой. Кто же мог знать, что царь сам пойдет ночью в палаты, где спали девицы, и оставит ей, Анастасии, перстень на подушке? Андрей еще надеялся, что из-за случившегося несчастья с ростовской княжной весь ритуал избрания отложат. Но царь так захотел — и теперь женится на той, о которой мечтал его друг.

Но сейчас его сердечные муки должны забыться: он должен вернуть Анастасию. Он пылко молился перед тем в соборе за ее спасение.

— Оседлай самого быстрого моего коня, — велел Андрей слуге, подавшем ему высокую меховую шапку. Тот снова выбежал из палат, а сам князь осмотрел свою саблю, ломая голову. где же могла быть Анастасия. «Только бы...» — у него перехватило дыхание, — «только бы эти мерзавцы оставили ее живой». Но тут же Андрей стал корить себя за такие мысли. «Я не должен так думать. И что бы ни случилось, я найду ее».

Курбский пристегнул саблю и поспешно вышел.

***

Анастасия с отвращением смотрела на содержимое миски, которую ей принесли. Гарун, поставив перед ней миску, смотрел, станет ли она есть. — Ешь, ешь, — заулыбался он, — тебе станет легче. — Еще он принес ей какую-то одежду вместо ее, разорванной им же самим. Анастасия насторожилась: почему же они хотят, чтобы она подкрепилась, если собираются убить ее? И зачем эта одежда? И тут Анастасия поняла: похитители поддерживают ее силы для человека, имя которого она слышала уже не раз — Кассара!

«И все же мне надо поесть», — уговаривала себя девушка. «Уже целый день я голодна. Мне нужно сберечь силы, если...» Она вздохнула: что если? Если ей удастся бежать? Если за ней приедет Иван? Но здесь ее стерегут неустанно, и убежать нельзя. А Иван... Да как же он узнает, где искать ее? Иван — она была уверена в этом — счел ее исчезновение ее собственным решением.

Что если он не простит ей этого и другая девушка заменит ее, как она заменила ему Ирину?

«Нет, я не смею так о нем думать», — рассердилась на себя Анастасия. «Я должна уповать на Ивана, а если не на Ивана, то на Господа — уж он-то защитит меня. Он уже защитил меня от этого ужасного Гаруна». Анастасия решительно взяла ложку и, сморщившись от непривычного вкуса незнакомой пищи, зачерпнула еще горячей похлебки. «Пока живешь, надо надеяться».

Едва она закончила есть, как послышались тяжелые шаги. Полог распахнулся, и она, к своему ужасу, увидела своего гигантского стража, который, приблизившись, сгреб ее огромными ручищами и вынес из шатра, Анастасия была так напугана, что даже не стала сопротивляться, только зажмурила глаза. Услышав несколько певучих женских голосов, девушка осмелилась посмотреть,

где она. В точно таком же шатре полукругом сидели на корточках женщины, закрытые паранджой.

— Быстро намажьте ей лицо! — крикнул им мужчина, толкнув ее к ним. Одна из женщин зачерпнула какой-то темной жижи и пальцами размазала по лицу Анастасии. Мужчина все время наблюдал. — Вот так лучше, теперь никто ее не узнает, — довольно ухмылялся он и, сжав ей плечо, угрожающе сказал: — Слушай меня, девушка. Несколько русских воинов едут сюда. Если они войдут в шатер, ты не должна даже глаз поднимать. Если ты сделаешь, как я сказал, то мы отпустим тебя, когда станем уходить в Казань. Но если ты издашь хоть один звук — я велю поджечь твой дом в Белом Городе. Ты поняла меня?

Ошеломленная, Анастасия кивнула. Да и что она могла сказать? Она только надеялась, что он не сумеет осуществить свою угрозу — ведь придут же стрельцы и, конечно, убьют его. А что если он прикажет кому-то в Москве сделать это? И почему он сказал, что отпустит ее? Верить ли ему? Может, он думает, что избежит наказания, если уйдет к Казани, что там царская рука не достанет его?

Вскоре послышались конское ржание, грубые окрики, вопли женщин. Анастасия поняла, что это прискакали стрельцы. Сердце ее забилось ожиданием. Один стрелец заглянул в шатер. Татарин засуетился, закланялся, стал объяснять, что это гарем их князя. Стрелец взглянул на закрытые лица женщин. Анастасия впилась умоляющими глазами в русского воина. Но тот лишь равнодушно скользнул взглядом по Анастасии и вышел. И тут только она узнала его! Высокий статный воин был князь Андрей Курбский!

Он не узнал ее... Девушка в смятении прислушивалась к звукам, доносившимся снаружи: было похоже, что всадники удалились. Значит, они так ничего и не заподозрили!

Через некоторое время Анастасию привели обратно в ее шатер и умыли лицо холодной водой. Она, не зная, что и думать, присела на свое ложе из листьев. Когда же ее отпустят? Видно, придется переночевать: солнце уже садится, а татары не собираются трогаться с места. Все равно, сама она не хозяйка себе в этой деревне. Может заснуть и хоть немного забыться?..

Анастасия не помнила, заснула она или нет, но внезапно открыла глаза, потому что почувствовала, что не

одна в шатре. Кто-то стоял у ее изголовья, пристально разглядывая. Это был высокий мужчина с крупными чертами красивого лица. Когда глаза их встретились, он улыбнулся, и ее пронзила мысль, что она уже видела этого человека. Но когда, где? Это был татарин, но на нем была шапка с меховым околышем из чернобурой лисицы и черным верхом, какие носили московские бояре, и дорогая епанча. Анастасия рывком приподнялась на лежанке, одернув на себе длинную рубашку. — Кто ты? — стараясь скрыть испуг, спросила она. Снова ей показались знакомыми эти глаза с завораживающим взглядом, эти широкие плечи... — Князь Хадад?!

Мужчина обнажил в улыбке ровный ряд белых зубов. — А, ты запомнила меня, — голос его был низок, перекатист.

— Что ты делаешь здесь, в этой деревне? Ты же... — Внезапно она догадалась: ну, конечно же, он спасет ее! Ведь он князь, ему стоит только повелеть... Сердце ее забилось еще быстрее. — А мой дядя знает, где я?

Хадад покачал головой и, наклонившись, осторожно коснулся ее руки. От этого прикосновения она сразу успокоилась. Конечно же, ему можно верить. — Нет, девушка, он не знает, — он присел на край лежанки. — И я не князь Хадад.

Анастасию бросило в жар. Она отдернула руку. — Но кто же ты тогда?

— Я Кассар Гитарай, тайный и страстный поклонник твоей несравненной красоты. — Он наклонился к ней и поцеловал ее; губы его были мягкими, но настойчивыми.

Она удивленно отстранилась, стараясь оттолкнуть его: — Не надо... Что ты говоришь! Ты же приехал к моему дяде и сказал, что...

— Все это была ложь. Мне было нужно, чтобы твой дядя не поехал с тобой, так было нужно нам.

— Так ты все это время знал правду?.. — Глаза Анастасии расширились от ужаса и отчаяния.

— Да. Я и подстроил все сам. Я только не знал одного... — он нежно провел большой ладонью по ее щеке, — что я полюблю тебя.

Анастасия отбросила его руку: — Не смей меня трогать!

— Послушай, красавица, укроти свой нрав — твоя жизнь у меня в руках. Смирись, будь послушна, и я позабочусь о тебе.

— Твои братья сказали, что отпустят меня...

Кассар рассмеялся. — И ты поверила, Анастасия Романовна? Неужто ты думаешь, что царь не отомстит нам, даже если мы уйдем в Казань? Достаточно тебе сказать ему слово — и не сносить нам головы.

— Но если я не скажу ему? — умоляюще, беспомощно пролепетала Анастасия.

Кассар покачал головой: — Мы оставим тебя в живых, если ты станешь моей женой. Я ведь не бедняк, Анастасия, я торгую персидскими коврами, атласом, бархатом, парчой. Я одену тебя не хуже боярыни, подарю тебе жемчуга, золотые монисты, браслеты.

Анастасия закрыла лицо руками. Как она так обманулась, как могла поверить, что ее отпустят? — Я никогда не стану твоей женой, — сквозь еле сдерживаемые слезы она посмотрела на него, стараясь оставаться гордой.

Глаза его потемнели, лоб нахмурился. Кассар Гитарай скинул шапку и епанчу прямо на земляной пол. — Одумайся, девушка — кому отказываешь? Захочешь — будешь моей царицей, а нет — умрешь от моей руки, но не достанешься Ивану!

Ей захотелось броситься перед ним на колени, просить, умолять, чтобы отпустил — она ведь так молода, ее любит русский царь! Как дико, что придется расстаться со своим счастьем в этом мрачном шатре, среди чужих — от руки этого безумца! Но Анастасия понимала, что ее слезы только разъярят его еще больше. Мысленно она прощалась с матерью, Иваном... — Нет, — она не узнала своего голоса, — никогда.

Кассар взглянул на нее с такой тоской и болью, что девушка на миг замерла: вдруг он сжалится над ней?.. Но вслед за этим проблеском надежды лицо ее исказил ужас: Кассар выхватил нож и...

Прежде, чем она успела прошептать имя Господа, закрыв глаза, чтобы не видеть, как опустится эта рука, послышался шум, хрип и что-то тяжелое упало ей на колени. Анастасия потеряла сознание.

...Она очнулась от прикосновения чьей-то руки. Открыв глаза, не понимая ничего, первое, что она увидела, было неподвижное тело Кассара, лежащее на ее коленях. Из глубокой раны на шее текла темная кровь. От омерзения и ужаса она стала отпихивать тело, давившее на ноги, пачкаясь в крови. И тут же другая рука, схватив мертвого Кассара за ворот, сбросила его на пол. Анастасия

подняла голову и вскрикнула: ее избавителем был... Иван!

Она не могла вымолвить ни слова. От пережитого за эти долгие часы, показавшиеся ей вечностью, девушка не могла ни горевать, ни радоваться — ей словно вытоптали душу, высушили слезы, и теперь она только смотрела на взволнованного Ивана, не в силах пошевелиться.

Вдруг в шатер вошло пятеро стрельцов и, увидев царя, застыли. — Я нашел ее, вы идите и найдите тех, других! — велел он. — Но не убивайте — они нужны мне живьем! — Стрельцы бросились вон, а царь упал на колени перед Анастасией, слезы стояли в его черных глазах: — Настя! Жива?.. — он взял ее руки в свои, сжал их так, что ей стало больно. Но и эту боль она встретила с радостью — какое счастье снова быть рядом с ним! Видеть, как глаза его полны боли и любви — к ней!

— Да, да, да! — Анастасия обрела, наконец, дар речи. Слезы брызнули из глаз, но губы улыбались.

— Я мог не успеть, Господи! Но обещаю тебе — я узнаю все и тогда... — даже в полутемном шатре она увидела, как угрожающе засверкали его глаза, — тогда никому не уйти от моей руки!

— Но зачем они сделали это, Иван? Чего хотели?

Она понимала, что не вовремя спрашивает, но была настолько разбита и потрясена, что едва ли рассудок был еще в согласии со словами.

— Я узнаю про то немедля, как вернемся. А теперь...

Он не успел досказать, как снаружи раздались душераздирающие вопли женщин, крики и плач детей.

Иван вскочил и скорым шагом вышел вон.

Анастасия мигом завернулась в подобранную с пола шубу и все еще дрожащими пальцами заплела растрепанные волосы в косу.

Тут вернулся Иван. — Что там за крики? — спросила она. Но он не ответил, а подошел ближе и твердым голосом сказал: — Едем в Москву — скоро наша свадьба.

У Анастасии подкосились колени, и она присела на лежанку. — Ты... ты, государь, все еще хочешь взять меня в жены? — голос ее пресекся. — После всего... этого? — Ей казалось, что уже никогда ей не стать достойной его любви. Принесет ли она ему счастье, если еще до свадьбы уже так опечалила его?

Иван снова взял ее руки в свои. — Никогда прежде я не любил так, как сейчас. Я буду тебя защищать. Клянусь тебе самым дорогим мне — моей покойной матерью.

***

Маленькая темная лошадка с трудом передвигалась через поваленные деревья, запорошенные снегом, которые то и дело попадались на обледенелой дороге в сторону от Москвы. Всадник, закутанный в длинную шубу так, что было не видно даже его лица, судорожно цеплялся за поводья и шею животного и прерывисто дышал, выпуская облачка пара. «Еще немного, уже почти все», — бормотал всадник не то себе, не то лошади — никого не было видно кругом.

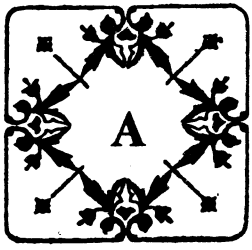
И вдруг чуткое ухо его уловило неясные звуки где-то далеко позади — похоже было на человеческие голоса.

— Ну, ну! Иди же скорей! — стал подгонять человек свою замерзшую усталую лошадку, когда стал различим приближающийся стук копыт. Но было уже поздно: два рослых жеребца, вороной и чалый, с всадниками оттеснили лошадку на край дороги и совсем перегородили путь.

— Кто это еще? — крикнул один из всадников, указывая другому вытянутой рукой в рукавице. — А ну, ты! Слезай-ка с коня! Кто бы ты ни был — покажись!

Но всадник оставался сидеть неподвижно, безмолвно. На него нетерпеливо смотрели черные властные глаза. Всадник сбросил с головы шапку: на царя Ивана с вызовом смотрела Тамара Гитарай.

Глава 10



Анастасия проснулась от звона церковных колоколов. Они звонили, оповещая Москву, что сегодня царь венчается, и в России появится молодая красивая царица. Она сидела на кровати и прислушивалась, сердце ее стучало, осознавая, что пришел ее звездный час. Она осталась жива и была в безопасности в Кремлевском дворце, и Иван выбрал ее и скоро сделает своей женой.

Она сидела и осматривалась, пораженная роскошью палат, которые она занимала с тех пор, как была привезена из татарского лагеря три недели назад. Иван не разрешил ей возвратиться в свой дом в Белом Городе.

Хотя все, обвиняемые в похищении, были жестоко наказаны, он не мог обещать ей полную безопасность. Он поселил ее в палатах, где когда-то жила его мать, и повелел стрельцам день и ночь охранять ее.

Но если Анастасия жила как бы в заточении, то это была золотая клетка. Ее палаты были богато убраны, что ни день ей подносили от царя в доказательство его любви драгоценные камни и меха.

Две женщины, бывшие ранее в услужении у Елены Глинской, были приставлены к ней. К ней допускали ее мать. Частенько навещал и Иван, нежно глядя своими черными глазами и шепча слова любви.

Она кликнула свою мамку Марфу и попросила поесть. Набросив на себя шаль, лежавшую на лавке, поспе-

шила к окну. Снег, выпавший ночью, придавал Соборной площади сказочный вид. Белокаменный Успенский собор сверкал на утреннем солнце точно так, подумалось Анастасии с радостью, как в то первое утро, когда она столкнулась на площади с Иваном, горячившим бешено скачущего жеребца.

— Доброе утро, государыня.

Анастасия повернулась к мамке, входящей с огромным подносом еды.

— Доброе утро, Марфа, хороший день сегодня.

Мамка улыбнулась: — Да, славный день для свадьбы. — Она поставила поднос на угол резного стола. Анастасия придвинулась ближе и осмотрела на подносе вкусную еду: черную икру, сваренные без скорлупы яйца, ломтики селедки и печеного картофеля, зажаренного фазана, вдохнула аромат ягодного напитка, налитого Марфой в высокий серебряный кувшин.

— М-м, — пробормотала она одобрительно, — кажется, это очень вкусно.

— Поешь, государыня, посытнее, день сегодня будет длинный.

— Да, Марфа.

Она села за стол, но совсем разволновалась и едва заставила себя поесть.

Приехала ее матушка со множеством родни и стали готовиться к свадьбе.

***

Иван соскочил с коня на кромке берега и приблизился к догоравшему костру, который еще светился красными углями.

Над костром слуги устанавливали вертел, совсем такой, как для зажарки мяса. Они стояли на снегу, обогревая руки над костром, переминаясь с ноги на ногу.

— Огонь готов? — спросил Иван. Лицо его застыло, как маска.

— Да, государь, — ответил главный царский палач, Валериан Данилович, встав перед ним и обнажив голову.

— Хорошо ли разжегся огонь для зажаривания мяса?

— Да.

— Приведите заключенных.

Двое оставшихся в живых братьев Гитарай — Бадар и Гарун были подведены к нему и стояли со связанными руками.

— Вы братья Гитарай? — густые брови Ивана сдвинулись, как только он обратился к ним.

— Но ты же знаешь нас! — поспешно ответил Бадар, — мы братья Тамары.

Хотя его сердце застучало, он заговорил об отношениях царя с их сестрой с надеждой избежать наказания.

— Я знать не хочу тебя, собака! — взревел Иван в ответ, взмахивая хлыстом и ударяя им по красивом лицу.

— Пощади, государь, — закричал Бадар, по лицу которого катились грязные слезы. — Мы не хотели причинять царице зла.

— Я знаю, чего вы хотели. — Царская плетка снова взвилась и обрушалась на ухо Гаруна, тот вскрикнул от дикой боли.

— Вы замыслили заговор против царя и престола. — Он сделал шаг вперед и приблизил свое лицо к Бадару: — Скажи мне, Бадар Гитарай, вы правда думали, что, похитив мою невесту, смогли бы посадить сестру на трон?

Бадар упал к его ногам: — Сестра не замешана в этом. Где бы она ни была, ты должен освободить ее. Она не виновата. Клянусь!

Иван пнул сапогом в лицо татарину, кровь хлынула на снег и испачкала царские одежды.

— Так же, как ваш брат Кассар был совсем не виноват, задумав изнасиловать царицу? — В какой-то момент Иван пожалел, что убил старшего брата в шатре в тот день. Он заслужил того, чтобы его пытали здесь, чтоб он мечтал о смерти как избавлении от мучений.

— Государь, она всего лишь женщина. Она не может ведать о грешных мыслях мужчин. — Бадар ползал на коленях по снегу, — отпусти ее, государь. Она не заслужила твоего гнева.

— Почему ты думаешь, что она все еще жива? Почему ты думаешь, что я не разрезал ее на куски и не скормил свиньям?

Иван рассмеялся грубым жестоким смехом: — Хорошая еда получилась бы из нее...

Он бросил взгляд на Бадара, который взирал на него с ужасом.

— Признайся, что виноват! — закричал Иван.

Он повернулся к Гаруну, который держался рукой за свое рассеченное ухо и тихо скулил.

— Не виноват я, государь, — настаивал Гарун. — Наш брат Кассар был обвинен. Он один замышлял злодейство. Один! Один!

— Взять его! — закричал он стражникам, — покажите ему, что он получит за свою ложь. — Тотчас же два здоровенных мужика склонились над Гаруном и схватили его за руки. Валериан ступил вперед и сорвал с него одежду.

— Нет! — закричал Гарун, когда мороз охватил его тело, — я замерзну насмерть. Будь милостив! Пощади.

— Тебе скоро будет очень жарко, — мстительно ухмыльнулся Валериан. Он подозвал своих помощников, которые схватили его и поволокли к костру. Они подвесили его на вертел так, словно он был зверем.

— А-а-а-а! — крик Гаруна прозвучал в воздухе. Он попытался встать и оторваться от вертела, но только получил новый удар хлыстом, это вызвало новый приступ агонии.

Иван холодно взирал на него. — Осторожно, он не должен потерять сознание.

— Как пожелаешь, государь, — сказал Валериан. Иван подал знак своему помощнику прекратить истязание и снять его с вертела.

— Этой свинье нужно помыться, — сказал им Иван. Он повернулся к реке, которая была в двух шагах от них, — это вернет ему дар речи.

Мужики потащили Гаруна к реке и окунули его в ледяную воду.

Только еще один крик сорвался с губ этого человека. На короткое время он вынырнул и затем исчез в бездне реки.

Иван двинулся к Бадару. Второй брат Гитарай лежал неподвижно в снегу.

— Похоже, он мертв, государь, — заметил Валериан. Он ткнул сапогом в грудь лежащего человека.

— Проклятие! Какого дьявола ты дал ему умереть, не помучив его? — Иван в гневе повернулся к палачу.

— Государь, мы были так заняты с другим, — губы Валериана нервно подергивались. — Бросить его в реку?

— Нет. Повесить его на вертел. Хочу видеть его горящим.

Двое сняли с него одежду. Брат Тамары был сложен, как бог: у него были широкие плечи, его торс имел хорошо развитые мышцы, его ноги были мускулисты и прекрасной формы.

— Жаль, что его намерения были дурны, — проговорил Иван. — Он был бы превосходным стрельцом.

Но в то время, как мужики начали поднимать его, Бадар неожиданно вернулся к жизни, прося пощады в ожидании новых пыток. — Только не на огонь, государь, умоляю! — кричал он диким голосом, — бросьте меня в воду! Мне лучше утонуть.

— Так! Ты претворялся мертвым! — крикнул Иван. Его губы исказила улыбка удовлетворения. — Все равно тебе не избежать наказания. — Пытка продолжалась... Удовлетворившись тем, что Анастасия была отмщена, Иван тронул коня и кликнул охранников. — Я должен ехать. Поддерживайте огонь для приготовления свадебного яства.

* * *

В подвале неприметного дома в Белом Городе новообращенная преклонила колени перед перевернутым крестом. Она была одета в черную сатиновую накидку, рыжие волосы спускались на плечи, как языки пламени.

— Ты обещаешь любить Его и служить Ему до конца своих дней? — спросил худой старый священник.

— Да, — ответила она, часто дыша. Ее прекрасное лицо выдавало всю глубину чувств, ее светлые зеленые глаза смотрели с обожанием. — Обещаю.

Священник опустил два перстня в чашу с красным вином и смочил их. Он очертил красную звезду на ее лбу: — Я благословляю тебя кровью. — Сатана принимает тебя в свои объятия.

Новообращенная улыбнулась.

— Я буду совершать только дьявольские дела и никаких других, — сказала она тихо.

Она взяла чашу из рук священника и спокойно выпила содержимое.

— Мы едины, — сказала она с удовлетворением, когда передавала чашу назад, — я антихрист.

Оставаясь невидимым другими, Михаил Глинский прикрыл глаза. Он не предполагал в девушке такой покорности. Он повернулся к своей матери, которая вместе с его братом Юрием, стояла рядом и спросил тихим шепотом: — Почему должна она принять нас с открытым сердцем?

— Она одна из тех, кто мыслит, как мы, — прошептала в ответ Анна Глинская. — Княжна Василиса Скурлатова послужит нам во спасение.

В соборе было душно от густого запаха горящего ладана. Сотни мерцающих свечей отбрасывали тени на позолоту настенных икон.

Анастасия и Иван стояли на коленях перед Митрополитом, держась за руки и опустив глаза. Ивану поднесли для поцелуя тяжелую корону, украшенную драгоценными камнями, и возложили на голову.

«Не привиделось ли мне это во сне?» — спрашивала себя Анастасия, когда к ее лицу поднесли ее корону, тоже тяжелую от драгоценных камней. Она приложилась к ней губами, затаив дыхание. Все это обессилило ее, но она знала что вскоре станет женой Ивана, царицей Руси, и это придало ей силы.

Она нежно, с любовью сжала руку Ивана, это ее успокоило. Она взглянула на него, он повернул голову, понял ее и улыбнулся. Сердце Анастасии блаженно забилось — он был ее, действительно ее.

Когда они вышли из собора, сотни нищих потянулись к ним, прося милостыни.

«За что бог послал мне такое счастье, когда кругом столько босых и нищих?» — подумала она, когда Иван вел ее за руку сквозь толпу, бросающую зерно в Кремлевские палаты.

В трапезной все было приготовлено к свадебному пиру.

Анастасия застыла на мгновение, ослепленная царской роскошью убранства, блеском золота и драгоценностей одежд бояр. Она выглядела почти незаметной в своем шелковом подвенечном летнике, расшитом по вороту тремя нитками алмазов, с надетой на голову небольшой алмазной короной.

— Что, родная? — спросил Иван, заметив ее замешательство.

— Я... все это так величественно. Я никогда не видела так много богатства.

— Ты будешь всю жизнь жить в этом богатстве, — молвил Иван с нежной улыбкой. — Не забывай, отныне ты царица.

Анастасия затаила дыхание, как бы пытаясь остановить время, всем сердцем понять слова царя, и счастливо улыбнулась.

Иван повел ее к почетным местам во главе одного из длинных столов. Столы ломились от разных яств из мяса, рыбы и птицы, разложенной на золотых блюдах.

Когда был произнесен тост и выпито красное вино, бокалы были брошены оземь. Анастасия откинулась на спинку кресла и после того, как звон ударяющихся бокалов разнесся по всей зале, залилась смехом.

Когда все расселись, слуги, одетые в одинаковые одежды, начали обносить гостей кушаньями.

Увидев лебедя в полном оперении в гнезде, которое лежало на подносе, Анастасия замерла в изумлении. — Не знаю даже с чего и начать, — шепнула она Ивану. — Все так вкусно.

Как только перед гостями появлялось новое блюдо, они наполняли кубки и осушали их.

— Они не подадут все первому царю? — спросила Анастасия и в ее голосе появилась нотка недовольства. Действительно, порядок церемонии явно не соблюдался.

— Вот наше кушанье, — отвечал Иван. С чувством облегчения Анастасия ждала, когда, наконец, перед ней поставят золотое блюдо. Но когда это произошло, она была изумлена. На блюде был всего лишь костлявый кусок жареного цыпленка.

— Иван! Посмотри, что они мне принесли. — Но ее глаза расширились, когда она увидела, что было на блюде царя. Там тоже лежал какой-то маленький кусочек. — Они что, думают, мы слишком возбуждены, чтобы есть? — спросила Анастасия. — Скажи им, чтобы сию минуту принесли гуся.

Посмотрев на нее, царь рассмеялся. — Боюсь, тебе придется подождать. Этот кусок цыпленка сигнал того, что нам пора удалиться.

— Что? Удалиться? До того, как мы поедим?

Анастасия вспомнила завтрак, что был уже давно, и пожалела, что не послушалась совета Марфы. Ее желудок был пуст.

— У нас будет свой обед, — прошептал Иван, сжимая ее руку и увлекая за собой. — А сейчас идем. У нас есть кое-что другое, о чем надо подумать. — Анастасия взглянула на него и поймала его взгляд, полный нетерпения. Сердце выскакивало из груди. Приближался момент, о котором она не переставала думать с того времени, как Иван надел ей на палец перстень. Но так скоро! Она надеялась, что будет свадебный пир, она ожидала, что слегка опьянеет от вина и веселья. Она хотела расслабиться, а не чувствовать себя, как сейчас, комком нервов.

— Наш обед будет похож на этот? — робко спросила она.

— Не совсем, — спокойно ответил Иван. — Он будет лучше. — Он положил руку ей на талию и притянул к себе.

Наблюдая за ними и улавливая обрывки фраз, Андрей Курбский помрачнел. В конце концов, Анастасия была здесь, — живая, окруженная почестями, счастливая. Она с трудом избежала страшной участи. уготованной ей братьями Гитарай. Если бы Иван и стрельцы не появились в татарском лагере, когда они... Андрею было тяжело вспоминать все, что случилось там. И он так беспомощен, чтобы действовать сейчас! Как часто он сожалел, что не смог тогда вызволить ее из того гнусного места. Но тогда было слишком рано. По сравнению с войском царя он был слаб. Попытаться предпринять что-либо тогда, означало для них обоих верную смерть.

Андрей подумал, как бы удивился царь, если бы узнал, как он завидует ему из-за этой женщины. Одетая в свадебное платье, с карими глазами, светившимися счастьем, Анастасия была прекрасна как никогда. Наша дружба закончилась бы в ту же секунду, если бы он смог узнать мои мысли, решил Андрей. Превозмогая чувство боли и желая выбросить все из головы, он принялся за еду.

«Я слишком расчувствовался», — подумал он и обратился к гостям: — Пора идти в свадебную опочивальню.

С криками одобрения гости повалили за Андреем; кто-то тащил огромный свадебный пирог, другие несли зажженные свечи. Все это сопровождалось непристойными шутками, заставлявшими невесту краснеть. Дверь свадебных покоев была завешена дорогими коврами. Вокруг огромной кровати стояли бочонки с пшеницей, рожью, ячменем и овсом.

— Что это на полу? — удивилась Анастасия. — Это спальня или амбар?

— Это плоды земли, они должны пробудить нашу плодовитость, — ответил Иван, весело усмехаясь.

Анастасии было совестно стоять здесь, перед брачным ложем в окружении хохочущих бояр. Ей хотелось остаться наедине с царем. Но народу в спальне прибавлялось. Она увидела матушку, ее окружили женщины.

— Иди, — ободряюще сказал Иван, — мать поможет тебе приготовиться и скоро мы останемся одни. — Он проводил ее взглядом.

Мария обняла и расцеловала дочь: — Ты удостоилась сегодня великой чести. Твой отец был бы горд за тебя, — сказала она с любящей улыбкой.

— Я боюсь, мама, — сказала Анастасия.

— Скоро ко всему привыкнешь, — сказала Мария.

Она взяла шелковую рубашку для брачной ночи из рук тетки Катерины и поторопила Анастасию: — Мы поможем тебе одется.

Анастасия воскликнула: — Не перед всеми же, матушка, — и посмотрела в сторону Ивана, окруженного друзьями и родственниками.

— Доченька, таков обычай: мы должны подготовить тебя к брачной ночи; повернись, чтобы Катерина сняла с тебя подвенечный наряд, — в голосе Марии послышались властные нотки.

Анастасия покорно повернулась и почувствовала, как пальцы тетушки расстегивали пуговицы, и стояла прямо, пока подвенечный летник не заскользил по ее плечам.

— Я не могу стоять в рубашке перед мужчинами, — зашептала Анастасия, когда ее платье упало на пол. Женщины сомкнулись вокруг нее, чтобы защитить от нескромных взглядов.

С помощью Катерины облик Анастасии совершенно преобразился. Матушка распустила ей волосы, которые так старательно укладывала перед венчанием. — Быстрее, Катерина, гребень! — командовала мать.

— Теперь ты готова, — Мария отступила назад, разглядывая дочь. Чувство восхищения перемежались у нее с печалью: неужели это ее дитя, ее Анастасия, которой нет еще шестнадцати лет, и это ее они только что одели для брачной ночи? Да еще с царем Руси? Это был великий и, возможно, опасный шаг. Она уже не сможет так опекать свою дочь в ее новой, блестящей жизни. Она выпрямилась и нашла глазами своего деверя, который стоял в кругу мужчин, окружавших царя. Григорий понял ее взгляд и стал раздвигать толпу: — Дорогу невесте! Дорогу царице всея Руси!

Все обратили взоры к царю и царице. Иван, одетый в дорогой свадебный наряд, выглядел молодо и влюбленно. Анастасия была в длинной, до пола, шелковой рубашке, ее темные волосы были распущены по плечам и спине. Глаза у обоих были закрыты.

Андрей затаил дыхание. Это был слишком интимный момент для посторонних. А Анастасия дрожала и испытывала неведомые ей дотоле чувства.

— Пойдемте, — сказал он гостям, стоящим позади, — давайте продолжим нашу трапезу. — Он двинулся к огромной позолоченной двери.

— Да, — закричал, соглашаясь, Григорий Захарьин-Кошкин. — Давайте оставим молодых в покое! — И он

4 · 139

повлек всех к выходу. Сам несколько задержался, обратясь к молодым: — Государь, я желаю тебе столько детей, сколько зерен в мешке. — Остальные присоединились к пожеланиям словами одобрения. Но Иван и Анастасия, казалось, ничего не слышали. Григорий быстро вышел, затворив за собой дверь.

Иван посмотрел на Анастасию. Она была похожа на пташку, которая вдруг испугалась и не знала, оставаться ей или улетать.

— Тебе хорошо? — мягко спросил он. Она кивнула. — Дай мне руку. — Медленно она подняла свою маленькую белую ручку и сделала несколько шагов к нему. Она не сводила с него своих огромных глаз.

Он спросил: — Ты боишься?

— Чуть-чуть.

Она почувствовала его руку совсем рядом со своей и успокоилась.

Иван улыбнулся и попытался сказать что-нибудь, чтобы преодолеть ее смущение. Он зачерпнул горсть зерен и поднес к ней: — Нелепый обычай?

— Может, не такой уж нелепый, — сказала Анастасия.

— Ты суеверна? — спросил Иван, мерцая глазами. — Ты веришь в бабушкины сказки?

— Нет, но это же обычай.

Иван посмотрел на нее: она не боялась говорить то, что думает. Эта черта поразила Ивана еще при первой их встрече.

— Наверное, так, — согласился он, улыбнувшись. — Да, вот повторим этот обычай снова. — Он положил руки ей на плечи и притянул к себе.

Анастасия закрыла глаза, когда ее коснулись его губы. Поцелуй был горячий и уверенный. Она обняла его за шею, прилаживаясь к высокому худому телу. Поцелуй был все более настойчивым, она почувствовала его язык, который разжал ей губы. Мелкая дрожь возбуждения пробежала по телу.

Она чувствовала его сильное объятие, чувствовала, как его рука скользнула вниз по спине. Все ее тело затрепетало. Ей захотелось, чтобы на ней не было шелковой рубашки, которая мешала ей чувствовать его горячие руки на своем теле.

Должно быть, я бесстыдна, подумала она. Мне нравится то, что он делает со мной! Она почувствовала, как он приподнял ее, понес и опустил на постель. Губы Ивана оставались с ней, он покрывал поцелуями ее глаза и щеки.

— Ты так хороша, — прошептал он, поглаживая ее волосы, и на ощупь стал снимать с нее рубашку, — я так люблю тебя!

— Я тебя люблю, — сказала Анастасия с придыханием. Она не могла насытиться его поцелуями, его близостью, всем существом своим откликаясь на его ласки. Он снял с нее одежду. Ее тело было прекрасно. Ее розовые соски, покрытое нежным пушком лоно будили в нем неистовое желание. Но вдруг он с силой оттолкнул ее и его лицо исказилось.

— Иван, что такое? Что-нибудь не так?

Она застыдилась своей наготы и скользнула под покрывало. Протянула к нему руки, но он одвинулся от нее.

— Иван, скажи мне! — ее огромные глаза наполнились слезами.

— Ничего, — сказал он, — хочу испить вина. — Он поднес к губам чарку и наполовину осушил ее.

Анастасия взглянула на него: — Я сделала что-то не так? Я разгневала тебя?

— Нет. — Он допил вино.

— Но ты расстроен. Скажи мне, что с тобой?

Он чувствовал слабость, в нем все перевернулось. Как он мог бы объяснить это? Он любил ее. Она была его Анастасией. Он выбрал ее среди других.

Даже не взглянув на нее, он пододвинул к ней поднос с едой.

— Ты, должно быть, голодна? — предположил он. — Поешь!

— Я не хочу есть. Я хочу быть с тобой, Иван!.. — ее голос прерывался истерическими вздохами, слезы катились по щекам. Он поднял с пола ее рубашку и подал ей: — Вот надень. Тебе будет удобнее. — Превозмогая себя, он наклонился и поцеловал ее в лоб: — Увидимся завтра.

— Куда ты идешь? Иван, не покидай меня в первую ночь!

— Анастасия... — он сделал шаг к ней, остановился и отвернулся: — Прости меня.

И быстро вышел из опочивальни, чтобы она не видела слез, блеснувших в его глазах.

* * *

В подвале для преступников, обвиняемых в заговоре против царя, было жарко и воняло гниющими человеческими телами. Стены были покрыты зеленой слизью, вдоль них уверенно шмыгали крысы размером с новорожденного, не чувствуя опасности от обессиленных, наполовину мертвых узников. Тамара Гитарай лежала на

куче гнилой соломы, укрывшись тонким шерстяным одеялом. Ее прекрасное лицо было грязным и нездорово бледным, волосы спутались и посерели. «Он должен был убить меня», — думала она. В ее черных глазах отразились все унижения и насмешки, которым она подверглась с момента, как ее взяли в плен. «Я не вынесу этого, я хочу умереть, как умерли Кассар, Бадар и Гарун».

Вспомнив еще раз, какой ужасной смертью умерли ее братья, она почувствовала дурноту.

Бадар и Гарун были зажарены заживо и выброшены в ледяную воду Москвы-реки. Кассару досталась более легкая смерть — он был убит кинжалом Ивана, с некоторой завистью подумала она.

«Должно быть, это моя вина», — подумала она. Когда Иван выбрал в жены Анастасию, он уже был близок с ней, Тамарой. Можно понять ее братьев, которые отомстили за оскорбление сестры.

В это время, с грустью думала она, молодые одни в спальных покоях. Свадебный пир завершался. Тамару передернуло, когда она представила большие руки Ивана на обнаженном теле Анастасии. Может ли русская корова знать, как дать ему наслаждение? Сумеет ли она заставить его содрогаться в исступлении и стонать от наслаждения?

Ее губы искривились в иронической улыбке.

Видимо, Анастасия нужна Ивану как племенная кобыла — чтобы родить наследника.

Она вздохнула, дрожа от холода.

Если бы только он не увидел ее на дороге в тот день!

Это было безумие — забыть о безопасности и покинуть Москву. Но, говорила она себе, она должна была попытаться предостеречь Кассара. Мать сообщила ей, что Иван послал стрельцов на поиски Анастасии. Если бы ей удалось добраться до Кассара вовремя, ее братья были бы живы. Русская корова умерла бы или была взята в рабство, и она, Тамара, могла бы стать единственной любовью Ивана.

Тут она услышала скрип открывающейся двери. Видимо, это был охранник. Принес ли он еду? Или он пришел сказать, что пробил ее час? Она закрыла глаза и не шевелилась, когда повернулся ключ в тяжелой железной двери. Может быть, он подумает, что я умерла или оставит меня здесь действительно умирать.

— Вставай, девушка! — крикнул он. — Иди со мной. — Она взглянула на него загоревшимися глазами: — Куда ты берешь меня?

— Я знаю не больше тебя. Мне приказали привести тебя. Сейчас же.

Он схватил ее за руку и стащил с соломы. Вскрикнув от боли, она заставила себя выпрямиться и в бешенстве сверкнула глазами.

— Прочь руки, паршивая свинья! — кричала она, пытаясь освободиться.

Но охранник, крепко держа ее за талию, потащил из камеры через коридор, где другие заключенные плевали в нее и тянули руки сквозь прутья, пытаясь схватить ее.

Снаружи ее передали другому охраннику, который протащил ее вверх по трем пролетам ступеней. Там ее ждала женщина. Стражник ушел, и она приказала Тамаре:

— Сними одежду. — И когда Тамара заколебалась, сама сняла с нее грязную юбку, пропахшую запахами подвальной тюрьмы.

— Теперь это, — скомандовала она, указав большой покрасневшей рукой на Тамарину шелковую кофту. Тамара быстро сняла кофту, разулась. Когда она предстала перед ней обнаженная, почувствовала, как глаза женщины изучают ее. В ней зародился огонек надежды. Казалось невозможным, что ее станут убивать прямо здесь. Глубоко вздохнув, она выпрямилась, расправив плечи и гордо выпятив груди.

Она увидела короткую вспышку в глазах женщины, которая кивнула ей головой в направлении двери.

— Баня готова, — сказала женщина. — Иди и отмойся как следует.

Для чего же ее готовят? Это не могло быть казнью. Что же тогда? Дознание? Она упала духом при мысли о том, что ее ведут на пытку, но, вспомнив стражницу, приободрилась.

Она долго терла свое тело, вымыла волосы. Какое блаженство снова почувствовать себя человеком! Она не знала, что ждет ее впереди, но, помывшись, почувствовала как растет в ней сила и дух и готова была встретить все, что ей уготовлено. Ее тело разрумянилось, черные волосы покрывали спину блестящими мокрыми кольцами. Стражница окинула ее долгим взглядом и бросила ей тонкую белую накидку.

— Она готова? — спросил стражник, взирая на нее так, как будто это был кусок мяса. Женщина кивнула: — Да.

Он подошел к Тамаре, взял за запястье, но резкий голос женщины заставил его остановиться: — Нет! Не трогай ее. — И так как стражник удивленно повернулся к

женщине, она сказала просто: — Она последует за тобой без принуждения.

Тамара благодарно улыбнулась: — Как тебя зовут?

— Пелагея.

— Я запомню это.

Ей показалось, что из бани ее привели в покои тюремного надзирателя. Мебель в доме была простая и удобная: лавки, тяжелые столы, сундуки, потертые турецкие ковры. Охранник открыл дверь из гостиной в соседнюю комнату. — Подожди здесь, — остановил он ее, закрыл за ней дверь. Она услышала его удаляющиеся шаги.

Комната, в которой она оказалась, была опочивальней. Мерцали свечи, на стенах висели иконы, главное место занимала кровать с пологом.

Тамара осторожно и с любопытством огляделась. Почему ее привели сюда? Неужто сам надзиратель тюрьмы хотел ее любви? Она перебирала все это в уме. Разные мысли о том, что ей предстоит, заставили ее сердце учащенно биться. Прежде всего свобода!

Чистая одежда, чистое тело, мягкая постель. Пусть в тюрьме, но в особых условиях. Она похолодела от звука открывающейся двери. «Будь готова ко всему», — спокойно сказала она себе, — «ты не должна совершить ошибки».

Она повернулась, зная, что человек, которого она увидит, решит ее судьбу. Какой он — старый или молодой, толстый или худой, добрый или жестокий? Это было неважно.

Сначала она увидела сапоги из мягкого сафьяна, затем платье из дорогого черного бархата с золотой вышивкой спереди.

Посмотрев человеку прямо в лицо, она вскрикнула и открыла от изумления рот. Его глаза беспорядочно блуждали по ее телу; в них читалось дикое, болезненное вожделение. Сердце ее бешено заколотилось.

— Бог мой! — Она заставила себя оставаться на месте, дрожа в экстазе и слабея.

— Раздевайся! — Голос Ивана был жесткий и резкий.

Глава 11

В палатах Кремлевского дворца было душно. Анастасия сидела со своим рукоделием в руках и подолгу глядела в окно в сторону Белого Города. «Шесть месяцев», — думала она, не в силах подавить вздоха, — «уже полгода, как я избрана Иваном и покинула дом. Шесть месяцев я живу царицей. Не так и долго, но мне кажется, целую вечность». Она снова вздохнула. С момента замужества жизнь ее стала похожей на эту июньскую жару. Как же тосковала она по своей девичьей волюшке в Белом Городе, по долгим гуляньям в шумном городе, но милым сердцу подругам, по задушевным беседам с матушкой! Здесь, во дворце, она словно в заточении. «Женское место», — говорит Иван.

Конечно, он приходил к ней, милый Иван. На деле,он, как судачили тут, гораздо больше проводил времени с женой, чем занимался делами государственными. Но эти толки обычно сопровождались лукавым подмигиванием, означающим, что молодому царю более любо продлить «медовый месяц», нежели совещаться с думой и принимать заморских гостей. Анастасия думала, что бы сказали эти болтуны, знай они, что царь и царица проводят время в беседах о греческой истории. Она поняла, что Иван очень образован. Он знал несколько языков, в том числе греческий и латынь; мог свободно цитировать из Библии и учений святых отцов; был очень сведущ как в греческой, так и в римской истории, и чтил

любомудрие. Анастасия всеми силами старалась казаться внимательной, когда он читал ей из книг или обсуждал какие-то иностранные дела, в которых она ничего не понимала, но интуиция подчас подсказывала ей верные ответы.

С самой их первой ночи Иван не пытался больше подступиться к ней. Хотя он и приветствовал ее всегда нежными поцелуями и объятиями, но эти проявления чувств наводили ее на мысль, что своим замужеством она приобрела брата, а не супруга. Страстные поцелуи, по которым так тосковала Анастасия, оставались лишь ее грезами. Она не познала больше того возбуждения от прикосновения его рук к ее обнаженному телу, которое она помнила с того дня, когда он покинул ее в опочивальне. Иногда он проводил ночи в ее комнатах, но это — она уж знала! — делалось только для того, чтобы не поползли смачные слухи о «бесстрастной» женитьбе царя. Никто не знал, что он в одиночестве спит в своей половине.

Сплетни о царской наложнице коснулись ушей Анастасии, но она не стала выспрашивать об этом царя. Да и что бы она могла спросить? Когда он женился на ней, она думала, что она любима, но теперь начала уже сомневаться: не взял ли он в жены первую же девушку, не чувствуя любви... «И еще, — спрашивала себя Анастасия, — ежели я выбрана только для деторождения, как же это может быть? Как я могу понести от царя, если он даже не разделяет супружеское ложе?»

Она взглянула на свое рукоделие. Чудесный лен, по которому она вышивала, измялся и увлажнился от ее рук. Рисунок не отличался совершенством, некоторые стежки шли криво, да и цвета кое-где были не те. Она состроила гримаску: ей нужно все исправить и начать сызнова.

— Что с тобой, Настя, тебе не нравится? — Анастасия повернулась и взглянула в сторону, откуда прозвучал поддразнивающий голос. Княжна Воронова, сидящая в близ стоящем кресле, ободряюще смотрела на нее. — Я никогда еще не видела тебя такой печальной.

Анастасия ответила с полуулыбкой: — Я не знаю, что со мной, Ирина, — она отбросила работу в сторону и встала, чтобы подойти к большому окну, — я ничего не могу делать сегодня.

— Это все жара, — согласилась Ирина. — Может, ты прикажешь принести холодной воды?

— Верно. И немного холодной птицы. — Анастасия взяла колокольчик, бросив на подругу признательный взгляд. Единственным ее утешением сейчас было то, что Ирина выжила после страшного случая с медведем и осталась подле нее здесь, во дворце. Как-то она проведала о том, что Иван желал отправить ее к семье в Ростов, но

Анастасия проявила — и в этом многие усмотрели силу духа — твердость. Хотя девушка была обезображена и не могла двигать правой ногой, ей каким-то чудом удавалось всегда быть веселой, и Анастасия глубоко привязалась к ней. Она была островком теплоты в новом, беспокойном житье царицы. Анастасия дала ясно понять, что останется с ней во дворце до конца своих дней.

Ирина сложила свое рукоделие на столик и взяла в руки гусли. — Может поучиться музыке, пока ждем? — предложила она, легко пробежавшись пальцами по струнам. — Так быстрее скоротаем время.

Анастасия кивнула и взяла свой инструмент. Она еще не очень хорошо умела играть, но Ирина была терпеливым учителем, к тому же она сама наслаждалась игрой и пела веселые народные песни.

— Подожди! — воскликнула она, снова взглянув в окно, где ее внимание привлекло что-то необычное там внизу, на площади. — Что-то там происходит. Люди бегут... Что-то случилось.

— Наверное, поймали вора. — сказала Ирина. С тех пор, как для неё стало невозможным гулять, она довольствовалась только наблюдениями подруги.

— Нет... Это — что-то другое. Ох, Ирина! — Анастасия взволнованно задышала и стояла, как прикованная, — это опять огонь!

За последние недели уже дважды огонь приближался к Москве. Недавно упал большой колокол с колокольни Кремля и разлетелся на куски. Кое-кто счел это несчастье за Божье наказание, посланное царю за его жестокое обращение с посланниками от города Пскова, которые жаловались ему на дурное правление наместника, князя Турунтая-Пронского. До Анастасии дошли толки о том, что-де Иван, взбешенный из-за того, что его прервали, приказал облить горячим вином их головы и свечкой поджечь им бороды. Хотя она не поверила этому, говорили, будто бы только потухшая вдруг свеча спасла их от верной смерти.

Второй огонь принес только незначительные разрушения, но город, построенный почти полностью из дерева, был особенно уязвим, и жители пребывали в тревоге.

Ирина с трудом опустилась в кресло и смотрела со своего места в просторной комнате. — Неужели? Это серьезно? — беспокойно спросила она.

— Я вижу дым. Он очень густой... и черный. — Анастасия закрыла глаза и ухватилась за тяжелое полотно штор... — Милостивый Боже, — молила она, — не дай случиться беде в моей семье в Белом Городе. — Кремль казался недоступным огню, но ведь деревянные дома в

Белом Городе были очень сухи. В тревоге она кликнула Марфу. Может, хоть дворня знает, что происходит.

Слуга Ивана, Борис, тихо постучал и скользнул в комнату; пролепетал робко новости и наказ царя. — Это на Арбате горит, — сказал он, прерывисто дыша после быстрого бега из царской половины к царице. — Воздвиженская церковь рухнула.

Анастасия вскрикнула. — Но нельзя ли унять пламя? — она бросила на Ирину полный отчаяния взгляд.

— Пытаются, государыня, но ветер больно силен. Он перебрасывает огонь с крыши на крышу...

— Где царь? — прервала Анастасия.

— Он готовится к переезду в Воробьево. Вы должны следовать туда же.

— Он боится за дворец?

Борис поспешно закивал: — Если огонь перекинется с Арбата, ничто не поможет. Только изменение ветра!

Анастасия оживилась: — Тогда не станем терять времени. Скажи царю, что мы будем готовы немедля.

Борис повернулся и был таков, разогнав прислугу Анастасии, собравшуюся у двери в панике, чтобы подслушать вести.

— Мы должны покинуть город, — сказала им Анастасия, пытаясь рассеять их страхи спокойно звучащим голосом. — Возьмите только самое необходимое и спешите в конюшни. Марфа, поди найди княжну Скурлатову и вели ей собрать мои драгоценности и княжны Вороновой. Я же поищу еще что-нибудь ценное.

Испуганные крики раздались во дворце — каждый хотел спастись.

В возке, направляющемся в подмосковный царский дворец, Анастасия и Ирина сговорились о помощи и поддержке. Хотя шторки были опущены, чтобы не проник дым, нависший над всем городом, как густая черная вуаль, Анастасия не удержалась и иногда выглядывала. Теперь огонь двигался к востоку, обе женщины могли слышать потрескивание дерева в пламени.

— Посмотри! Река! — Анастасия совсем отдернула занавеску и в ужасе смотрела, как сотни людей, рвавшихся на отмель реки, чтобы спастись, не могли спрятаться от него даже в воде. Красно-оранжевое пламя нападало на их одежду и обжигало их тела, если они не бежали.

— Господи! Да они изжарятся живьем! — крикнула Анастасия, когда царский возок уже проехал. Ирина быстро рванулась задернуть шторки, уговаривая Анастасию не выглядывать снова. Но ни шторки, ни топот лошади-

ных копыт не могли заглушить страшные крики мужчин, женщин и детей, очутившихся в этом аду.

Иван первым прибыл в Воробьевский дворец. Он был озабоченным и глубоко печальным, когда оставшаяся часть царского выезда проехала через железные ворота и потянулась по дороге ко дворцу. Анастасия выбежала из возка и очутилась в объятиях царя.

— Ох, Иван! Наш город! Наши люди! — она разрыдалась.

— Знаю, знаю, — бормотал он, приглаживал ее растрепавшиеся волосы, — но мы живы. Мы должны за это благодарить Бога.

Анастасия совладала с собой и бросила обеспокоенный взгляд на толпу людей, которая, ища спасения, бежала к горам. Старая Анна Глинская была там, тяжело опираясь на палку и, словно лаяла, — отдавала приказания слугам. Иванов брат Юрий и князь Курбский, и прочие... — Что с матушкой? — безнадежно спросила она. — И с дядей Григорием?

— С ними все хорошо. Я послал за ними возок. — Он мягко высвободил свою руку. — Иди в дом, Настя, отдохни. — Он нежно улыбнулся ей. — Твое лицо все в саже. Иди, умой лицо, тебе станет легче.

— Но как же пожар... Люди...

— Мы ничего не сможем сделать. Пожалуйста, Настя, иди.

Потрясенная Анастасия направилась ко дворцу. Но никто не знал покоя, и всю ночь горели свечи. Вскоре пришло известие, что в городе сгорело все.

Среди ночи обитатели Воробьевых гор были напуганы страшным взрывом, сотрясшим воздух: как потом донес гонец, огонь проник в арсенал.

Перед рассветом переменился ветер, пожар начал утихать. Москва представляла собой громадное раскаленное пепелище — все, что осталось от бушевавшего там ада. Анастасия стояла на террасе дворца, когда вдруг увидела молодого священника, спешившегося с лошади перед воротами. Когда она, предчувствуя что-то, сошла вниз, там уже стоял Иван, побледневший и печальный.

— Что случилось? — крикнула она, устремляясь к царю.

— С митрополитом Макарием случилась беда, — глаза Ивана как-то сразу потухли.

— Что же? — Она повернулась к священнику. — Скажите мне!

— Святой отец возносил молитвы во избавление града. Когда же он стал задыхаться от дыма, то взял икону Божьей матери и вышел из храма. Священник замолк.

— Что же дальше? — Анастасия затаила дыхание.

— Он шел по кремлевской стене к выходу, ведущему к реке...

— У того перехода нет ступеней, — глухо сказал Иван, обращаясь к ней. — Только по веревке можно спуститься со стены. Настя... — царь обнял ее. — Веревка оборвалась, и он упал.

Анастасия вскрикнула. — Но он жив? — она схватилась за рукав Ивана, — скажи мне!

Ответил священник: — Да, государыня, только в беспамятстве. Его перенесли в Новоспасский монастырь. — Он тяжко вздохнул. — Все в руках Божиих.

Уже позже в своей опочивальне Анастасия в тоске вела счет потерям за эти дни. Город почти весь сгорел. Кремль пострадал, митрополит на смертном одре. — Самое худшее уже позади, — горестно думала она, когда ее укладывали на ночь, укрывая пропитанными дымом покрывалами. — Чего же еще бояться? Что еще можно ждать худого?

* * *

Княжна Василиса блуждала среди обожженных обломков Скурлатова дома, и ей казалось, что это дурной сон. На ее атласных щечках не было следов слез — только припухшие глаза предавали. Глаза, которые, бывало, переливались изумрудами, ныне были холодны, зловещи, когда она оглядывала почерневшие стены, все еще дымившиеся руины того, что прежде было пышным великолепием.

— Все пропало. Ничего не спасти, — бормотала она, отшвырнув сафьяновым сапожком осколки того, что некогда было заморской вазой редкой красоты.

— Слава Господу, у нас есть еще Матвеево, — сказал ей Лев. Он тоже был поражен горем от потери дома, но его утешало лишь то, что уцелело летнее владение.

— Не сравнится оно с тем, что было тут, — перебила Василиса. — Ах, почему не сгорело Матвеево?

— Что за забота тебе? Твое место ныне в царских палатах. Кремль отстроят, все будет по-прежнему.

«Почему должно быть все, как прежде, — горько думала Василиса, — пора бы уже и моей судьбе повернуться». — Известно ли тебе, кто виновник этой беды: милая Иванову сердцу царица, — громко сказала она.

— Потише, сестрица, — предостерег Лев. — Он скосился на дворовую девку Дарью, подбиравшую какие-то

бесполезные осколки с пола. Та и виду не подала, что услышала эти слова: еще усерднее стала подметать.

— Отчего же тише? — вскинулась Василиса. — Да каждому известно, что все зло исходит от Анастасии. Говорят, — она помолчала, глядя прямо на Дарью, — что она ведьма.

При слове ведьма девушка содрогнулась. Заметив это, Василиса решила довести задуманное до конца прежде, чем Лев остановит ее. — Это и раньше было видно. Как иначе могла такая, как она, стать царицей? Она приворожила Ивана и с помощью колдовства женила его на себе. И теперь удерживает своей Силой.

— Замолчи! Пустое это. Разговоры для черни. — Лев потемнел от гнева и испуга.

Но Василиса не унималась: у нее теперь была сообщница — любопытная служанка. — Говорят, все могилы разрыты, это все Анастасия и ее колдуны вырывают у мертвецов сердца, отмачивают их в вареве и потом, ночью, летают над городом, брызгая этим на крыши! Оттого и загорелся город, а огонь сей потушить нельзя.

— Довольно! — заорал Лев. Он занес руку, чтобы ударить сестру, но, раздумав, схватил ее за руку и зашипел в ухо: — Ты знаешь ли, какую беду накличешь на нас, коли дойдут твои слова до царя? Кончишь ты свою жизнь на колу!

Василиса потупила глаза и покорно ответила: — Я не должна была говорить так, хотя все правда. Прости меня.

Глаза ее выражали ангельскую кротость, но самодовольство так и распирало ей грудь. Ведь эта Дарья была молода и глупа, и уж наверное болтлива. Семя было брошено в хорошую почву.

* * *

В безмятежной тишине Новоспасского монастыря, в монашеской келье, слабый, но уже в сознании лежал митрополит Макарий. Голова его покоилась на двух плоских подушках.

— Прости, что не могу встретить тебя, как подобает, мне не подняться, — говорил он Ивану, приехавшему из Воробьева.

Иван махнул рукой, выслушав эти извинения. — Мне драгоценна твоя жизнь. — Он преклонил колени перед постелью и поцеловал митрополичью руку.

— Все сгорело, — проговорил Макарий безутешно.

— Я отстрою все заново — еще более красивой станет Москва, — Иван успокаивающе улыбнулся.

Старик кивнул. Но в его глубоко посаженных карих глазах стояла тревога: — Ведаешь ли ты, что говорят о пожаре?

Иван пожал плечами. — Говорят много. Крестьяне винят во всем ведьм. Ведьм! — Царь усмехнулся.

Митрополит вздохнул: — Слышал и я про то. Ох, беспокойно мне, как беспокойно...

— Брешут, — Иван фыркнул. — Ребенком, помню, услышал про шабаши да про ведьм. Бабку мою Анну обрядили в ведьмы. — Он рассмеялся: — А ведь порой гляну — и впрямь ведьма.

Макарий промолчал. — Не время для веселья, государь. Сдается мне, на кого-то близкого к тебе падет эта вина.

Иван сразу нахмурился, беспокойно спросил: — На кого?

Митрополит дотянулся слабой рукой до лба и перекрестился. — Больно мне говорить это, Иван.

— Говори, что бы это ни было. Кого винят в содеянии зла? Брата? Меня?

— Анастасию, жену твою.

Царь отпрянул от больного, словно его ударили. Его глаза бешено расширились и тут же яростно сузились: — Кто они? — руки его сжались в кулаки. — Кто эти смердящие псы? — Макарий безмолвствовал, а Иван шагнул к ложу, угрожающе склоняясь над ним: — Говори!

— Имен я не знаю, знаю только, о чем сказал. Но, Иван... — он с трудом взял руку Ивана в свои: — Не о том надлежит думать. Не ведьминых это рук дело, ясно.

— Клянусь Богом, я знаю, чьих это рук дело,— прошептал Иван. — Чернь более не сможет иметь доступ к огню.

— Но как же им готовить пищу? Как греться зимой?

— Пусть подохнут с голода и мороза. От них все зло, от них!

Старый митрополит закрыл глаза, словно не желая слышать сказанного. Когда он снова открыл их, осуждение читалось в его взоре: — Господь покарал уже тебя за твои богомерзкие мысли. Не продолжай же...

— Ты не повредился ли в уме после падения? — Гнев снова клокотал в Иване, лицо налилось кровью. — Я говорю с тобой о пожаре, а не о гневе Божьем.

— Это судь одно, — холодно ответил Макарий. — Ты совершаешь преступление перед Господом, живя, как ты живешь.

— Значит — грешен я? Который проводит часы, не подымаясь с колен еженощно? Я, взимающий дань на возведение соборов и храмов Божьих?

— Твоя жизнь — праздность и веселье. Ты проводишь дни в пирах, а дела решаешь на соколиной охоте.

Когда же надобно принимать заморских гостей — сидишь с женой!

— Мы повенчаны не так давно, — он теперь оправдывался, опасаясь, уж не знает ли Макарий про его ночи с Тамарой. — Что до гостей, я принял псковитян...

— ...полив их головы вином и хотел поджечь бороды. — Старик сказал с укоризной: — Иван, тебя уже зовут жестоким. Огонь, что погас тогда, с псковитянами, был знаком Божьим. Но ты не внял ему, и посему он наслал на нас другой, страшный огонь за твои грехи.

Царь, казалось, лишился дара речи. Неужто сказанное стариком — правда? Он знал за собой те дикие вспышки гнева, которые рождались где-то внутри него, когда ему перечили или, как ему мерещилось, надсмехались втайне. Он стыдился себя за псковитян и желал поскорее забыть. Но про то стало известно митрополиту. А что еще известно ему? Про слуг ли, которым вырвали языки за дерзкий ответ? Про мужика ли, пытанного на дыбе за неуплату долга? Про заподозренных в заговоре ли, которых бросили на растерзание голодным псам? Иван мнил себя свободным решать, как пожелает он, казнить, кого захочет он. Но этот пожар, опустошительный пожар... Неужто это знак? Будет ли ему воздаяние за все прегрешения, ежели он не обуздает своего безумия?..

Но в том-то и беда, что он не знал, как обуздать это безумие.

* * *

В мрачном, выгоревшем остове того, что до пожара было складом, ютились несчастные погорельцы. Крестьяне в грязных лохмотьях, оплакивающие своих родных и те убогие пожитки, которые сожрал равнодушный огонь; купцы, еще вчера процветавшие, стоявшие подбоченясь в торговых рядах — и теперь оставшиеся лишь с тем, что на них было; несколько женщин, причитавших в голос; балаганщики... Старые и молодые — с копотью на лицах, с тоской в глазах.

Все они собрались здесь, прослышав, будто имена виновников пожара уже известны, и что только они могут отомстить за это невиданное злодеяние. «Кто же это?» — спрашивали они друг у друга, а у самих на лицах — безнадежность и отчаяние. «Кто виновник?»

— Гнев это Божий, вот что я скажу, — тихо сказал один. — Господь прогневался на ленивых рабов своих. Вымаливать надо пощады для всех нас!

— Да я лоб себе уж разбила, молясь-то! — кликушествовала какая-то старуха. — Больше монаха всякого молюсь всю жизнь! А проку?

— Да что на Бога-то роптать? Али мало таких поджигателей сыщешь среди недовольных царскими поборами?

— Кто там недоволен царем? — громко выкрикнул один кузнец. — Да ежели каждому недовольному — по кремню, вся Русь-матушка задымится.

Дородный мужчина, стоявший чуть поодаль, молча наблюдавший и слышавший все с самого начала, кивал и щурил хитрые глаза. На нем был темный вышитый кафтан и эта невиданная здесь роскошь выделяла его из толпы. Когда споры разгорелись, он решился.

«Или пан, или пропал», — думал он, выходя вперед. Толпа несчастных, обездоленных людей замерла, увидев внезапно этого боярина.

— Слушайте меня! — голос его был сильным и властным. — Вы, которые кормите матушку-Русь! Вы, страдальцы, жертвы страшного бедствия! Кланяюсь вам в пояс.

Крестьяне, купцы, женщины, дети переглядывались, дивились таким чудным речам: кто он таков, откуда и чего ему надо?

— Я вижу ваши мытарства, — продолжал боярин, приободренный читаемым в глазах этой черни любопытством, — я тоже потерял дом. И кони, и богатство было у меня в Москве — ничего нет теперь. Осталось у меня еще кое-чего, но потеря московского моего имения сокрушило мне сердце. — Тут голос его зазвенел: — За что же мы, в нашей златокупольной матушке-Москве, торговом граде, претерпеваем такие муки? Ужель потому, что Господь Бог наслал на нас наказание? Наслушался я здесь всякого и очень тому опечалился.

Низкий ропот пробежал по толпе. «Правду говорит боярин-то, — поговаривали там, — не стал бы боженька так наказывать рабов своих!»

— Ужель ослепли, что не видите — это дело рук тех, кто идет супротив Бога, кто продал душу извечному врагу его — сатане!

Ошеломленная толпа разразилась криками, шумом, воплями женщин.

— Это точно — сатана! — вскрикнул толстый краснолицый крестьянин. — А ведьмы его сатанинское зелье из человечьих костей лили на наши крыши!

Боярин усмехнулся себе в бороду. А ведь верно то, что он слышал: чернь верила в ведьм! — Это правда! — торжественно крикнул он. — Сатанинские пособники среди нас, но тот пожар — только одно из их подлых деяний!

— Но кто же они? — продолжал он после того, как улегся новый шквал воплей. — Как имена их?

— Да, боярин, скажи нам! Имена! — Волнение дошло до предела: еще недавно поникшие головой скитальцы теперь до исступления кричали. Поодаль стоявший Андрей Курбский переглянулся со своими спутниками, и от них не укрылся огонек, вспыхнувший в его глазах: Захарьин-Кошкин славно разошелся!

«Что ж, зерно брошено», — сказал он себе, и чувство, похожее на радость, охватило его. Осталось еще одно. Это было дерзко, но не слишком опасно для него. Толпа алчет вестей, она на его стороне. И н а е е...

— Пресечем же зло! — бросил он в толпу на помощь Григорию. — Накажем тех, кто сгубил наш кров, наших родичей! А имена их... — он перевел дыхание, — княгиня Анна Глинская и ее сыновья, Михаил и Юрий!

Можно было подумать, что пришел конец света — такое началось с толпой! Темные слухи долго, многие годы, бродили там и здесь, что Глинские якшаются с сатаной, что и власть они забрали через это; втихомолку шептались о шабашах ведьм, где едят добрых христиан; находились даже такие, кто, якобы, сам видел царскую бабку, которая летала на помеле над Москвой и непристойно извивалась.

— Смерть им! — бушевала толпа. — Порешим их, пока они не содеяли нового зла!

— Где они? — кричали одни. — Кремль-то сгорел.

— В Воробьево, — поведал им Григорий. — Вдоволь пьют и едят, пока вы ищете черствую корку хлеба!

— Порешить их! — почти хором ответила на это толпа. — Надо торопиться! На Воробьево! На Воробьево!

Григорий Захарьин-Кошкин умиротворенно кивал. Что ж, не так трудно оказалось подогреть эту чернь сказками про ведьм. Он скрылся в толпе, никем не узнанный,— он был уверен в этом. Зато теперь он и его племянница спасены: Глинским несдобровать. Пока они живы — ходить Захарьиным-Кошкиным под судьбой. Он презрительно скривился: пока они живы...

Он уже отъехал на лошади от того места, когда вниманием толпы завладел другой человек. На сей раз это была женщина в домотканном полинялом платье. Она была скорее костлявой, чем просто худой, клочья темных с проседью волос выбились из-под платка на голове. Она была востроноса и косила глазами.

— Стойте! — голос ее был хотя и решительный, но визгливый. — Боярин сказал нам не все, есть еще кое-что.

— Если ты за Глинских, пошла отсюда прочь! — послышались выкрики. — Не желаем больше слушать, пора и за дело!

— Я не за Глинских! То верно, что они колдуны. Но на них свет клином не сошелся. Не казнить же одних Глинских!

Все внезапно притихли. Что, Глинские не одни? О ком она говорит?

— Тогда говори! Кто еще предался сатане?

Вместо ответа женщина поманила кого-то, стоявшего рядом. Поначалу между этими двумя вышла какая-то размолвка, и тот, второй, вроде, не желал выходить. Но вот наконец все увидели, как к женщине робко и боязливо подошла девушка.

Подталкивая ее вперед, женщина сказала: — Это моя дочь Дарья. Она скажет, что она слышала от своей боярыни.

— Ну, кто же? Сам царь? — грубое гоготанье раздалось в толпе.

— Ну, говори же, дура, — щипнула ее мать.

Но Дарья, ошалелая от одного вида этого громадного, страшного сборища, безмолвствовала.

— Скажи им правду, нам всем дорога своя шкура!

Только сейчас девушка отважилась поднять голову, глаза ее бегали, как у загнанного охотником оленя. Толпа затихла и подалась к ней, ожидая, что она скажет.

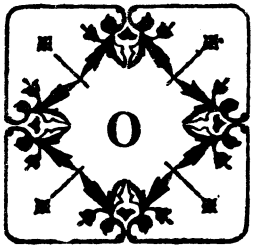
— Они говорили...

— Громче! — крикнули в глубине.

Дарья перевела дух, сжала руки: — Боярыня говорила, что вина на царице — Анастасии Романовне!

И Курбский с товарищами, и Григорий Захарьин-Кошкин были уже слишком далеко, чтобы услышать вой проклятий, сотрясший ночь.

Глава 12



ни пришли на следующее утро, неся перед собой изображения святых и вооруженные — кто ножами и колами, кто топорами, а кто и просто камнями. Когда они, горящие местью и злобой на Глинских, вырвались из города, новые и новые мятежники влились в этот поток, и к тому времени, как они достигли Воробьева, их было уже две тысячи.

Анастасия услышала их, когда Ирина Воронова и Василиса Скурлатова сидели и слушали ее, читавшую им вслух: незадолго до этого Анастасия взяла несколько книг, любимых Иваном, чтобы потом беседовать с ним обо всем, что она прочтет в них. И хотя занятие это оказалось скучным, читать с подругами было куда приятнее, чем одной.

Княжна Скурлатова с вниманием слушала об истории Византии. Время, когда она нелегко вживалась в роль царициной подруги, прошло. Бывало, она приходила в ярость, когда требовалось прислуживать Анастасии или беседовать часами с ней — с этой низкородной женой Ивана. Но затем ей даже начало нравиться дворцовое житье.

Душой же она отдыхала только с наступлением ночи, когда происходили шабаши с дикими танцами и весельем, кончавшиеся неудержимыми оргиями, где участвовали все, кто хотел.

Василиса знала, что ее друзьям хотелось через нее отстранить Анастасию от Ивана, и хотя причины у них были другие, ей нужно было добиться того же самого. Достичь этого во что бы то ни стало, а уж потом, когда все свершится... Тогда, возможно, ей и понадобится поддержка Анны Глинской. Все время думая об этом, Василиса перестала даже скучать на этих ежедневных чтениях. Ей, как и Анастасии, хотелось любым способом привлечь царя. Если уж оказалось, что ее красивые глаза здесь не всесильны, надо было испробовать ум.

Княжна Ирина слушала, склонясь над рукоделием. Ее мало трогала история, а просто хотелось быть с Анастасией, ободряя ее в желании узнать новое. Она рассеянно внимала чтице, снова и снова вспоминая об ужасном пожаре и о разрушениях, когда вдруг услышала шум у ворот. Анастасия перестала читать и взглянула на нее.

— Ты слышишь, Ирина?

Княжна кивнула: — Да, как будто приближается большая толпа.

Василиса вскочила с кресла и подошла к окну. — Неужто бунт? — воскликнула она, глядя на собравшуюся внизу оборванную толпу. — И лица у них очень злы.

— Отойди скорее от окна, — сказала Анастасия, — царю скажут, что им нужно, и он решит, что делать.

— Но они не желают видеть царя, — ответила Василиса, прислушиваясь к выкрикам внизу, — похоже, кричат: Глинскую!»

Анастасия нахмурилась. — Бабку Ивана? — переспросила она, — что им надо от нее? Но она и князь Михайло уехали вчера в Ржев.

— Теперь князь Курбский вышел говорить с ними, — продолжала свои наблюдения Василиса. — Но, похоже, им не нравятся его речи.

Анастасия поднялась: — Позвать бы кого, чтобы рассказали, что там происходит.

— Но если нам грозит опасность... — возразила Ирина.

— Нам ничего не грозит рядом с царем. — Анастасия унеслась мыслями в то недавнее прошлое, когда Иван спас ее от татар... А потом вспомнила пожар... Да, конечно же, царь защитит их всех.

На зов прибежала перепуганная насмерть Марфа. — Ох, государыня! — запричитала она, дрожащей рукой показывая на окно, возле которого все еще стояла Василиса. — Вся чернь собралась, кричат так страшно, — она, казалось, боялась отойти от двери.

— Знаешь ли ты — чего они хотят? Княжна Скурлатова слышала, вроде как кричали Глинскую.

— Да, да, матушка, ее им надобно, ее и сыновей. Князюшко-то Курбский вышел ужо к ним, дескать нету их, а они не верят, хотят сами искать — идти во дворец...

Анастасия встревожилась: — Но почему — их? Что они сделали? Это, это говори!

Марфа перекрестилась, перевела дух и начала: — Говорят, будто это они причиной пожара, будто колдуют они, вот оттого и страдание людям. — Она замолчала и уставилась на царицу с таким ужасом, словно та и была сатаной. Василиса, смертельно побледнев, повернулась к ним спиной.

— Колдовство? Бабка?.. И Михаил с Юрием? — Анастасия обомлела. – Да что за сказки?

Марфа открыла было рот, но дверь распахнулась, едва не зашибив ее, и вошел Иван. — Настя, идем, — голос его был суров. — Опасно здесь тебе.

— Иван! — она подбежала и сжала его руку. — Что же, Иван? Да неужто они сюда ворвутся?

— Нет, что ты, Господь с тобой — на то и стража. Но я за тебя боюсь — а вдруг...

— Но что я им, ведь требуют Глинских...

— Идем же, позже я скажу тебе.

— А Ирина, Василиса?..

— Останутся.

Уже сидя в потайном подземелье дворца, она все узнала. Не только Глинских требовала выдать разъяренная чернь: ее, саму Анастасию, обвинил народ.

* * *

Князь Андрей Курбский шел в свои покои, отослав слуг за вином. Он только что наблюдал, как казнили самых буйных мятежников, но даже ужасный вид обезглавленных тел не мог развеять смертельной тоски, сжавшей его сердце. Он был поражен не тем, что обнаглевшая чернь ворвалась сюда, в Воробьево, но тем, что осмелились обвинить е е, поставив е е имя рядом с Глинскими! Немыслимо, безумно. Нет этому оправдания.

Чувство Андрея не было поколеблено даже тем, что вот уже шесть месяцев Анастасия была женой Ивана. Все в ней глубоко волновало князя, и хотя это могло быть истолковано как предательство, когда дело касалось царя, но Курбский не мог уже совладать с собой — он навечно полюбил Анастасию. Быть все это время близко от нее стало для князя мукой. Ее улыбка, смех, нечаянные прикосновения к его руке повергали его в безумный водово-

рот желания и отчаяния. Потому что кому, как не ему, было знать: вся ее красота принадлежит одному Ивану. Только для Ивана жила она, и все, кто имел глаза, видели это. На пиру, во дворце или в соборе — только на одного лишь Ивана всегда обращены были ее глаза, одному ему нежно улыбалась она...

Но порой Андрею казалось, что она несчастлива. Улыбались губы, но в глазах стоял затравленный взгляд. Когда ей казалось, что никто не видит ее, Андрей замечал, как делалось печальным ее лицо, словно какой-то камень давил ей сердце, и только она одна могла вынести это. Но что это могло быть? И уж не Иван ли был тому причиной?

Андрей сжал зубы. Если только он узнает, что Иван терзает ее... Одна мысль о том, что сильные руки Ивана истязают это нежное бледное создание, доводила его до безумия. Господи! Если он увидит хоть одно доказательство этому, он... убьет Ивана!

Но в душе он отвергал эту ужасную мысль. Царь не делился с ним, но и так по всему было видно, что он любит свою жену: сколько заботы и тревоги в его глазах, смотрящих на нее! Правда, всем известно, что у него есть любовница, и что он ездит к ней каждую ночь...

При мысли о Тамаре Андрея передернуло. Он мог еще понять, что Иван якшался с нею по молодости. Она, конечно, красива, и в ней такой же дикий нрав, что и у Ивана. И уж, наверное, об одной только ночи с ней мечтал бы каждый сладострастник. Но с тех пор, как Анастасия стала его женой, чего еще бы ему желать? Да и как можно сравнивать Анастасию с ней?!

Андрей снова наполнил кубок и, выпив его до дна, откинулся на спинку кресла. Да как он может так думать о царе? Какое дело ему, Курбскому? Анастасии же и вовсе невдомек, что он страдает по ней. Встретив его — улыбнется, кивнет — вот и все. Как с прочими другими, обращается с ним. А тогда, в татарском шатре, где он нашел ее, она даже не узнала его!

Как вспомнишь, так содрогнешься. Князь снова выпил. Он тогда в одно мгновение признал в той перемазанной чем-то темным — чтоб казалась смуглой — девушке, одетой в какие-то лохмотья, Анастасию. Ее глаза, чудные глаза! Их нельзя было замаскировать. Ее сильно напугали, во взгляде блуждало отчаяние. Его сердце тогда едва не разорвалось, когда он представил, сколько ей пришлось пережить среди этих варваров!

Когда пришла весть о похищении, Андрей едва не лишился разума, как и сам Иван. Князь, не теряя ни ми-

нуты, собрав стрельцов, обскакал всю Москву вдоль и поперек, врываясь в дома, лавки, кабаки; все были опрошены — и крестьяне и бояре. Никому не пришла в голову мысль о татарах, покуда царю не донесли, что на окраине Москвы, возле какой-то хижины, найден полузамерзший человек, лепетавший что-то о похищении и об убийстве. Тогда они едва не загнали коней, скача в татарский стан. Все поплатились за содеянное: все мужчины были заколоты, а братьев Гитарай захватили, чтобы казнить их позже более изощренно.

Братья Гитарай... Одно только их участие в этом грязном деле должно было оттолкнуть Ивана от связи с Тамарой. Не было сомнений у князя, что заговор этот — дело рук этой девки, возмечтавшей в своем безумии о троне, которого ей было не видать, как своих ушей. Никогда Иван не пойдет на это. Но что было совсем непонятно князю — почему царь все еще виделся с ней. Мерзость какая.

Андрей вскочил и стал мерить комнату шагами. Он должен отогнать от себя даже саму мысль об Анастасии, это не принесет ему добра, а она останется навсегда лишь нежной грезой. «Женюсь. Должна же быть и у меня жена», — упрямо убеждал он себя. — «Пусть сердце мое принадлежит другой, но в моем доме будет тепло, будут сыновья. Род мой не умрет, и будет мне утешение в старости». Он провел рукой по лбу, вспоминая: недавно Юрий, Иванов младший брат, объявил, что желает жениться, так что вскоре будет новый смотр невест. Может статься, найдется и для него там девица, которая не подойдет слабоумному Юрию?..

* * *

В своих роскошных покоях Тамара втирала экзотические масла в свою смуглую кожу, затем подушила черные волосы жасминовым благовонием.

В ее доме, этом приюте любви, ничто не свидетельствовало о том бедствии, которое обрушилось на всех. Ни запаха дыма, ни следов пепла на полу. Разве что самый придирчивый нос мог почуять запах лампад, горящих здесь днем и ночью с того момента, как разгорелся пожар.

Он придет сегодня, она это знала, пожар угас, царская семья в полном здравии и безопасности в Воробьево, мятежники казнены и разогнаны. Царица, наверное, как обычно, сидит за рукоделием.

Тамара взглянула в зеркало: что ж, после всех ее злоключений в темнице тело ее не пострадало. Напротив,

она пополнела и от этого стала даже соблазнительней. Губы изогнулись в довольной улыбке: какое счастье, что она обладает таким ослепительным телом! Она обернула вокруг себя бледно-голубой кисейный шарф.

Но было одно, что несколько настораживало Тамару. Не все осталось по-прежнему, когда она покинула темницу. Прежде они с Иваном держались, как равные — почти друзья, они подолгу беседовали, и он изливал ей свои печали и радости. Теперь же Иван словно с цепи сорвался — только и утешал свою плоть. Он, едва перемолвившись с ней словом, тут же срывал с себя одежды, бросал их на пол возле ложа. И ее заставлял делать то же, а иногда и силой разоблачал ее от покровов. А затем, быстро насытившись, вдруг уходил, не простившись.

Она ни словом не обмолвилась. Ни разу. Да и могла ли она? Если бы она не была нужна Ивану, служа сосудом для утоления его похоти, то что бы стало с ней? Все лучше, чем заживо гнить в сыром подземелье или умереть в страшных муках, как ее родные братья.

Тамара возненавидела царя за дикую жестокость расправы с ними. Ненависть порой так закипала в ней, что ее искушала страшная мысль: а не отравить ли его, когда опять придет к ней... Но она тут же останавливала себя, ведь сама она жива, пока жив Иван. Нет, уж лучше она станет терпеть, заботясь, чтобы ее тело оставалось желанным для него всегда. Теперь ей стали известны снадобья, которые, как говорили ведуньи, снабдившие ее, могут зажечь любовью, ежели их втирать в определенные части тела или окуривать их... У нее как раз есть такое средство. Даже мурашки побежали по ее спине, когда она представила Ивана, и без того страстного, а теперь просто пожирающего ее в порыве неудержимого желания!

Тщательно следуя совету старой ведуньи, Тамара смешала снадобье с водой и залила этим большой кальян, стоявший на полу, вокруг разбросала пурпурного атласа подушки, чтобы можно было нежиться, лаская друг друга и куря опиум. Едва она закончила все приготовления, как послышались тяжелые шаги у крыльца. Девушка бросилась встретить Ивана, вошедшего к ней с каменным лицом.

— Мой повелитель! — она охватила его руку и прижала к губам. — Ты жив и здоров! Какое счастье! Я думала о тебе, пока бушевало пламя, и потом, когда эта злобная чернь осмелилась вторгнуться в твой дом!

— Мы живо расправились с ними, — Ивана передернуло. Он не сделал ни шага от двери, какое-то беспокойство, казалось, овладело им.

Тамара потянула его за рукав. — Идем, я подам тебе еду и питье. — Ты устал, я помогу тебе оставить все твои печали за порогом. — Она лукаво улыбнулась.

— Нет, — он отступил назад. — Я не могу остаться. Я пришел, Тамара, чтобы сказать тебе...

Девушка поднялась на носки и поцеловала его: — Что? Я ни на минуту не усомнилась, что царь Иван переживет любой пожар, справится с любой сумасшедшей толпой.

— Нет, не то. — Он взглянул на нее пристально: — Я не приду больше сюда никогда.

Она не сдержала испуганного крика: — Но почему? Что на сей раз? Это я виновата?

— Нет, Тамара. Я говорил с Макарием. Он обвинил меня в этом пожаре. Сказал, что Господь прогневался на меня за мои грехи.

— Грехи? — Тамара недоверчиво улыбнулась, — царь безгрешен. Не он ли помазанник Божий? И Бог направляет его руку.

Иван испустил тяжелый вздох. — И я мыслил так. Но митрополит не унимается, толкует мне о моей праздной, развратной жизни. Должен я покаяться или навлеку на себя кару небес.

Тамара взглянула на него сквозь полуопущенные ресницы: — Давно ли зов плоти стал развратом, государь?

На этот раз он ответил твердо: — Мужчина должен быть верен жене.

Девушка сделалась задумчивой. Ей надо осторожно ответить, все теперь зависит от ее слов. — Иван, — вкрадчиво начала она, — царица слишком хрупка, чтобы дарить тебе еженощно те ласки, к которым ты привычен. Ты можешь повредить ее здоровью, и тогда как сможет она подарить тебе сына, наследника? Вот всевидящий Господь и послал тебе друга, который понимает тебя и может усладить сполна твою плоть. — Она замолчала, не смея дотронуться до него.

Он ухмыльнулся. И она говорит еще о его жене, с которой он не разделяет ложе! — То правда, что ты говоришь, — неохотно ответил Иван. — Но я не хочу больше гневить святого отца. Я должен обуздать себя.

Тамара впала в отчаяние: если он сейчас же повернется и уйдет, она потеряет его навсегда. Что же ей де-

лать, лишившись его защиты? Страшная опасность нависла над ней.

— Что ж, — она изо всех сил старалась скрыть дрожь в руках. — Я подчиняюсь тебе. — Она натужно улыбнулась: — Но мы останемся друзьями?

— Я никогда не забуду тебя, Тамара, — сказал царь бесстрастным голосом, и она не знала, что и подумать: то ли он говорит об их былой любви, то ли о похищении его невесты ее братьями.

— Напоследок посиди, я приготовлю тебе кальян. — Она указала ему на подушки: — Отдохни, а потом пойдешь к своей жене.

Иван хмуро покосился на разбросанные по полу подушки. Да, она права, кальян сейчас лучшее средство, чтобы отбросить все черные мысли, одолевшие его в последние дни. Комната была окутана полумраком — манящим, успокаивающим. Неужто Бог осудит его за то, что он позволит себе краткий отдых?..

— Пожалуй.

Тамара улыбнулась, мягко провела рукой по его лбу: — Отдохни, мой повелитель, приляг... Вот так. — Она поднесла ему кальян, и Иван глубоко затянулся зельем. Мгновенно словно блаженное тепло окутало его тело. Он взглянул на Тамару: несмотря на её грехи, она всегда была добра к нему. — А что же ты? Не хочешь ли?.. — После тебя, — она ласково поглаживала рукой его плечи, шею, лицо. Иван почувствовал, как туман застилал ему взор, ощутил свинцовую тяжесть языка. Опиум слишком силён, подумал Иван. «Я не должен, я не могу. Бог не простит этого мне...» Но тело сопротивлялось остаткам рассудка, истома мягко ломила кости, словно ползая по ним... Иван вдруг почувствовал, как в нём просыпается страсть. «Да что со мной?» — испугался царь. — «Ведь опиум, напротив, должен был бы успокоить...»

— Тебе хорошо, мой повелитель? — голос Тамары доходил до него откуда-то издалека, а проворные руки не переставали гладить его, опускаясь все ниже. «Я не должен этого делать», — твердил он себе, из последних сил стараясь побороть взбунтовавшуюся плоть. — «Я же обещал. Я обещал».

Но комната вдуг поплыла перед его взором, ему стало нестерпимо душно. Дрожащими, какими-то не своими, непослушными пальцами он попытался расстегнуть кафтан.

— Дай я помогу тебе. — Тамара ловко справлялась со всеми застежками и алмазными пуговицами, в то же время раздеваясь сама. Его взору предстало знакомое до боли прекрасное соблазнительное тело; нежные округлости грудей, распущенные по плечам кудри чудных волос; Иван вдохнул запах ее тела...

— Тамара! — Иван не мог больше владеть собой и, порывисто вскочив, едва не теряя сознания не то от головокружения, не то от бешеной страсти, он бросил её на подушки, погрузившись в горячую пучину безумных ласк.

* * *

Анастасия была в гневе. — Да как они посмели! Я буду рада знать, что они сгорят в аду! — От резкого движения сарафан ее защепился за ножку кресла и треснула тонкая ткань.

— Ах, успокойся, милая Настя, — умоляла ее княжна Ирина, пытаясь подняться с кресла, чтобы обнять царицу. — Не мучь себя.

— Но они желали сделать меня жертвой, меня, которая всю жизнь молится, чтобы очиститься, стать достойной его милости...

— Но все знают, что ты благочестива, набожна. Просто они поддались мятежному духу.

— Но обвинить в колдовстве... — она содрогнулась.

— Что ж, эти люди темны, — Ирина вздохнула. — Но они удовлетворили жажду крови тем, как поступили с дядей Ивана.

Анастасия присела подле Ирины: — Да, бедный Юрий: его преследовали до собора, а потом... удушили!

— Михаил поехал с матерью в Ржев, и теперь они вне опасности.

— Сейчас-то нам бояться нечего, но, кто знает — какие беды нас подстерегают? Марфа, — обернулась она к мамке, — ты что-нибудь знаешь о колдовстве?

— О колдовстве?.. — Марфа едва донесла до стола кувшин с брусничным киселем — от испуга едва не опрокинула. — Да откуда же мне знать-то? — перекрестилась истово.

— Да знаю уж, что между дворовыми ходят слухи, ты должна бы знать про них, — настойчиво требовала Анастасия.

— Да-а... — мамка нервно теребила подол.

— Ну же, рассказывай! Что делают ведьмы? — Анастасия угрожающе шагнула к ней.

Марфа в ужасе попятилась: — Д-делают, государыня...

— Правда, что они в полночь собираются в лесу, дико пляшут, летают, а потом совокупляются с сатаной?

Ирина вздрогнула: — Настя! Да где ж ты такого наслушалась-то?!

— Но я хочу знать, в чем меня обвинили. — Она повернулась к Марфе выжидающе.

— Я... я слышала про то... и о другом...

— О чем?

— Ну...они готовят приворотные зелья... для любви...

— Для любви? — Анастасия резко повернулась к ней.

Марфа кивнула: — Говорят, можно приворожить любовными чарами любого мужчину, — старая мамка почуяла интерес царицы и бодро продолжала: — И еще говорят — если раз напьется он такого зелья из твоих рук, так уж на вечные времена тебе одной верен будет!

Анастасия взглянула на подругу: — Что, Ирина? Каковы чудеса делает зелье-то!

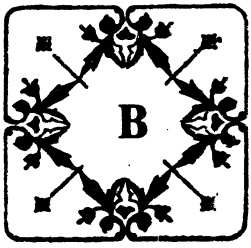
— Это сказки, Настя. Почитала бы лучше, чем слушать.

— Да, верно. Ступай, Марфа, но отныне все слухи о колдовстве, что узнаешь, все мне расскажешь.

— Как пожелаешь, государыня-матушка. — Марфа ушла. Анастасия бросила озорной взгляд на Ирину, но лишь нахмуренные брови княжны были ей ответом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 13



В се лето — июнь, июль, август — на Москве велось строительство. Перестуки топоров, звонкие удары молотов были слышны от восхода до заката. Снова открылись торговые ряды, вновь отлитые колокола запели на звонницах.

В сентябре царская семья и свита вернулись в восстановленный царский дворец. Брат Ивана — Юрий, слабоумный юноша, выбрал себе в невесты миловидную княжну Ульяну.

Князь Курбский посватался к кареглазой дочери боярина из Новгорода.

Казань — западный враг России — начала подбивать татар совершать набеги на подмосковные деревни.

Иван и Анастасия отпраздновали возвращение в Кремлевский дворец пышным пиром, на который созвали две тысячи гостей. Игрища и трапезы шли без конца, сказители и бои с медведями заполняли досуг. Женщины надели свои лучшие одежды и украшения. Пиршественный зал сверкал алмазами и яхонтами, изумрудами и сапфирами. Мужчины говорили о державных делах.

— Эти негодяи разорили все села окрест Москвы,— говорил сердито князь Дмитрий Бельский, один из самых храбрых воинов Ивана.— Мы должны послать войска и положить конец этому отныне и навсегда.

— Да,— согласился с ним дядя Анастасии, Григорий Захарьин-Кошкин.— Мы скоро положим конец татарским набегам, покажем, что мы сильнее, чем они.

Не то, чтобы Григорий хотел участвовать лично в прекращении набегов. Роскошь жизни при дворе совершенно избаловала его. С того момента, как его племянница вышла замуж, он стал толще и ленивее. Но теперь, как вновь назначенный член царской думы, он чувствовал себя обязанным выразить мнение.

— Андрей! — сказал царь, поворачиваясь к Курбскому, которого считал самым верным советником.— Что ты думаешь?

— Несомненно, что мы должны показать хану нашу силу,— ответил князь.— Я предлагаю послать отряд наших войск и отбросить неверных с наших границ, а в будущем взять Казань.

— Я мыслю так же,— сказал царь, отставляя свой кубок с вином.— Мы должны готовить наши войска к этой войне.— Он поднял свой кубок высоко.— Я говорю, что мы пьем за уничтожение Казанского царства!

— Да, да! — зашумели гости, и две тысячи кубков взметнулись вверх.

— Дай я наполню твой кубок,— предложила Анастасия, сидевшая на своем обычном месте рядом с царем. Она подняла украшенный драгоценными камнями серебряный кувшин, наполнила красным, цвета рубина, вином его кубок. Иван выпил его с удовольствием.

— Разговоры о войне вести умеем. Клянусь Господом, что мы пошлем наших православных воинов на бой с неверными! — Он осушил кубок и поставил его, чтобы его снова наполнили. Анастасия повиновалась с улыбкой.

Пир закончился за полночь. Кто ещё держался на ногах, ехал к себе домой, сильно пьяные оставались ночевать во дворце. Ивана увел постельничий, держа под мышками, в спальную палату.

Адашев посадил его на постель и, опустившись на колени, снял с царя сапожки, платно и кафтан, потом тихо вышел и затворил за собой двери.

«Я выпил слишком много»,— подумал Иван. Он и в самом деле чувствовал себя скверно. Вино расслабило его тело, но одновременно он чувствовал все возрастающее напряжение в чреслах и понял, что ему нужна женщина. Вначале он решил поехать к Тамаре, но знал, что в таком состоянии он не сможет двинуться с места. Да,

ведь он обещал митрополиту уменьшить свои сластолюбивые помыслы.

Закрыв глаза, он приготовился заснуть. Но все возрастающее желание мешало ему. Он чувствовал себя крайне неудобно. — Проклятье! — прошептал он вяло в пустоту своей спальни.— Почему я не могу удержать его... этот... на месте? — И когда он уже проваливался в небытие, двери отворились и стали слышны осторожные приближающиеся шаги.

Своим звериным чутьем Иван слышал шаги, но не мог поднять голову. Он едва ли мог бы сейчас защитить себя, если б это было покушение на его жизнь. Но усилием воли открыв глаза, он начал вглядываться в полумрак. Глаза его различили стоявшую у кровати фигуру. Это была молодая, прекрасная женщина с копной черных локонов, с юным телом плясуньи. Шелковая рубашка, высоко задранная, обнажала ее живот. Тяжелые камни браслетов и ожерелья светились в полумраке, посверкивая при малейшем движении. И сверкали темными агатами густо насурмленные глаза. Зрачки Ивана расширились, его желание достигло предела.

— Что за дьявол? — хрипло произнес он, делая попытку привстать, и дотронулся до видения, которое быстро отвело его руку и отступило назад. Он встряхнул головой. Его первым впечатлением было, что это Тамара. Но нет, это была не Тамара. Кто тогда?

— Я твоя на всю ночь,— произнесла женщина, понизив голос, и подойдя к кровати, дотронулась до его руки: — Ты хочешь быть со мной всю ночь?

— Кто послал тебя: Курбский? Шуйский? — он терялся в догадках.— Губы ее шевельнулись:

— Считай, что я послана тебе в дар судьбой.

Она присела на кровать, наклонилась над ним и поцеловала его в губы, дотронувшись до него прохладными браслетами. Напрасно теряясь в догадках, он протянул руку и нащупал два маленьких выпуклых холмика с выдающимися сосками.

— В дар? — спросил он саркастически. Его сознание понемногу прояснялось. Ее тело вдруг показалось ему знакомым. Возможно, он уже был с ней в одной из пьяных оргий, предшествующих его женитьбе.

— Ты хочешь, чтобы я сняла рубашку? — спросила она.

— Да, сними,— царь вдруг оттолкнул ее и встряхнул плечами, словно пытаясь отогнать наваждение.— Я хочу посмотреть.

— Как пожелает государь.— Женщина встала перед ним. Ее глаза смотрели ему прямо в глаза. Ее губы сложились в соблазнительную улыбку. Она медленно сняла свою рубашку. Он смотрел. Прямые стройные ноги, полноватые в бедрах, прекрасной формы живот. На том месте, где встречались ноги, темные волоски.

— Иди ко мне,— прошептал Иван, протягивая дрожащую руку. Дыхание его ускорилось, сердце билось толчками, он не мог вспомнить, когда был так возбужден.

Женщина скользнула в его кровать. Ее язык долго бродил по его обнаженному телу, покрывая его поцелуями.

Иван дошел почти до экстаза и понял, что больше не владеет собой. С низким стоном он опрокинул ее на подушки и лег на нее, целуя в самые интимные места. В момент, когда он уже вошел в нее, в его сознании проблеснула истина и он вдруг понял, кто эта женщина. «Нет! Боже мой! Нет!» — Он попытался высвободиться, но было слишком поздно: он разорвал ее девическое лоно и что-то теплое увлажнило его страстное прикосновение. Когда все было кончено, он прошептал: «Настя!»

Проснулся он от льющегося в окна утреннего света. Он скосил зрачки на Анастасию, она лежала рядом. Ее глаза были широко открыты, и отблеск улыбки блуждал по полным губам. Он смотрел на ее рубашку, лежащую на ковре у его ног, на украшенные самоцветами браслеты. Голова его была до сих пор шальная и в глазах плыл туман, но он вспомнил все: Господи Боже мой! Чародейное видение, его неистовое желание, с которым он переспал с собственной женой.

Она поняла, что он проснулся:

— Как ты, государь? — прошептала она мягко,— я надеюсь, ты спал хорошо?

Он не улыбнулся в ответ:

— Ох, ты меня и смутила,— сказал он.— Что же это такое?

— То, что один из нас соблазнил другого,— ответила она, глядя на него с лукавством.

— Но как ты преобразилась? Откуда ты знаешь все это?

Она засмеялась:

— Это мое дело — знать. А одежды — я послала девушку за ними. А черные волосы идут мне, как ты думаешь?

— Думаю, нет. Твои собственные лучше! — Он взял пальцами несколько шелковых прядей и поднес их к губам.

Анастасия улыбнулась:

— Теперь ты меня любишь так же, как и я тебя.

— Настя! — он повернулся к ней серьезно: — Я люблю тебя действительно, ты знаешь это.

Она села:

— Откуда мне знать? Да, ты уделяешь мне много внимания, ты всегда добр со мною, но...— она замолчала и посмотрела на него с печалью.

— Ну что, скажи мне?

Она колебалась. Прошлая ночь была чудесна. Она сама чувствовала, что была соблазнительна и не боялась того, что Иван увидит ее такой. Но в холодном свете утра, после пьяного пира — она глубоко вздохнула — ее план мог не удасться. Но, чтобы сделать его реальным, она должна ответить ему сейчас— То, что я была как бы твоя сестра, но не жена. Мое замужество не было настоящим. Ты оставил меня одну в ту, первую ночь.— Она застенчиво потупилась, когда он посмотрел на нее.— Почему, Иван, почему?

Он в изнеможении откинулся на подушки:

— Я не мог,— медленно проговорил он наконец. Он был воином и царем, но не имел смелости посмотреть в глаза своей жене.

— Но почему, скажи, умоляю, я не нравлюсь тебе? Или тебе наговорили на меня?

— Нет, не думай так,— он обнял ее и прижал к себе.— Настя, я не мог, не мог сокрушить тебя тогда.

— Сокрушить меня тем, что ты любишь? Тем, что ты имеешь на меня права как муж?

— Настя, ты так нежна, так невинна. Мои физические потребности, они... слишком велики. Я думал, будет лучше, если я побуду с кем-нибудь другим. Прости меня!..

Анастасия приподнялась на локте и посмотрела на него:

— Как? — спросила она.— Разве ты не думаешь о наследнике?

Он пожал плечами:

— Я не знаю, я больше ничего не знаю. Знаю только, что в то утро на площади, когда я увидел тебя впервые, я подумал, что ты само чудо. И позже, во время сватовства, я хотел тебя больше всех.— Он снова обнял ее и по-

гладил по волосам.— Когда на Ирину напал медведь и ты заплакала, так внезапно, я хотел осушить твои слезы, хотел баюкать тебя на руках, как ребенка. И никто в моей жизни не трогал меня так глубоко, как ты. Только один еще человек.

Она не пошевельнулась и прошептала: — Кто?

Его рука нашла ее пальцы и крепко сжала. Осевшим от волнения голосом он ответил:

— Моя мать. Она умерла, когда мне было восемь лет. Она была очень похожа на тебя, правда. Волосы были такого же цвета. И такая же нежная улыбка и нежные прикосновения.— Он поцеловал ее в лоб.— Как жаль, что ты уже никогда не сможешь узнать ее!

— Я тоже жалею об этом.

Его глаза приобрели отсутствующее выражение: — Иногда мне кажется, что я в каком-то сумасшедшем сне и путаю вас, мне временами кажется, что ты в образе моей матери вернулась ко мне. Вот еще почему я не мог быть с тобой тогда, в ту ночь.

Он поднял голову и посмотрел на нее обеспокоенно:

— Ты можешь понять меня?

Она кивнула. Его мать! А она думала...

— Конечно. Но теперь, когда ты прояснил мне, ты должен понять: я не твоя мать и даже не ее дух. Я женщина, которая любит тебя как жена, и я хочу быть твоей каждую ночь. Я хочу прикасаться к тебе и одарить тебя любовью через наших детей. Я хочу родить тебе наследника, царевича, чтобы охранить трон и разделить твои царские заботы.— Она положила руку ему на грудь:

— А хочешь ли ты, Иван?

— Да. О Господи! Конечно.

Она улыбнулась:

— Теперь поцелуй меня и посмотрим, что мы можем сделать для этого.

* * *

— Князь Курбский! — приветствовала она с легким смешком,— это поистине сюрприз.— Она стояла и разглядывала его.— Что ж, чувствуй себя как дома, я прикажу подать вина.

— Не стоит беспокоиться,— сухо ответил Андрей.— Я здесь по приказанию царя и уйду, как только исполню его наказ.

Татарская девушка вскинула голову и посмотрела на него вопросительно:

— А... неужто царь Иван послал тебя вперед себя, чтобы приготовить меня для его прибытия?

— Нет, Тамара, боюсь, что нет. На самом деле совсем наоборот.— Как и Иван, Курбский знал девушку с самого детства.— Государь Всея Руси приказал тебе освободить этот дом в течение трех дней.

Глаза Тамары раскрылись от удивления, а затем потемнели от гнева, как только слова дошли до ее сознания:

— Почему я должна уходить? — спросила она резко.— Или государь Всея Руси нашел другой дом для меня? — Ее богатое воображение уже рисовало себе картины: возможно, он хочет ее возвращения во дворец. Возможно, он хочет вновь вернуть ей ту роль, которую она потеряла после его женитьбы...

— Нет,— ответил Андрей с ноткой сарказма. Он читал ее мысли, и ему приятно было разрушить ее надежды.— Я хочу сообщить тебе, что, если бы ты ушла в монастырь, он обеспечил бы тебя на весь остаток твоей жизни.

— В монастырь? — Тамара опешила.— Меня в монастырь?

— Царь порвал с тобой,— сказал Андрей беспощадно.— Если ты не хочешь в монахини — это твое дело. Если ты решишь выйти замуж — царь справит вам свадьбу.

— Но этого не может быть! — воскликнула Тамара.— Царь знает, я никогда не выйду замуж. Я люблю его, я не могу отдать себя другому мужчине.

Андрей пожал плечами:

— Как хочешь, Тамара. Если ты отвергаешь оба эти предложения, царь не станет больше опекать тебя. Тогда живи, как знаешь.

— Но почему? — спросила Тамара.— Что я сделала? Почему он гневается на меня?

— Этого, моя госпожа, я не знаю. Я послан лишь чтобы сказать тебе это. Но я вижу, что царь очень серьезен, и если ты попытаешься увидеть его, он посадит тебя под стражу.

Лицо Тамары потемнело. Глаза зажглись нехорошим огнем:

— Это все из-за нее, да? — она почти прошипела: — Эта ведьма, она околдовала его!

— Я бы на твоем месте поостерегся таких слов. Если я донесу об этом Ивану, ты лишишься своей красивой головы.

— Ты мыслишь, он не угрожал мне? Я говорю то, что мне нравится. Я делаю то, что мне нравится.

Князь улыбался:

— Как угодно, госпожа. Должен ли я передать, что ты отказываешься исполнять царский приказ?

— Приказ? В монастырь, где я должна проводить дни в молитвах, а ночи — в страхах за свою жизнь? Или венчание с каким-нибудь жирным боровом, рот которого пропах квашеной капустой? Да, князь. Ты правильно понял: я отказываюсь исполнять приказ.— Ее мозг лихорадочно работал, чтобы найти какое-то другое решение. Без царской защиты она все равно что мертва теперь на Москве.

Ведь между русскими и татарами давняя вражда, а ее участие в похищении стало известно всем. Она должна покинуть Москву, в этом Тамара не сомневалась. Но куда же ехать? Как она проживет без всего этого сказочного богатства, к которому привыкла?

Но тут словно кто-то шепнул ей: Казань! Город, где она родилась, где и сейчас она может найти верных людей, которые помогут ей. Хотя она из бедной семьи, но знатные люди не раз сватались к ней, проведав о ее могучем покровителе. Ее братья тоже прослыли в тех местах удачливыми торговцами...

— Мне нужны все твои украшения,— оборвал Андрей ее беспокойные думы.

— Что? — Тамара даже не поняла, что он хочет.

— Твои украшения. Я должен вернуть их царю.

— Но он же сам дарил их мне!

— Дарил, пока был с тобой.— Он протянул руку: — Дай мне, Тамара.

Девушка побелела от ярости, глаза ее зажглись ненавистью. Она сорвала с головы золотой гребень, и черный водопад волос заструился по спине.— Вот! Бери! — она рванула другой рукой за ожерелье из рубинов и чудесной красоты каменья рассыпались по каменному полу.— Вот его украшения! Убирайся! — Она в ярости пнула узким сапожком по камням, и сняв с себя золотой пояс, швырнула его князю.

— Но это не все,— равнодушно глядя на дикую ярость бывшей царской наложницы сказал Андрей.— Я подожду здесь. Иди принеси.

Тамара резко повернулась к нему спиной и вышла. Это ее-то украшения, которые она хранила, как память об их любви с Иваном, она должна теперь вернуть! Они будут принадлежать этой отвратительной его жеманнице! Тамаре казалось, что она лопнет от злости.

Отпирая ларец, где хранились ее сокровища, девушка тешила себя только одной мыслью: она отомстит! Отомстит!

* * *

Княжна Василиса Скурлатова в одиночестве сидела в саду, хмурясь на холодное октябрьское солнце. Ей было скучно, мысли текли вяло. Да и во дворце стало не то, что прежде, до пожара. Ее замысел: вытеснить Анастасию из сердца царя — провалился. Хотя кое-где еще поговаривали о том, что ведьма все-таки Анастасия, но обвинили-то Глинских! Бедного Юрия Глинского толпа умертвила в соборе, а сама Анна и Михаил спаслись тем, что уехали в Ржев, откуда, как было видно, не собирались вылезать. Былые ночные шабаши прекратились, и Василиса ничего не знала о своих сообщниках по колдовским делам.

И еще одно не давало ей покоя — ее девственность. Лев строго-настрого наказал ей блюсти целомудрие. Но как же это глупо! Она, Василиса, хорошо усвоила, что только лишь очень соблазнительная, бывалая красавица сможет отвратить царя от этой Анастасии!

«Почему бы тебе не найти мне другого мужа? — приставала она к брату.— Жизнь проходит мимо». Она и сама не знала, чего хотела: сошел бы любой знатный, родовитый боярин — а уж потом она не растеряется и выберет любовника по своему вкусу, как и некоторые женщины царского окружения.

Устав от ее назойливых просьб, Лев обещал добиться того, чтобы имя его сестры внесли в список девиц, из которых выбирал себе невесту младший брат Ивана, Юрий. Но Василисе опять не повезло: то ли слабоумный Юрий отказал, то ли Лев обманул ее. Правда, еще оставался холостым князь Курбский... И Лев все твердил и твердил: «Кому нужна не девица? Умерь-ка ты свои желания, сестрица, до поры-до времени».

И вот Василиса влачила дни в услужении у царицы. Как ей порой хотелось пренебречь наказом брата! Но тогда — ей хватало ума понять это — ей вовсе нечего ждать от судьбы.

— Ах, княжна! Как ты хороша!

Она вздрогнула, очнувшись, и увидела архиепископа Сильвестра, неслышно подошедшего сзади.

Василиса рывком поднялась со скамейки и склонилась поцеловать его руку.— Прости, Отче, я не сразу увидела...

Он улыбнулся: — Я не часто вижу тебя, княжна, гуляющей по саду. А ведь ты давно не исповедовалась. Али ты не заботишься о своей смертной душе, княжна?

Девушка мягко ответила: — Нет, Отче, что ты! Только некогда мне и думать-то о душе — царице все нужна целый день... А еще ведь пожар...

Сильвестр кивнул.— Что ж, немудрено, что у такой красавицы в голове мысли более завлекательные, нежели исповедь.— Он блеснул на нее холодными голубыми глазками.

— Но это правда! Прости, Отче, но я рук не покладаю весь день...

— Есть ли что, в чем ты хочешь исповедаться? Хотя бы в непомерной гордыне или... в более тяжком грехе?

Василиса заволновалась: что он хочет сказать? Более завлекательные... Ушел бы он скорее. В чем он подозревает ее?..

— Да, Отче, тщеславие и гордыня не покидают меня.— Василиса желала бы закончить на этом скользкую беседу.

Архиепископ поджал губы, глядя на нее странным долгим взглядом.— Слышал я, княжна, что этот грех — наименьший.

Она тревожно вглядывалась в лицо священника: — О чем ты говоришь, Отче? Что наговорили обо мне? — Сердце ее подскакивало в груди. Отчего он так пристрастно спрашивает ее?

Сильвестр присел возле нее на скамью. На нее повеяло ладаном и воском.— Может, ты захочешь исповедаться не в церкви, а у меня в палатах?

— Я готова.— Она нервно перебирала руками складки сарафана. — Я приду в церковь в воскресенье... и тогда исповедуюсь.

Лоб его нахмурился: — Но, княжна, дозволь мне облегчить тебе раскаяние, я хочу помочь тебе. У меня в палатах сейчас никого.— Он вдруг прикрыл ее руку своей.

Василиса отпрянула с омерзением и ужасом: — Отче! Какие речи я слышу!

Тонкие губы архиепископа сложились в елейную улыбку: — Ужель, княжна, ты не видишь, как ты мне по нраву? А ведь я хотел, чтобы выбрали царицей тебя!

Девушка поняла, что Сильвестр ей не льстит. Не дав ей ответить, он продолжал:

— Но Господь указал мне иной путь, более достойный тебя.

— Достойнее, чем быть невестой Ивана?!

Он стиснул ей руку, приблизившись губами почти к самому ее уху: — Княжна, не смотри, что я священник — с природой не поборешься, я ведь мужчина.

Она побелела: — Но я еще чиста телом! Мой брат велит мне блюсти себя до венца...

— Твой брат и не узнает.

Василиса ужаснулась. Она слышала про то, что монахи блудливы, но никак не могла подумать того же о ближайшем советнике царя. Она решила изобразить негодование.— Негоже тебе, Отче, вести такие речи. Да как ты мог подумать...

— А тебе, верно, полюбился больше нечистый? — прервал он.

— Что?!

Он зашептал: — Мне все известно, знаю я, с кем ты повела дружбу: с Глинскими да с сатаной.

— Нет! — ее словно подбросило.— Неправда все это!

Он даже не шелохнулся.— Знаешь ли ты Алешку Адашева? Он у Глинской в доверии. Вот он-то мне и поведал.

Василиса не могла опомниться от страха: значит, предали! Ее тайна известна!.. Но, не подав виду, княжна только медленно спросила: — Что станешь делать?

Тот снова улыбался.

— Ничего, княжна. Я не хочу лишать тебя твоей чистоты: всего-то несколько часов доверительной беседы... утешат меня.

Василиса не отрываясь смотрела на него, и вся ее ненависть и отвращение к этому человеку отражались в ее сверкающих зеленых глазах.— А коли я откажусь? — голос ее предательски дрогнул.

Архиепископ равнодушно пожал плечами.— Что ж, придется мне рассказать нечто государю.

* * *

— Но скоро будут холода — как же сражаться? — воскликнула Анастасия, когда Иван поведал ей обо всем.— Отчего не выждать, когда и земля оттает, и станет тепло?..

— Настя, душенька моя, ты ничего не смыслишь в войне,— улыбаясь, ответил царь, вглядываясь в это нежное лицо и зная, что много воды утечет раньше, чем им снова суждено будет свидеться.— Ныне настало время напасть: татары не ожидают нас прежде весны, да и сами не вылезут. У меня есть преимущество.

Она вздохнула. Как ей спорить с ним! Да и понимала царица, что весь он уже далеко-далеко — глаза так и горят битвой!

...В то утро, осеннее, зябкое, когда войска уходили и Иван, во главе их, величаво сидел на крупном жеребце,— Анастасия заставила себя улыбаться. Как они стали близки за последнее время! И вот теперь она даже не знает, увидит ли его снова.

Он спешился и, подойдя к ней, сильно обнял, а потом долго целовал.— Не печалься, родная моя,— шептал ей царь.— С нами Господь.

...Долгой была дорога на Казань, а с наступлением холодов стала еще и трудной: мерзлая земля, покрытая снегом, морозные ночи. Лишь к началу февраля русское войско вышло к Волге. На другом берегу затаилась в ожидании Казань. Но тут опять беда: внезапно стало теплеть, а потом и дожди обрушились.

— Нужно успеть перейти реку до того, как станет таять,— обратился Иван к своим советникам.

Что же, царь велит, и воеводы повели воинов на переправу. За собой тянули пушки.

Видя, что дело пошло, Иван повеселел. Скоро уже этот вражеский стан, Казань, покорится ему!

...Когда раздались тяжелые всплески и крики, до сознания царя не сразу дошло, что стряслось. И только увидев, как громадные льдины изломали обманчиво прочное покрытие реки, как тонут его люди, лошади, орудия, исчезающие в серых толщах воды,— царь понял, что он привел сюда войско не ко времени.

Крики отчаяния тонувших и оцепенение других, беспомощно смотревших на страшную картину с берега,— все это увидел царь. В безумном страхе он всматривался: нет ли Курбского среди тонувших?

Но Андрей избежал этой участи, остановив своих воинов на берегу. Там и нашел его царь.

— Господь покарал меня за грехи,— сдавленным голосом проговорил он, в глазах его князь Курбский увидел слепое отчаяние.— Уйдем обратно, к Москве, и выждем.

Андрей нахмурился: — Но теперь мы уже близки — Казань в нескольких верстах. Что проку будет в нашем московском сидении? Враги осмелеют.

Иван дослушал, а затем сказал: — Не то, Андрей. Я не отказываюсь. Я только пережду.

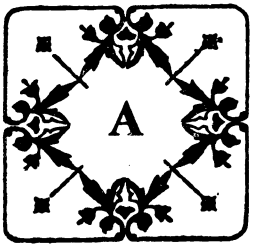
— Но сколько? Сколько ты будешь ждать в бездействии?

— Обожди, князь: теперь казанцы присмирели. Мы укрепимся, пока Господь не подаст мне знака.

Андрею хотелось поспорить, но он решил, что лучше промолчать. Ежели Иван хочет ждать — так, значит, тому и бывать.— Что ты станешь делать теперь?

Иван опустил голову: — Вернусь в Москву. И в первый раз в жизни — положусь на волю Божью.

Глава 14



Анастасия была счастлива: она, девушка из скромной боярской семьи, стала женой царя, обожаемой женой, малейшее желание которой тут же исполнялось! Ее Москва, полностью отстроенная после пожара, все более хорошела, ее Русь представлялась ей самой великой страной в мире, а ее муж провел на войне всего лишь два года. И самое главное — она улыбалась про себя, держа драгоценный сверток, — она была матерью двух прекрасных дочерей.

— Думаешь о чем-то радостном? — обратилась к ней мягким голосом ее подруга.— Не боишься, что судьба накажет за то, что ты слишком счастлива? Не боишься искушать судьбу?

Анастасия засмеялась: — Господь с тобой!

Ирина нежно посмотрела на нее: — Ты действительно очень счастлива, Анастасия?

— Да, у меня есть все для счастья.— Она взглянула на свою годовалую дочь, которая тихонько играла кубиками за ее стулом.— Осторожно, Анночка,— обратилась она к ребенку.— Если ты нагромоздишь высоко, они обрушатся.

Ребенок не обратил внимания на ее слова. Анастасия протянула руку и любовно погладила темную головку.

— Сегодня Анночка чувствует себя гораздо лучше.— Ирина улыбнулась, глядя, с какой серьезностью ребенок занят игрой.— Простуда у нее уже проходит.

Анастасия добавила: — Она здоровый ребенок, слава Богу. Хотя была такая слабенькая, когда родилась. А эта,— она подержала малышку Марию на вытянутых руках,— сразу родилась крепенькая и сильная.

Ирина улыбнулась тепло, но слегка недоверчиво.

— Дети — это замечательно, но вот их мать... Припоминаю, раньше ты выглядела более жизнерадостной, чем теперь.

— Ирина, ты же сама только что сказала, что я выгляжу счастливой.

— Быть счастливой на самом деле и всего лишь выглядеть и бодриться — не одно и то же. У тебя усталый вид, Настя. Эти две малышки не дают тебе отдохнуть.

Анастасия виновато улыбнулась: — Ради маленьких стоит немного недоспать, Ирина.— Разве могу я оставить Аннушку сейчас, когда она простужена. Она всегда зовет меня, когда просыпается.

— И становится все более и более капризной.— Ирина оторвала нитку и взяла в своей коробочке для вышивания нитку другого цвета.— Я надеюсь, ты не собираешься рожать еще одного ребенка сейчас.

И, видя, что ее подруга молчит, она вопросительно посмотрела на нее.— Анастасия, ты ведь не беременна, правда?

Анастасия покачала головой: — Нет, пока нет. Но я бы хотела.— Ее карие глаза приняли мечтательное выражение.

— Анастасия, погоди немного. Вы с государем такие молодые. Ты потеряешь здоровье, если будешь рожать одного за другим.

— Но у Ивана должен быть сын, наследник.

— У него будет наследник. Но нет необходимости так спешить.

— Нет, есть, Ирина.— В первый раз лицо Анастасии омрачилось.— Иван со мной уже два года... но я не обольщаюсь. Мирная жизнь не будет продолжаться долго. Все чаще и чаще я слышу разговоры о Казани. А если Иван не вернется с войны?

Ирина заметила, как дрогнул ее голос.— Конечно же, он вернется. Какую глупость ты говоришь, Анастасия! Царь Иван правит Русью по воле Господа. Бог сохранит ему жизнь.

— Да, Ирина, я надеюсь на это. Но если бы был сын... это обезопасило бы трон... — она осеклась: раздался пронзительный крик Аннушки — ее кубики упали на пол.

— Видишь, Аннушка, что я тебе говорила?

Анастасия поднялась, осторожно усадила Марию на кровать. Затем она пошла успокаивать ее старшую сестру.— Тихо, маленькая. Я помогу тебе собрать.— Но малышка продолжала плакать. Уткнувшись в материнскую юбку, она рыдала, как от боли.

Анастасия взяла ее на руки, обняла и стала нежно поглаживать по темноволосой головке. И вдруг нахмурилась: — Господи, Аннушка, у тебя ведь жар!

Ирина перестала вышивать и подошла к ним.

— Дай мне взглянуть.— Она взяла ребенка на руки и внимательно осмотрела лицо. Щечки ее горели и черные глаза лихорадочно сверкали на маленьком личике.

— Я думаю, надо ее уложить в постель.

— Да,— Анастасия подняла ребенка и позвала няньку.— Принеси-ка горячего напитка с медом.

Ирина пошла присмотреть за Марией: — Надо разделить детей, не дай Бог, захворают обе.

Нянька посмотрела на ребенка и сказала: — Государыня, пошли за лекарем, ребенку очень плохо.

— Но это только простуда.

— Простуда или нет, но ребенок страдает.

Но ребенок тянулся к матери и не хотел двигаться. Она протянула руки, чтобы успокоить ребенка, но малышка расплакалась.

— Милая, иди к няне.

— Ничего, я отнесу ее.— Анастасия улыбнулась няньке: — Мы уложим ее в постель и если завтра ей не будет лучше, позовем лекаря.

Анастасия поспешила из комнаты, и нянька вышла за ней. Ирина осталась присмотреть за Марией — малышка успокоилась и стала засыпать. Княжна с улыбкой склонилась над ребенком. Она понимала, как тяжела доля матери.

* * *

Во дворце женщины гарема готовились к вечернему развлечению. Татарки натирали свои тела благовонными маслами, привезенными из Индии и Китая, расчесывали густые черные волосы до тех пор, пока они не становились блестящими, как эбеновое дерево.

Белокожие русские женщины, украденные из северных русских городов и проданные ненасытному хану, вплетали в светлые волосы венки из цветов и надевали

на стройные фигуры шелковые халаты, украшенные драгоценностями.

Тамара Гитарай лежала обнаженная на тахте, украшенной витиеватой резьбой, глаза ее были закрыты от удовольствия, пока Румия массировала ее безупречную смуглую кожу.

— Да, вот тут,— говорила она, когда проворные женские пальцы разглаживали мышцы плеч.— Это очень приятно. Румия, что бы я делала без тебя!

Румия, улыбаясь самой себе, закончила работу. Она была приставлена к своей госпоже вскоре после того, как Тамара приехала во дворец два года тому назад, и она до сих пор помнила, как это было. Она была только что продана Шиг-Али своим отцом — бедным крестьянином, который не мог прокормить семью, состоящую из семи дочерей и двух сыновей. Она была отдана в служанки к любимой жене хана, Алие, чтобы ухаживать за телом этой самой прекрасной женщины Казани. Но вот однажды...

...После ужина женщины направились в самую красивую залу дворца, там они кружились в танце для Шиг-Али и каждая надеялась быть выбранной на ночь. Хан расслабился и отдыхал. Сидящая слева Алия лениво обмахивала его веером и наполняла его бокал медовым напитком, который он любил пить после трапезы.

Вдруг возникла тревога. Громкие голоса послышались за дверями залы. Танцы прекратились и хан поднялся на звук открывающейся двери. Ворвались трое дворцовых охранников, крепко держа под руки мужчину в черном длинном плаще, высоких кожаных сапогах и высокой шапке, закрывающей голову. Он был мокр с головы до ног, как если бы скакал под проливным дождем, и вырывался из рук стражников, держащих его в железных объятиях.

— Что это значит? — спросил Шиг-Али, с интересом осматривая человека.— Как ты смел помешать моему отдыху?

— Пусть просит у тебя прощения, мой господин,— сказал один из стражников.— Он прискакал сюда верхом и требует привести к тебе, господин, угрожая Адом, если он не добьется этого.

Шиг-Али нахмурился: — Вы знаете, кто он?

— Он отказывается говорить с кем-нибудь, кроме тебя, господин. Но я думаю, он прямо из Ада,— сказал охранник.

— Отпустите меня, к дьяволу, и я скажу, кто я.— Один охранник грубо сбил шапку с головы незнакомца, и все с изумлением увидели, как густые черные кудри упали на спину и рассыпались по плащу. Охранники опешили от неожиданности, а человек бросился в ноги Шиг-Али:

— Господин, я Тамара Гитарай!

Это было сказано с такой гордостью, как будто лицезреть ее было для хана огромным счастьем.

— Тамара Гитарай! А! — Шиг-Али вспомнил и узнал это имя. Он только попытался сделать движение рукой в ее сторону, как она схватила его руку и стала покрывать пылкими поцелуями.

— Иван послал тебя? — спросил Шиг-Али, его темные глаза опасливо прищурились. Женщина легла на пол у ног хана.

— Нет, я приехала по своей воле, чтобы быть в услужении у тебя — самого великого правителя на свете.

Оправившись от шока, осознав, наконец, что их пленницей была женщина, стража попыталась снова схватить ее, но Шиг-Али поднял руку, приказав не трогать.

— Я слышал о твоих братьях,— сказал он.— Мне очень жаль.

Лицо Тамары приняло ужасное выражение, словно она была одержима дьяволом.

— Я отомщу за них,— сказала она властно.— И для этого я хочу, чтобы Шиг-Али добился свержения Ивана.

В этот момент Румия посмотрела хану в лицо, надеясь узнать его реакцию, но лицо было непроницаемо. И он будто что-то прикидывал в уме.— Ты промокла,— сказал он женщине.— Ты, наверное, замерзла и проголодалась.

Тамара кивнула: — Путешествие было долгое. Было не просто покинуть Русь. Мне пришлось изменить внешность.— Она развязала узел и вынула мужские штаны и крестьянскую рубаху.

Шиг-Али хлопком ладоней подозвал слугу: — Отведи эту женщину в гарем, дай ей помыться и поесть.

Он положил свою мягкую жирную руку ей на плечо.— Завтра отдохнешь. Потом я поговорю с тобой.

В своей одежде Тамара Гитарай выглядела смешно, чем и вызвала насмешки у женщин гарема. Но новенькая как бы не замечала этого. Высоко вскинув голову, она проследовала за слугой с царственным величием.

Румия увидела ее и на следующий день, когда ее позвали к Алие.

— Ты приставлена к новой женщине в гареме,— сказали ей девушки. Румия удивилась: — Значит, она остается?

— Она остается. Ты должна угождать ей во всем.

Румия согласно кивнула, но вскоре поняла, что это нелегкое дело. Тамара Гитарай была холодна и самовлюбленна, подвержена вспышкам раздражительности и к тому же имела острый, ядовитый язык. Она награждала свою служанку оплеухами и частенько называла ее тупой и бестолковой. Но несмотря на это, Румия была довольна своими обязанностями. Ее госпожа быстро заменила Алию — любимую женщину хана, и это возвысило Румию над остальными слугами.

— Ой, больно, дрянь! — Тамара села и заорала на нее.— Сколько раз тебе говорить: не нажимай так сильно! Останутся синяки!

— Ах, прости, госпожа.— Румия отступила назад и смотрела на нее из-под ресниц. Я стараюсь это делать нежно. Может быть, у тебя растянута мышца.

— Да, конечно.— Тамара помассировала бедро рукой.— Принеси мою одежду. Пора одеваться.

Маленькая служанка кивнула:

— Ты будешь сегодня танцевать?

— Нет! Да! Не знаю. Но на всякий случай принеси мой наряд.

Конечно, танцевать! Тамара прикусила губу. Она, которая жила в Кремлевских хоромах, теперь должна была стать танцовщицей в гареме Шиг-Али. И когда ей принесли бубенчики и покрывала, она заявила, что никогда не танцевала и не будет танцевать. Она была готова во многом уступить Казанскому хану, но танцевать, как уличная девка, она не собиралась. Но Шиг-Али настоял на этом. И она обещала стать лучшей танцовщицей. В ее теле было столько грации, о которой другие женщины могли только мечтать; каждую ночь ублажала она толстого старика, возбуждая его так сильно, что он хотел проводить с ней все ночи. Алия перестала быть его любимицей, и других девушек как бы не существовало. А Тамара Гитарай, как и в прежние времена перед появлением Анастасии, заняла самое высокое место во дворце.

Теперь, когда Румия помогла ей надеть лиф, оставляющий открытыми ее роскошные груди, и юбку из серебристой материи, сквозь которую просвечивали ее стройные ноги,— она почувствовала на себе пристальный взгляд

Алии, сидевшей в окружении девушек с собачкой на руках. Так же, как у Тамары, у Алии были темные волосы, но если у Тамары они рассыпались кудрями, у бывшей наложницы хана волосы были прямые и ниспадали до пояса текучей темной массой. В то же время Алия была миниатюрнее Тамары и когда она танцевала, создавалось впечатление, что она легче воздуха. Она была приведена в гарем в двенадцать лет, после того, как ее, обессиленную и голодную, нашел на улице старьевщик, где она очутилась после того, как ее изнасиловал отчим. Хотя она выглядела отвратительно, он что-то в ней нашел, разглядел ее прелесть и отвел в баню. Затем, попользовавшись ею сам, привел ее во дворец к человеку, который отбирал девушек для гарема Шиг-Али. Тот купил девушку, зная, что ее молодость и нежные черты понравятся хану. После того, как старьевщик получил свои деньги, Алию поместили в гарем, где ее выкупали в душистых маслах и одели в халат, украшенный драгоценными камнями, а также в блестящую юбку. Затем ее отвели к человеку, ублажать которого навсегда станет ее главной обязанностью.

Шиг-Али был старый и обрюзгший, но по сравнению с отчимом и тем мужчиной на улице — о, ведь он был хан... тут не могло быть никакого сравнения.

Она взглянула на него смущенно из-под опущенных черных ресниц и тотчас очаровала его. Она держалась скромно и целомудренно, и хан воспылал страстью.

Он надел ей на тоненькую шейку изумрудное ожерелье, она рассмеялась, как ребенок, обвила его шею руками и прижалась к его груди своими маленькими грудками так, что он почувствовал почти болезненное вожделение. Он хотел приучить ее к плотским радостям постепенно, но она воспламенила его так сильно, что он не мог ждать — сорвал с нее юбку и овладел ею прежде, чем она поняла, что происходит. Тем не менее, она была на страже — знала, когда ей нужно закричать, чтобы убедить его в своей невинности, и это вызвало в нем нежные чувства, которые он испытывал к ней с тех пор.

Она быстро стала его любимицей. Он одаривал ее драгоценностями и экзотическими благовониями, приказывал подавать ей лучшие кушанья и приготовленные на меду сладости, которые она так любила.

Он даже подарил ей маленькую белую собачку, с ней она теперь не расставалась — это было единственное существо, которое она действительно любила.

Ее положение любимицы длилось только три года, оно закончилось той ночью, когда Тамара ворвалась во дворец в мужской одежде и выражалась столь грубо, как могут только мужчины на улице — Алия слышала это в те дни, когда еще не была приведена во дворец. Может быть, Шиг-Али это нравилось или же Тамара притягивала его чем-то другим?

Как бы то ни было, но с тех пор Алия больше не разделяла ханское ложе. Она продолжала наслаждаться жизнью в гареме, но закончилось время особого к ней расположения. Она была как старая кляча, которую держат из милости на пастбище, но на которой не ездят.

Теперь, в свои пятнадцать лет, она была в расцвете красоты, но Шиг-Али, казалось, этого не замечал, а никакой другой мужчина не мог даже приближаться к женщине из гарема.

— Сегодня я буду выбрана ханом на ночь,— прошептала Алия своей подруге Гале, светловолосой русской, украденной из семьи и проданной в гарем несколько месяцев назад. Галя удивилась: — Как ты это сделаешь? Ты же сама говорила, что с тех пор, как появилась Тамара, только ее он и выбирает.

— Сегодня я все изменю. Посмотри на меня и ты увидишь.

Все еще держа в руках собачку, она так повернула руку, что та увидела большой перстень, сверкнувший на левой руке. Она купила его у торговца-разносчика, который часто приходил во дворец и был одним из немногих мужчин, допущенных к гарему. Он торговал дешевыми безделушками и поделками, и Шиг-Али не видел ничего дурного в том, чтобы разрешить женщинам это короткое общение. Перстень у Алии был недорогой, блестящие камни были фальшивыми.

Но в одном месте, из-за того, что камень отходил, было небольшое отверстие, вполне достаточное для нескольких капель духов или большой порции порошка, который Алия насыпала туда несколько минут назад. Она отвела взгляд от перстня, улыбнулась Гале: — Не жди меня в гареме сегодня ночью.

Женщин позвал в главную залу звук охотничьего горна. Шелестя своими блестящими платьями, бубенцами и другими украшениями, они поспешно пробегали по коридорам дворца, едва касаясь босыми ступнями холодного мраморного пола.

Как всегда, Шиг-Али сидел на шелковых подушках, держа в руке золоченую чашу с кумысом. Перед ним

стояли инкрустированные драгоценными камнями подносы с изысканными яствами.

Его большой жирный живот выпирал из-под халата, как у беременной женщины, слишком длинные усы были намаслены и расчесаны, лысина розовато блестела в свете свечей. С радостью девушки окружили его, крича приветствия, целуя его в розовые щеки и хохоча, когда своими неуклюжими пальцами он щипал им груди или бедра. Они пили кумыс, который наливал им слуга Шиг-Али, и наперебой угощали своего господина деликатесами с драгоценного подноса. Как всегда, Тамара возлежала на подушках у его ног, угощаясь с его подноса и засовывая отдельные куски ему в рот.

В отличие от других она прислуживала ему по-своему и чувствовала себя в особом положении любимицы.

Она глотнула кумыса, и чувственно и лениво улыбнулась Шиг-Али.

— Как ты сегодня, моя красавица? — спросил он, поглаживая ее густые черные волосы.

— У меня был интересный день.

— Да? — Он наклонился и поцеловал ее в затылок.— Поделись со мной.

Тамара снова улыбнулась: — У меня был посланец из Москвы. Тебе будет интересно послушать, что я узнала.

Шиг-Али взял виноградину и положил ей в рот. Она медленно прожевала ее.

— Я не дождусь, когда мы останемся наедине.— Он взял ее руку и поднес к своим губам.— По многим причинам.

Тамара сделала глоток вина и встала: — Мне станцевать для тебя, мой господин?

— Ты осчастливишь меня, моя красавица,— ответил Шиг-Али.

Алия не слышала этого разговора. Но когда Тамара начала вставать, для Алии это было сигналом к действию. Усевшись на свободную подушку, она вопрошающе посмотрела на хана: — Могу я сесть, господин? Мне бы так хотелось посмотреть, как танцует Тамара.

Шиг-Али бросил на нее благосклонный взгляд. Она была таким милым и прелестным ребенком. Ему следовало бы уделять ей побольше внимания.

— Если хочешь,— он взял прядь ее черных волос и стал накручивать на палец. Возможно, сегодня... хотя нет. Тамара должна рассказать ему о вестях из русской столицы. Алие придется подождать до следующего раза.

Тамара начала танцевать. Колокольчики звенели на ее запястьях и лодыжках, прозрачное покрывало вилось вокруг гибкого тела. Она была не так легка, как Алия, но ее движения были уверенными и раскованными. Не сводя глаз с хана, она делала чувственные, дразнящие движения, будто раздевалась в его присутствии.

Алия посмотрела вокруг, чтобы убедиться, что все взоры прикованы к ее ненавистному врагу. Быстро, с кошачьей ловкостью, она пронесла перстень над бокалом Тамары, затем, прижав свою собачку к груди, закрыла перстень и откинулась на подушки.

Казалось, Тамара танцевала дольше обычного. Возбужденная событиями дня, она делала круговые движения, а ее босые ноги выделывали на мраморном полу сложные узоры. Она старалась танцевать рядом с ханом, позволяя ему восхищаться чарами ее тела сквозь прозрачный костюм и вдыхать изысканный запах благовоний.

Вдруг покрывало зацепилось за бокал с кумысом и опрокинуло его, кумыс разлился на белом мраморе беловатой лужицей. Но она продолжала танцевать. Подумаешь, пролилось немного кумыса! Слуги все уберут. Все уже забыли об этом, как вдруг услышали истошный крик девушки, сидящей у ног хана.

— Таха! — Алия бросилась на колени и подползла к своей собачке, которая выскользнула из рук и лизала пролитый кумыс.— Таха, нет! — она схватила собачку и зарыдала.

— Зачем так волноваться? — спросил ее Шиг-Али скорее недовольно, чем озабоченно.— Это всего лишь кумыс.

Но пока он говорил это, собачка завыла и задрожала в руках Алии. Ее тельце беспомощно забилось в конвульсиях, наконец, утихло и неподвижно замерло.

— Почему...— Галя, поспешившая к Алие, изумленно глядела на происходящее,— собака сдохла?

Глаза хана зловеще сузились.— Почему она сдохла? — Все было в порядке минуту назад. Он посмотрел на Алию: — Это из-за кумыса.

— Я... нет! Я не знаю! — Алия дышала с трудом, собака неподвижно лежала у ее ног.

Шиг-Али схватил ее за волосы и притянул к себе: — Это из-за кумыса. Что ты с ним сделала?

— Я не знала,— девушка была близка к истерике. Перестав танцевать, Тамара внимательно смотрела на нее.

— Я просто не хотела, чтобы она пила его...— Она начала всхлипывать, прикрыв лицо руками.

— Что у тебя на пальце? Где ты взяла эту вещь? — Шиг-Али уставился на блестящий перстень.

Алия отвела руки от лица.— Это перстень, господин. Я купила его у торговца...— Она спрятала руки.

— Дай мне сюда!

Алия отшатнулась от протянутой руки хана.— Я сказала тебе, господин. Это обычный перстень!

— Дай!

Дрожа от страха, Алия сняла перстень и вложила его в раскрытую ладонь хана. Хан поднес его к лицу и стал разглядывать. Его пухлые пальцы дотрагивались до камней, пока один из них не сдвинулся и не обнаружилось небольшое отверстие.

— Что здесь было? — спросил он. Он понюхал остатки белого порошка.

— Ничего! Я не знала об этом отверстии...

— Ты лжешь! — Шиг-Али был в ярости.— Ты хранила здесь яд и всыпала его Тамаре в бокал.

— Нет! — Алия оглядывалась, куда бы убежать и спрятаться, но со всех сторон ее окружали смущенные женщины гарема.— Клянусь тебе, я не сделала...

Капли пота выступили на лбу Шиг-Али. Он видел, что Тамара отпивала из чаши перед танцем. Должно быть, Алия подсыпала яд после того, как заняла место Тамары на подушках. Если бы покрывало не опрокинуло бокал! Тамара говорила о важных вестях из Москвы! Все бы пропало, Тамара бы ничего не сообщила!

— Стража! — заорал Шиг-Али.— Отведите эту женщину в темницу! Она обвиняется в попытке убийства!

Алия закричала, как безумная, и забилась в руках стражника, схватившего ее в железные тиски.

— Отпустите меня! Я не сделала ничего плохого! Ты ее должен арестовать.— Она высвободила руку и указала на Тамару.— Ее подослал русский царь.

— Уведите ее,— приказал Шиг-Али.— Содержать с пристрастием!

Позже в покоях ханской опочивальни Тамара льнула обнаженным телом к бархатному халату хана. Все мысли о его бывшей наложнице и отравленном кумысе были забыты. Тамара не знала, да и не хотела знать, что за наказание было уготовано девушке. В Казани она была с одной единственной целью.— Сначала к делу, моя оболь-

стительница,— сказал Шиг-Али, нежно отодвигая ее от себя,— мы будем наслаждаться после того, как ты сообщишь мне новости.

Тамара скривила губы. Ей совсем не хотелось близости с ханом, но она знала, как вести игру.

— Ты уверен, господин? — заупрямилась она.— Может быть, лучше поговорим после?

Шиг-Али приподнялся с ложа и потянулся за бокалом.

— Мне бы тоже этого хотелось,— заверил он ее.— Но ты сказала мне, что слышала о каком-то разговоре.

Лицо Тамары выразило разочарование, и она потянулась за своим золоченым бокалом. Понюхала, отпила немного: — У меня есть сообщение из Москвы от моих доверенных лиц. В Кремле большое оживление в эти дни.

Шиг-Али поднял кустистые брови: — С чем это связано?

Тамара внимательно посмотрела на него.

— Иван готовится к походу на Казань.

Шиг-Али серьезно кивнул.— Это новость. Важно то, что мы готовы к этому. И когда он готовит поход?

— Через одну-две недели. Войско готово, но случилась задержка.

— Какая?

— Царская семья в трауре. Старшая дочь Анна умерла.

* * *

Княжна Василиса Скурлатова, придерживая полы своего летника, смотрелась в зеркало. Черный цвет никогда ей не шел. Надо было покрыть также голову. Она не видела Анастасию с тех пор, как умерла ее дочь, но слышала, что горе чуть не свело ее в могилу. Это случилось так внезапно. Только что ребенок играл и через мгновение умер на ее руках.

Все готовились к похоронам, поэтому Василиса была в траурном платье. Она подошла к окну и посмотрела вниз. Возок, запряженный тремя лошадьми, стоял у входа. Она подумала, что пора.

Василиса шла по дворцу, выглядевшему мрачно и скорбно. Хотя панихиды обычно служились в Успенском соборе, царица подумала, что семейная церковь больше подходит для проведения церемонии для маленького ре-

бенка. Присутствовали только самые близкие из царской семьи. Остальные смогут присутствовать в Успенском соборе на погребении. Церковный воздух, насыщенный запахом ладана, смешивался с тяжелым ароматом цветов.

Василиса прошла мимо стражника и тихо села на заднюю скамью. Она видела небольшой гроб у алтаря и Анастасию, стоящую перед ним на коленях. Василиса поискала глазами Ивана. Она слышала, что эта смерть расстроила его планы, она отодвигала начало похода на Казань.

Служба была долгой и изнуряющей в душной часовне. Нескольким женщинам сделалось дурно, и у Василисы тоже закружилась голова, когда митрополит закончил, наконец, панихиду. Когда скорбящие стали выходить из церкви, Василиса увидела Ивана, он был бледен и помогал Анастасии подняться. Церемония в Успенском соборе была еще тяжелее. Почти вся Москва собралась здесь. Как будто день похорон мог быть поводом показаться на люди.

Наконец все закончилось. Траурно зазвонили колокола, и народ повалил на Соборную площадь, переговариваясь приглушенными голосами, будто еще находился в церкви.

Василиса с чувством исполненного долга поспешила к себе домой. Она предполагала, что рано или поздно может потребоваться Анастасии, несмотря на то, что та нуждалась только в единственном друге — княжне Ирине, которая была с ней рядом с первого дня постигшего ее горя.

Она перевела дух, проходя между дворцом и собором, и остановилась, завидев на тропинке черную одинокую фигуру. Она затаила дыхание. Это был Иван. Она остановилась и хотела повернуть обратно, но он почувствовал ее присутствие и поднял взгляд.— А, княжна Скурлатова. Ты раскрыла место, где я люблю побыть в одиночестве.

Василиса заговорила смущенно: — Я только хотела напрямик пройти во дворец. Я подумала, что могу понадобиться царице.

Иван спокойно смотрел на нее. Она приблизилась к нему. Он был в черном бархатном кафтане, богато расшитом золотыми узорами.

— Мне очень жаль твою дочь, государь. Это большое горе.

Иван встретился с ней взглядом, и она вдруг почувствовала слабость в коленях. Казалось, он ищет слова для ответа.

На нее вдруг нахлынули ранние воспоминания, и ее охватило желание как бы вычеркнуть из жизни то, что произошло потом, и убедить его, что именно ее он должен был избрать себе в жены.

— Благодарю! — ответил он, все еще глядя на нее своими большими темными глазами. Василиса подошла ближе: — Не будь безутешным, государь,— сказала она мягко.— В конце концов это была только девочка.

Глаза его зло вспыхнули, лицо потемнело: — Дочь мне не меньше близка.

Василиса глубоко вздохнула: — Если бы Анастасия имела сына... наследника...

— Наследника нет.— Его черные глаза вдруг стали холодными. Василиса почувствовала, что за ними скрывается сильная боль. Она сорвала черный платок с головы. Рыжие косы расплелись и волосы упали на плечи. Резким движением она бросилась в ноги царю и обняла его колени.

— Несчастье произошло не случайно,— рыдала она.

Затем, подняв голову, пристально посмотрела ему в глаза: — Господь был недоволен твоим выбором царицы. Ты должен это исправить.

Черные брови Ивана сошлись в одну линию.

— И что ты хочешь, чтобы я сделал? — безразлично спросил Иван.

Зеленые глаза Василисы засверкали. Улыбка озарила лицо: — Возьми меня,— прошептала она.— Я рожу тебе много сыновей.

Иван посмотрел на нее долгим взглядом. Сердце ее остановилось. Он обдумывал ее слова, она чувствовала это. Его глаза впились в ее тело. Она откинула волосы назад, думая, что произведет на него впечатление.

Ее лицо выражало сильное душевное волнение. Она уставилась на него, не в силах подняться.

— Шлюха,— заорал он.— Шлюха, сгинь с глаз моих, и чтоб я тебя больше не видел.

— Но, государь...

Ее сопротивление было остановлено резким ударом сапога. Она закричала от боли и попыталась подняться. Если бы она осталась на месте, он бы убил ее.

— Я отправляюсь в Казань,— с угрозой произнес он.— О том, что тут было, никто не узнает. Но если это повторится еще, ты лишишься своей бесстыжей головы.

Он зашагал прочь, оставив Василису, как брошенную кошку, и грубые бранные слова срывались с его губ.

* * *

Горячие сухие ветра дули над полями Казани, где воины Шиг-Али объезжали коней и отрабатывали приемы боевой борьбы в ожидании прихода русских. Сегодня татарское войско было не в полном составе, но тысячи две всадников носились по полям галопом, поднимая клубы пыли копытами коней.

Женщины из гарема Шиг-Али прибыли на поле с караваном, который предложил им хан для путешествия.

Хотя поездка и вносила разнообразие в их уединенную гаремную жизнь, большинство девушек чувствовали себя усталыми от длительной, тряской дороги. Утешало хотя бы то, что паранджа, от которой они отвыкли, прикрывала от пыльного ветра.

Алию — девушку из гарема, прежнюю любимицу Шиг-Али, везли в караване отдельно от остальных.

Ее везли в открытой повозке и она была вынуждена всю дорогу стоять, привязанная за выступ повозки. Ее сильно трясло, тело ее болело и поясница ныла, ее бросало из стороны в сторону, но высокие борта повозки не давали ей вылететь на дорогу. В течение всего пути жители Казани выходили из своих домов и толпами стояли на пути следования золоченых повозок с темными женскими фигурами и той повозки, в которой стояла обнаженная прекрасная девушка, привязанная, как свинья.

Тамара ехала во главе процессии с самим Шиг-Али. К ее большому неудовольствию, она была одета в ненавистные платья и паранджу. За время пути она время от времени откидывала покрывало с лица, пытаясь хоть как-то открыться, но хан тотчас приказывал ей закрыть лицо, и ей ничего не оставалось, как подчиниться. Только теперь она поняла в полной мере, что значит быть гаремной женщиной, которую балуют и лелеют в стенах гарема и от которой требуют грубого повиновения и оскорбляют за пределами гарема.

Пока они ехали на поле, Тамара все думала о том, что же произойдет. Алия — ее заклятый враг, она пыталась отравить ее, но вместо нее убила собачку — должна быть наказана. Тамара родилась в Казани, но выросла в Москве и совсем не знала казанских обычаев, как и того,

где и как должно было совершиться наказание. Она знала только, что с того момента, как произошел случай с отравленным кумысом, гарем был наполнен скорбью. Глаза женщин не просыхали от слез, их глупые шалости прекратились, не слышно стало смеха. Ночные увеселения в покоях Шиг-Али были намного тише, чем обычно. И хотя танцы не прекращались, бубенцы на запястьях и лодыжках уже не звенели так весело, как раньше, и улыбки были более сдержанными. Тамара спросила Румию, в чем причина всего этого, но девушка пожала плечами.— Я знаю только, что хан очень рассержен,— сказала она.— Алия совершила серьезное преступление. Я боюсь, ей придется заплатить за это слишком дорого.

Саму Алию увели из гарема в ночь преступления. Никто не знал, куда, но большинство женщин думали, что ее держат в подземной тюрьме. А когда слуга хана сообщил женщинам, что они должны быть готовы к выезду из дворца,— они догадались, что судьба Алии окончательно решена.

Ветер развевал ее волосы и они путались, пыль покрывала ее лицо, но бывшая любимица выглядела гордо и прекрасно, когда стражники освободили ее от пут и помогли выйти из возка. Остальные женщины были благодарны покрывалам, закрывавшим их лица: они боялись встретиться с ней взглядом. Алию не очень любили в гареме, но она была одной из них, и то, что случилось с ней, могло случиться с каждой. Это не угрожало только Тамаре — новой фаворитке Шиг-Али, она не боялась хана. Она жила только ради удовольствий и никогда не совершила бы поступка, который вверг бы ее в немилость.

Шум в дальнем конце поля заставил женщин отвлечься от Алии. Там толпились солдаты, одетые в цветные одежды. Они выглядели так, словно именно сейчас готовились вступить в бой. Покрытые паранджами головы повернулись назад к Алие, когда Шиг-Али дал команду и пешие солдаты потащили ее на середину поля. В тоненьких туфельках ей трудно было идти по неровному полю, она спотыкалась и один из солдат поддерживал ее.

Настало время молиться Магомету, и Румия упала на колени рядом с Тамарой и коснулась головой земли.— Я не могу смотреть. Скажи мне, когда это кончится.— Тамара, хотя и видела казни, ощутила тошноту от тяжелого предчувствия. Она все еще не знала, что ожидает ее предшественницу, но почувствовала огромное облегчение от того, что это происходит не с ней. Она с воз-

растающим ужасом увидела, как несколько огромных досок были сброшены в вырытую яму.

С первых минут приказа Алия, казалось, потеряла все мужество. Плечи ее поникли и она опустилась на колени. Когда она увидела, что перед ней разверзлась земля, она начала отчаянно биться, пытаясь ударить ногой своих мучителей и вырваться из их рук. Ужасные безнадежные крики разнеслись по полю, и все женщины, как и Румия, в ужасе упали на землю.

Одна только женщина наблюдала за казнью — Тамара, ее темные глаза не отрывались от бьющейся в смертном ужасе Алии, которую сбросили в глубокую узкую яму и стали по шею засыпать землей.

Уши Тамары слышали ее панические крики, а потом... зычным голосом было приказано конным проскакать по засыпанной яме.

Впервые в жизни Тамара Гитарай не хотела ничего, только бы заткнуть уши и не слышать ужасающих криков, закрыть глаза и не видеть разыгрывающейся сцены. Но она застыла на одном месте, вглядываясь в то место, где солдаты творили это страшное действо, где копыта передней лошади коснулись головы девушки, и ее прелестная головка превратилась в кровавое месиво, копну спутанных волос, клочья втоптанной в землю кожи, и два черных глаза выскочили из орбит, увидев последним взглядом железные подковы бешено скачущего жеребца.

Так Тамара поняла, что такое казанское правосудие.

Глава 15

Робкое апрельское солнце пробивалось к промерзшей за зиму земле. У окна кремлевского терема стояла Анастасия.— Я не вынесу,— говорила она Ирине.— Я похоронила дочь, а если теперь и Иван будет убит под Казанью, мне больше незачем жить.

— Побойся Господа, Настя! — успокаивала ее княжна.— Царь Иван помазанник Божий, всякая беда минует его. Он вернется с победой, иначе быть не может!

Но Анастасия была невесела. Лицо ее даже постарело от пережитой печали, под глазами легли тени, уголки губ опустились. Она тяжело вздохнула и села подле подруги.

— Я устала, вот и жалуюсь. Ни есть, ни пить не могу, да и тошнить меня что-то стало.

Ирина беспокойно вглядывалась в бледное царицыно лицо.

— Лекаря надобно...

— Ах, нет. Печаль — что за болезнь?

— Но отчего же тошнит?

— Не знаю... По утрам прямо невмоготу стало. И так не сплю совсем, а еще и это...

Ирина ласково улыбнулась и взяла ее за руку: — Тебе не нужен лекарь, Настя. Ты снова понесла.

Анастасия недоверчиво посмотрела на княжну, но в глазах уже мелькнула безумная радость.

— Ты... Ирина, неужели ты думаешь?..

Лицо ее просветлело.

— Дитя! У меня будет дитя! Господь услышал меня, сжалился над моим горем...

Сквозь слезы счастья она смотрела на образ Божьей матери и истово крестилась. Ирина тоже перекрестилась. Обе они тихо помолились.

— Ирина,— пролепетала царица,— Господь обещал мне сына.

* * *

Тамара проснулась. В богато изукрашенной узорами опочивальне Шиг-Али было непривычно тихо. Она понежилась еще, не открывая глаз, затем лениво и томно перевернулась, чтобы взглянуть на спящего хана: почему это он не храпит?

В постели никого не оказалось. Она удивилась: все знали, как любил хан долго спать. Тамара села в кровати и кликнула служанку. Подождав немного, она сама потянулась за зеркальцем и гребнем, лежащим на атласной лазоревой подушечке возле кровати. Настроение ее испортилось.

Где эта девчонка Румия? Что она себе позволяет?

Вбежала запыхавшаяся девушка, глаза ее были расширены от испуга.

— Где тебя носит? Ты же знаешь, я не могу закончить туалет без тебя!

— Прости, госпожа, я хотела найти тебе что-нибудь поесть.

Тамара фыркнула:

— С каких это пор ты вертишься на кухне? Для этого есть старый Ага.

— Но он ушел, госпожа. Вместе со всеми.

Тамара повернула голову к девушке и раздраженно спросила:

— О чем ты?

Румия еще больше съежилась и заикаясь ответила:

— Все ушли из дворца, госпожа, ушли еще ночью. И хан с ними.

— Что? — Тамара порывисто вскочила с атласных подушек.— Что ты мелешь?

Румия, испугавшись ярости госпожи, медленно отступала к дверям.

— Они сказали, что в Москву, госпожа, вместе с войском русского царя...

Тамара чувствовала, как бешенство охватывает ее! Значит, это правда! Конечно, как это похоже на трусливого Шиг-Али — уйти, как вор, под покровом ночи, узнав, что Иван собирается осадить Казань.

И все остальные, его советники и слуги, тоже ушли, трясясь от страха за свои головы.

Но почему же он не разбудил ее? Да потому, что слишком боялся, вот почему! Он ведь хотел на коленях умолять Ивана помиловать его, и как ему было не знать, что приведи он с собой Тамару, царь не простил бы его.

— Я уже собрала твои вещи, госпожа,— осторожно сказала Румия, осмелясь нарушить раздумья Тамары.— В конюшне осталось несколько лошадей, мы можем забрать их.

Тамара взглянула на нее, взметнув брови:

— Забрать лошадей? Для чего?

— Мы должны поспешить уйти, госпожа. Того и гляди сюда нагрянет новый хан.

— Какой новый хан? Как его имя?

— Эдигер, госпожа. Говорят, он молод, силен и очень смел.

Тамара задумчиво закусила губу. Молод и силен. Что ж, может, он окажется настолько сильным, что победит царя? Тамара не могла, как Шиг-Али, надеяться на то, что найдет убежище в Москве; она и пришла в Казань для того, чтобы отомстить, и теперь лелеяла надежду, что войско Ивана будет разбито. Почему она должна еще терпеть жирного Шиг-Али, который начинал ныть, как трусливый шакал, даже при виде сабли? Что ж, она ошиблась в нем. Но теперь слух об этом молодом хане вселил в нее новую надежду: он сможет выдержать осаду русских и не сдаст город.

— Мы остаемся, Румия,— сказала она решительно.— Ступай, принеси мои вещи.

Девушка испугалась:

— Остаемся? Но ведь сюда придет Эдигер! Говорят, он будет здесь до захода солнца.

Тамара улыбнулась:

— Что ж, мы будем ожидать его здесь. Скажи оставшимся слугам, чтобы они приготовились встретить нового хана.

Отстранив онемевшую от изумления служанку, Тамара подошла к зеркалу. Распустив волосы, она, казалось, внимательно изучала свое отражение. Знакомое

волнение пробежало по ее жилам. Она не ведала, что случится с ней к вечеру, но — была-не была! Теперь только одно занимало ее ум — Эдигер.

— Ступай,— велела она Румие,— и ничего не бойся. Ты со мной.

* * *

Василиса Скурлатова набросила зеленый летник, унизанный жемчугом, и подошла к зеркалу. Пристегнув на все пуговки шитое золотом и жемчугом ожерелье, она обернулась к архиепископу Сильвестру, который, сидя на кровати, наблюдал за ней.

— Что-то ты тихая сегодня, княжна,— сказал наконец он.— Что с тобой?

Василиса, не оборачиваясь к нему, принялась заплетать рыжую косу.

— Что с тобой?

«Вот старый дурак»,— думала она горько. Она с отвращением вспомнила, как он ласкал ее, как пухлые руки умело и быстро снимали ее одежды. Василису передернуло. Но, вспомнив, что он здесь, рядом, заставила себя улыбнуться, возвращаясь к кровати. «Иди же, иди!» — приказывала она себе. «Вся твоя жизнь зависит от этого человека».

Она присела на кровать. Сильвестр погладил ее по белой руке.

— Царица ждет меня, святой отец,— попыталась она закончить их свидание.

— Княжна, у царицы есть Ирина.

— Да, но...

— Василиса, я нашел тебе мужа,— вдруг сказал Сильвестр.— Знаешь ли ты князя Владимира Андреевича?

Глаза Скурлатовой просияли:

— Князь Старицкий, двоюродный брат царя?! Но почему его не видно при дворе?

— Он живет в своем имении.— Архиепископ помолчал, а затем с лукавством сказал: — Он очень хорош собою! Статен, высок, белокур.

Василиса настороженно смотрела на Сильвестра: неужели это правда? Или он хочет чего-то от нее добиться и подстроил ловушку?

— А что скажет мой брат? Он...

— Он... согласится, дитя мое. Он уже согласен.

Она не верила своим ушам. Архиепископ угадал причину ее смятения.

— Ты удивляешься, Василиса, что я отдаю тебя другому? Владимир со мной заодно.

Княжна по-прежнему ничего не понимала:

— О чем ты, Отче? В чем он заодно с тобой?

— Слушай меня: у царя нет наследника. Ежели он умрет...

— Умрет? Но Иван молод и крепок.

— Пути Господни неисповедимы. Слышала ли? Опять мутят воду казанцы. Царь готовится к войне. А там все может быть...

Василиса задумалась:

— Но у него есть брат Юрий.

— Он болезнен и немощен. Не быть Юрию на троне.

— А Владимир... Он... как он сможет стать царем?

— Это будет непросто, княжна.

Василиса нахмурилась.

— Ты советник у царя, все знают, что верен ему. Если не Юрий...

— Забудь Юрия! — воскликнул Сильвестр.— Меня слушай! Ох, и суетлива ты, девка! Я-то ведаю, что хочешь ты быть царицей!

Василиса почти задыхалась от волнения:

— Да, да, Отче! Но скажи мне, что тебе до того? Отчего ты обо мне так печешься?

Сильвестр томно улыбнулся.

— Да есть кое-что, милая, что и мне перепадет.

Он неожиданно сильно притянул ее к себе и страстно зашептал, дыша прямо в ухо:

— Поди сюда, ко мне ближе. Никак не могу насладиться тобой.

Василиса позволила нетерпеливым рукам снова разоблачить себя от одежд, но мысли ее были далеко. Пусть делает, что хочет, лишь бы быть ей русской царицей!

* * *

Иван нежно прижал жену к своему сердцу, потом взял руками ее голову, отстранив от себя: как в последний раз, посмотрел в печальные глаза. Наклонился, поцеловал страдальчески изогнутую бровь. Ох, как тяжко мне оставлять тебя, голубка моя. Обнять бы, защитить тебя от всех горестей...

Он посмотрел на нее грустным долгим взглядом: — Ты словно бы хочешь, чтобы поскорее ушел я.

— Нет, Иван, нет! — Анастасия порывисто обняла его плечи, приподнявшись на носках.— Я так несчастна без тебя, ничто не веселит душу, все только и думаю о тебе: я же, хоть и царица, но живая, любящая! Но, видать, так уж предназначено нам с тобой — жертвовать собой ради Руси.

— Настя... — слова замерли у царя на устах, и он склонился к ее такому любимому лицу: — За что мне вверено такое сокровище, как ты? За что? Знаешь ли ты, как дорога мне? Как горд я, что ты — жена моя?

Она стыдливо зарумянилась, и он в который раз уже поразился, как она красива, несмотря на горестные складки у рта, залегшие после смерти их дочери.

— Это я горжусь,— мягко ответила она,— что избрана самым замечательным человеком на свете...

Иван шутливо прикрыл ей рот ладонью: — Шш-ш! Не говори такого! Грешен я, Настя, ох, как грешен. Господь воздаст мне за все...

Анастасия нахмурилась, покачала головой:

— Знаю я про то, что митрополит винит тебя за пожар, но ведь и меня в том винили! Иван, ты так молод, кровь-то бродит, вот и... А ребенком тебя настращали бояре... Как же можно было дитю малолетнему вынести все ужасы...

...Она все говорила, а царь вспоминал то время, когда умер его отец, Василий III, когда запах смуты уже витал среди нахохлившихся, темных душой бояр. Что было ждать Елене для своего сына — похищения, отравления? Сидела она с двумя детьми — с ним, с Иваном да с Юрием — словно раненая львица над детенышами... Мог ли он забыть это? И, возмужав, порой со злорадством упивался своей жестокостью.

— Настя, ежели не вернусь из-под Казани... — он хотел подготовить ее, но осекся, увидев, как ужасом наполнились ее глаза, дрожь сотрясла тело.

— Не говори так, Иван!

— Ты должна быть готова: это же война.

— Нет! Пока с тобой Господь, он защитит тебя!

Иван пожалел ее:

— Ладно, твоя правда, но знай, Настя: коли что случится со мной, некому станет оберегать тебя.

— Нет, Иван,— голос царицы стал хриплым от волнения,— меня будет кому беречь: я ношу под сердцем твоего сына.

Он застыл, немея от радости. Потом осторожно положил руку на ее живот, уже выдающийся под летником, и порывисто обнял за плечи. «Я стану молиться за нее... и за него»,— думал он, гладя Анастасию по животу. «Пусть он вырастет и будет ей защитником... если не станет меня».

* * *

Ханский дворец стоял заброшенным и сумрачным, когда Эдигер Мохаммед со свитой миновали незапертые ворота и спешились у замысловато украшенной двери.

— Увы, повелитель, я не смог выслать вперед слуг,— сказал, обращаясь к Эдигеру, его верховный советник Амин Дервиш.

Они проходили громадной залой, где повсюду видны были знаки поспешного бегства: были выдраны каменья из драгоценных ваз, пропали статуэтки и все то, что прежде заполняло каждую нишу и ослепляло взоры. — Но сейчас я велю раздуть огонь и приготовить пищу.

— Ночь будет холодной,— ответил Эдигер, вглядываясь в дворцовые комнаты, погруженные в темноту, и пытался представить, каков его новый дом.— Там в бурдюках кумыс, есть еще мясо и дичь,— добавил он, поеживаясь. Из-под тяжелого дорожного плаща он достал сосуд из кожи, который всегда носил с собой, ловким движением большой кисти откупорил его и, откинув голову, жадно отпил. Затем передал его Амину.

— Но ночь только вступает в свои права, повелитель,— вкрадчиво сказал Амин, возвращая фляжку после того, как утолил жажду.— Не позаботиться ли нам об отдыхе?

— Мудрый совет. К утру мы должны восстановить утраченные силы. Если верить моему лазутчику, все драгоценное время, что есть еще у нас, нужно отдать защите Казани.

Двое мужчин со следовавшими за ними тенью слугами и советниками поднялись по внушительной лестнице, чтобы найти подходящее место, где бы все провели ночь.— Шиг-Али со своими псами увезли почти все,— с кислой усмешкой заметил Эдигер, проходя одну за другой пустые комнаты.— Остальное прихватила стража.

— И невольниц тоже,— Амин заглянул в обтянутый атласом зал, где жили гаремные девушки и где теперь валялись опрокинутые бутылочки с благовониями, баш-

мачки, осколки разбитых ваз, спутанные ленты,— все говорило о поспешности, с которой здесь собирались.

— Не будем рассеивать наше внимание,— сказал хан. Он тронул за железную дверь, которая вела в покои Шиг-Али. Как и все двери во дворце, она осталась незапертой.— Именно здесь я и останусь: надеюсь, хоть кровать-то Али оставил?

— Я пошлю слуг за кушаньями, повелитель? Они сейчас же распрягут лошадей.

— Говоря по-правде, я не голоден, Амин. Ты можешь разделить трапезу с остальными.

Советник подобострастно закивал: — Как пожелаешь, повелитель. Да пошлет тебе Аллах спокойного сна!

— Да, Амин, я засну, как убитый.— Он сжал плечо друга: — Мы связаны с тобой многим, ты и я. И если Аллах захочет так, чтобы мы отстояли Казань у русского царя, путь к невиданному могуществу и власти откроется нам!

— Иначе я не мыслю, повелитель,— с готовностью отвечал Амин.— Итак, до утра. Остаюсь твоим верным рабом.

Эдигер прошел через пышно убранные покои, где Шиг-Али заставлял гаремных девушек развлекать его перед тем, как удалялся с одной из них в опочивальню. Держа в руке свечку, зажженую для него одним из слуг, он открыл дверь опочивальни и остановился пораженный, увидя горящие свечи. Рука хана скользнула к ятагану, висящему на боку, и он опасливо огляделся. Кто-то здесь есть? Не слуга ли Шиг-Али остался, подосланный, чтобы дождаться его здесь и убить? Бесшумно он подкрадывался к громадной кровати, покрытой бархатным покрывалом. Держа свечу в протянутой руке, он посмотрел на то, на что упал свет. Там спала девушка с волосами цвета эбенового дерева и гладкой смуглой кожей. В сонном покое ее лицо было ослепительно красивым. Приподняв от изумления густые брови, Эдигер подошел ближе и осторожно снял с нее покрывало.

Девушка была совершенно нага. Ее тело было гармонией изгибов и впадин. Он разглядывал ее тонкую талию, плавно переходящую ниже в ровные округлости ягодиц. Вытяни он шею и загляни чуть вперед, его взору открылось бы то, о чем он только догадывался — изумительной формы груди.

— Ай! — вдруг открылись темные, завораживающие глаза и уставились на него. Осознав, что она нагая, де-

вушка схватила покрывало и натянула на себя.— Кто ты? — все еще придерживая покрывало, она села на кровати и беспокойно ждала.

— Я ожидал, что ты скажешь, кто ты,— Эдигер рассматривал ее с изумлением.— Тебя бросил здесь Шиг-Али?

В ответ на это глаза ее сузились и жестко сжались губы.— Никто не посмел бы сделать этого,— произнесла она с царственным достоинством.— Я — Тамара Гитарай.

Но Эдигер слышал это имя в первый раз.— Что ж,— произнес он задумчиво.— А что ты делаешь в ханской постели, Тамара Гитарай?

— Я ожидаю хана.

Он широко улыбнулся: — Долго же тебе придется ждать: Шиг-Али уж, наверное, на полпути к Москве.

— Но не Шиг-Али я жду.

— Кого же тогда? — на лице Эдигера отразилось любопытство.

— Новый хан придет сюда. Грозный воин, он готовится отстоять Казань у русских.

Эдигер рассеянно покачал головой: — Грозный воин, говоришь ты? Что еще известно тебе о нем?

— Говорят, он очень высок и невероятно силен. И еще говорят, что он — не простой смертный. Он темен, как Сатана, и...— она осеклась, вглядевшись в его лицо, рот ее изумленно приоткрылся: — Это ты! — вскрикнула она, сжав покрывало.— Эдигер Мохаммед — это ты!

— Ты догадлива.— Его улыбка все еще оставалась настороженной. — Но это не объясняет, почему я нашел тебя в моей кровати.

Она изучала его сквозь полуопущенные ресницы. Хотя и ожидая увидеть статного мужчину, она даже вообразить не могла, что хан так красив! Все тело ее затрепетало. Какую удачу послал ей Аллах: и хан, и красавец! Не то, что омерзительный жирный Шиг-Али.— Говорю тебе,— ее чувственные губы тронула улыбка,— я ожидала тебя.

— Почему ты ждешь здесь? — Глаза их встретились: она видела, что он уже заворожен ею.

— Но не самое ли прекрасное место — кровать? — спросила она медоточивым голосом.— Мне известно, что ты изнурен долгой дорогой. И в этом пустынном дворце кто как не я сможет отогреть тебя, нарушить твое горькое одиночество вдалеке от твоего дома? — Нарочи-

то медленно она приоткрывала свое тело, бросая покрывало. Грудь ее соблазнительно вздымалась. Такая же черная, как волосы, виднелась теперь кисточка между ног, закручиваясь кольцами у самого потаенного ее сокровища. Эдигер почувствовал, как напряглось его тело.

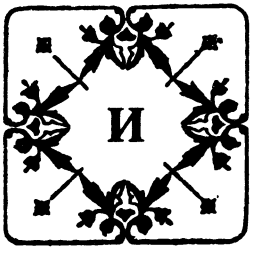
Стараясь овладеть собой, он все еще подозрительно спросил: — Что тебе нужно от меня? Почему ты не убежала, как все?

— Потому что я знала, что моя судьба — здесь,— нежно вздохнула она. Она положила точеную руку на место рядом с собой: — Иди ко мне, мой повелитель. Позволь мне оказать тебе достойные тебя почести. А потом мы найдем время для беседы.

Он еще колебался. Вдруг здесь таится угроза его жизни? Не со злым ли умыслом осталась она после бегства Шиг-Али? Но она обнажена и не прячет оружия на себе, фляжка же с кумысом — у него, значит, ей не удастся отравить его. Его глаза утопали в ее теле, обещающем так много удовольствия. Чего же он ждет? Хан сбросил плащ. Ночь холодна, а она полна огня. Оставив одежду на полу, он отдался во власть восхитительных рук.

— Я темен, как Сатана! — горько усмехнулся Эдигер.— Что ж, мы отложим нашу беседу, как ты хочешь, Тамара Гитарай.

Глава 16



ван со своими войсками, превышающими численность в сто тысяч воинов, подошли к Свияжску, готовые к битве и горящие желанием раз и навсегда покончить с неверными.

Свияжск, находящийся всего в одном дне конного пути от Казани, был построен два года назад для отпора татарам. С хоругвями, крестами и высоко поднятыми иконами блистательная армия подошла к городку под крики и приветствия ратников, бояр и князей, которые ждали момента, когда будет, наконец-то, предпринята новая попытка осады татар.

Князь Андрей Курбский и Шиг-Али, бывший хан Казани, следуя за Иваном, рысцой проехали городские ворота. Али стремился в Москву. Чуть только прослышав новость о готовящемся нападении на город, он бросился Ивану в ноги, клянясь в верности и выразив желание обратиться в христианство и присоединиться к цареву войску во время битвы с неверными. Теперь он занял положение ближайшего советника Ивана, поскольку знал татарский язык и их свирепые приемы в бою. И если он и тосковал порой по тем дням, когда правил великим городом, поклонялся Аллаху и испытывал все возможные физические наслаждения, — как только он вспоминал, что ему удалось сохранить голову на плечах, этого оказывалось достаточным, чтобы убедить себя не

нарушать долга, находясь в устрашающем лагере русских.

— Жители Свияжска рады приветствовать тебя,— сказал Андрей царю.— Они долгое время ждали этого дня.

— Так же, как и я,— ответил Иван.— Должно было пройти два года, чтобы приготовить наши войска для битвы с нашим врагом. Но теперь, с Божьей помощью, мы навсегда покончим с татарами.

Михаил Воронский, воевода, представлявший царскую власть в Свияжске, приветствовал царя. Отважный, бесстрашный, жестокий в бою, он провел последние недели в подготовке новых поселений для приема русского войска.— Увы, мы не завершили постройку всех домов,— извинялся он, низко склоняясь над нанизанной перстнями рукой Ивана.— Палаты для тебя, государь, готовы. Но я боюсь...

— Палаты? — прервал Иван, сардонически подняв выразительные брови.— Разве это нужно для царя? — Он пронзительно расхохотался.— Я буду жить в палатке, как мои ратники.

— Но, государь, твой покой...— Воронский провел эти дни, подгоняя работников потоками брани, и частенько использовал кнут, чтобы дело спорилось.

— У меня только тогда будет покой, когда я войду в ханский дворец,— ответил Иван, лукаво обернувшись к Курбскому и Али.— Идем. Есть о чем потолковать.

Царская палатка была просторна и небогато обставлена. Лишь шкурки русского соболя, которые служили Ивану покрывалом на кровати, отличали ее от палаток воевод. Грубо сколоченный стол занимал другую сторону, и именно за ним царь и его советники составили письмо, которое намеревались послать хану Эдигеру. Шиг-Али, хорошо знающему язык, поручили сделать перевод.

«Подчинись!» — гласило письмо. «Подчинись, и ты будешь помилован Иваном IV, царем всея Руси. Подчинись, и все твои жители получат помилование. Откажешься — и пожалеешь впоследствии».

— Едва ли ты дождешься, чтобы он уступил,— заметил Шиг-Али, приступая к переводу на татарский язык.— Эдигеру наплевать на это воззвание.

— Тогда я получу его голову... а его язык нацеплю на копье,— холодно отпарировал Иван.— И он не сможет больше плевать.

В ожидании ответа хана русские составляли планы баталий и довольствовались обширным провиантом в виде мяса, рыбы, фруктов, орехов и вина, который доставляли им на лодках торговцы, смекнувшие уже, что возвышение городка Свияжск — редкая возможность пополнить свои карманы. Спустя семь дней гонец доставил письмо в шатер Ивана. Шиг-Али снова понадобился как толмач.

— Оно от Эдигера,— подтвердил он, медленно водя указательным пальцем по строчкам.— Все, как я и предсказывал. Он не подчинится. Именем Казани он проклинает царя, Русь и христиан.— Он замолчал, задумавшись.

— Что-нибудь еще? — спросил Иван; его лицо порозовело от нарастающей ярости.— Он осмелился сказать еще что-то? — он вырвал из рук Али страницу, но, будучи не в состоянии расшифровать писание, бесцеремонно швырнул его в своего татарского советника.

— Он приглашает нас войти в город,— медленно произнес Шиг-Али.— Он хочет говорить с нами за своим столом.

— Его столом? Грязное отребье ожидает, что царь всея Руси сядет с ним за один стол? — Иван обернулся и шагнул за порог шатра.

— Он говорит, что готовится пир.— Шиг-Али смотрел на Ивана.— Должно быть, он хочет примирения. А может быть... — он внезапно прервался и вытер крохотные бусинки пота со своих кустистых бровей.

— Да? Продолжай.— Андрей Курбский встал за плечом Али.— Не держи нас в неизвестности.

Али вздохнул: — Это может быть... западня.

Иван расхохотался. — Может быть? Это и есть западня! Как могут неверные ожидать, что мы попадемся на их удочку!

— Возможно, это действительно приглашение,— размышлял Андрей, задумчиво поглаживая подбородок.— Я слышал: Эдигер слывет ученым. Возможно, он ищет примирения!

— Человек, проклинающий христиан, ищет примирения? — Иван посмотрел на Курбского так, словно тот сошел с ума.— Ну же, Андрей, что предлагаешь?

— Мы не можем поступить опрометчиво, у нас более ста тысяч воинов, готовых к битве с казанцами. Без со-

мнения, мы сможем победить. Но во всех войнах есть потери... страдания. И если есть возможность примирения...

— Довольно! — воскликнул Иван с жестом, отклоняющим это предложение.— Мы не поступим опрометчиво. Мы станет ждать в Свияжске высшего знака.

— Знака, государь? — Шиг-Али считал многие поступки Ивана таинственными.

— Мы пойдем к воротам Казани с именем нашего Господа, Иисуса Христа,— Иван говорил с необычным спокойствием.— И когда придет время осадить город, Господь возвестит нас об этом.

Следующей ночью знатный житель Казани показался в воротах Свияжска с женой, тремя детьми и двумя слугами. Михаил Воронский, поверив рассказанному им, привел их всех в царский шатер.

— Государь, мы перебежчики,— сказал Ивану мужчина, становясь перед ним на колени.— Нам не по душе Эдигер и его приспешники. Мы хотим быть с Русью и принять христианство.

— Добро пожаловать в Свияжск,— ответил Иван, делая ему знак подняться.— Но ты должен поведать мне, что делается в Казани. Что за намерение у хана?

Беженец, казалось, был сбит с толку.— Его намерения? — повторил он беспомощно.— Мой господин, он собрал почти тридцать тысяч воинов. У него пушки... провизия... Он будет оборонять Казань, пока не погибнет!

На следующее утро Иван стоял в поле за чертой Свияжска, окруженный своими самыми преданными советниками и молодыми, крепкими ратниками. Напротив него два священника держали стяг с изображением лика Христа. Иван перекрестился и заговорил громким, звучным голосом, не отрывая глаз от стяга:

— Господи, с именем твоим мы идем вперед! Ты подал знак.

* * *

Башенки и башни Старицкого дома, некогда крупного поместья, принадлежащего двоюродному брату царя, князю Владимиру Андреевичу, все еще сохраняли сказочный вид, и, несмотря на запущенность, все еще теплилась надежда, что наступит день, когда возродится их

былое величие. Ничто давно уже не нарушало покоя обитателей усадьбы.

Евфросинья Старицкая, в прошлом необыкновенная красавица, сидя в тяжелом дубовом кресле, неторопливо просматривала привезенные гонцом письма.

Все же — тут старая княгиня тяжело вздохнула — она должна радоваться, что не всеми еще забыта, живя в изгнании в своем поместье — этой пародии на царские хоромы. Размышляя таким образом, она вдруг нащупала своими скрюченными подагрой пальцами особенно толстый пакет, запечатанный воском, подписанный архиепископом Сильвестром. Она удивленно повертела его в руках: давно уже в Старице не получали посланий из Кремля. Давно уже Евфросинья и ее сын — самые ближние родственники царя — были отстранены от государева двора, сразу после смерти в тюрьме ее мужа, князя Андрея Ивановича.

Ее выцветшие от старости голубые глаза под дряблыми веками сузились, когда она вскрыла печать ножичком с костяной ручкой: архиепископ Сильвестр... Что бы это значило?

Послание состояло всего из нескольких строк. Но княгиня перечла их дважды, трижды, словно впитывая каждое слово, перебирая в уме все ходы. Евфросинье не в новинку были дворцовые интриги. В молодости, будучи невестой князя Андрея Старицкого, шурина Ивановой матери, Елены Глинской, она жила при дворе. Но Андрей попал в немилость. Двух его старших братьев обвинили в заговоре и оба они умерли в темнице. Андрея же сослали в это имение в Старице, и тут он тихо жил, но и его обвинили, что он якобы претендовал на трон, и бросили в темницу, где он и умер. Несчастная Евфросинья, перепуганная до смерти, ожидавшая расправы и над собой, бросилась тогда в ноги Елене, умоляя о защите. Та позволила ей жить в старицкой усадьбе с малолетним сыном. С тех пор минуло много лет, прожитых в страхе, бедности, без всякой надежды.

То, что делалось в Москве, доходило до нее с запозданием, все слухами да отголосками: она, конечно же, знала о женитьбе Ивана, о рождении двух его дочерей, о походе на Казань. Но царь не вспоминал ни о ней, ни о брате.

Евфросинья с подозрением вертела письмо архиепископа. Подумав немного, кликнула дворовую девку, чтобы та разбудила князя.

Сын — стройный, широкоплечий, с волосами цвета спелой пшеницы, с глазами синими, как речные глубины в погожий день — вошел в ее опочивальню.— Матушка, ты нездорова? — с нежной заботой спросил он, подходя ближе.— Отчего не спится тебе?

Евфросинья приподнялась на подушках и вперила в него острый взгляд.

— Весть пришла,— произнесла она тихо, стараясь не выдать волнения.— Поезжай в Москву. Тебя... ждут.

* * *

Улицы Казани опустели. Всегда оживленный базар теперь словно вымер. Не было слышно гомона голосов, ржания лошадей — словно по волшебству, город обезлюдел, жизнь в нем замерла. Русское войско, входящее через ворота с обнаженными саблями и заряженными мушкетами, не встречало сопротивления: никого не было.

— Что это значит? Куда они делись? — хмурился Воронский, ехавший верхом бок о бок с князем Курбским. Лишь одно это разносило топот лошадиных копыт.— Не могли же все сбежать,— говорил он Андрею, озираясь по сторонам.

— Они все укрылись в крепости,— уверенно ответил князь, указав рукой на цитадель наверху.— Там достаточно места, чтобы принять весь город.

— Тогда мы достанем их оттуда.— Воронский уже отдавал приказание своим людям.— Мы возьмем ворота штурмом.

Как и город внизу, крепость безмолствовала. Воронский послал всадников к воротам, чтобы разведать, как лучше начать осаду. Ворота были в два роста человека и очень крепки. Протаранить такие было трудно.

— Придется подкатить пушку,— решил Воронский.

Но не успели воины приготовиться к натиску после удара пушкой, как вдруг ворота отворились сами, и лавина татарских воинов смяла русских: конные и пешие, они, как ураган, налетали с дикими криками, рубя головы. Царское войско, растерявшись от неожиданного нападения, пришло в смятение и дрогнуло. Воины побежали, и на их головы обрушилась туча татарских стрел, пущенных со стен крепости. Русские остановились, устыдившись своего внезапного страха, и вскоре уже перевес в силе стал на их стороне, и уже многие татары бы-

ли захвачены в плен. Но все же русские были опечалены военной хитростью казанцев.

* * *

Эдигер, согнувшись, вошел в низкий шатер, раскинутый для него здесь, на вершине, в центре крепости. Он был доволен исходом боя: его тактика оказалась удачной: русские были захвачены врасплох. Эдигер самодовольно ухмыльнулся: мы еще покажем себя русскому царю!

В шатре его дожидалась Тамара. Увидев его, она мягко соскользнула с бархатного ложа, опустилась перед ним на колени.

— Мой повелитель! Я знала, что ты одолеешь своих врагов...

Эдигер, смущенный ее нежданным появлением, слегка отстранил ее, стараясь сохранять хладнокровие полководца, но страстный любовник уже проснулся в нем при одном взгляде на Тамару.

— Что ты делаешь здесь? Это не место для женщин. Пойми, Тамара,— это война...

— Тогда я стану воином! — дерзкие черные глаза блеснули под упавшей прядью кудрей.

Эдигер на мгновение застыл, потрясенный. Он не переставал удивляться этой женщине с самой первой встречи, когда обнаружил ее обнаженной в опочивальне Шиг-Али. Ей не было равных в искусстве любви, но она еще была умна, и казалось, что не было ничего на свете такого, что помешало бы ей достичь своей цели.

Он поневоле улыбнулся ей и обнял за тонкий стан. Осмелев, Тамара прижалась к его сильному телу, провела рукой по линии лба, носа, губ.

— Ты помнишь наши ночи во дворце?

Как мог он забыть про это? Мир там, за окнами ханского дворца, исчез: были только жаркие объятия, порывы страсти двух тел, ее нежная кожа, полуприкрытые глаза...

— Мы отпразднуем эту победу с тобою вдвоем, мой повелитель,— ее руки уже гладили его тело под кафтаном.

— Тамара... мы в крепости. Здесь кругом воины...

— Никто не войдет сюда,— слышал он страстный шепот.— Я велела им уйти. Видишь? Сегодня ночью повелеваю я.

Эдигер потерял голову, увидев обнажившиеся спелые груди с нежными розовыми сосками.

— Тамара, нет... Не теперь...

— Наша любовь не может ждать. А о войне подумаем завтра.

Он из последних сил еще пытался спорить с самим собой: сегодняшняя победа — это ведь только начало. Ивана раздражит эта неудача, он знал это, и сегодня вечером Эдигер хотел продумать новый план действий... Но с ней было так хорошо... Он устал, а она так нежна...

— Завтра,— бормотал он, беря ее на руки и кладя на ложе.

* * *

Начались дожди, и лагерь русского войска почти смыло поднявшейся в берегах рекой. К тому же во время наводнения затонули лодки с провиантом и порохом. Когда на четвертый день стихия угомонилась, и робко выглянуло солнце, лагерь русских был полностью разрушен.

— Господь покарал нас,— тихо проговорил Курбский, когда они с царем объезжали верхом разрушенные склады и палатки.

— Нет, он ведь оставил в живых моих воинов,— ответил царь.— Пусть он смел наши укрепления, но мы все равно близки к цели. И пусть казанцы нынче празднуют в теплой сухой крепости, спокойно поджидая перемены погоды. Глупцы! Я равно возьму их город, в снег ли, в дождь ли. Вели, князь, копать новые укрепления. Казань мне покорится!

* * *

И вновь разыгралась борьба за город. Русское войско — обсохшее, накормленное, воодушевленное царем, снова и снова бросалось на штурм крепости.

Когда русские приставили лестницы к высокой стене, осажденные стали лить им на головы кипящую смолу, а затем посыпались хвостатые огненные стрелы. Потом говорили даже, что казанцы оборонялись с помощью колдовства: женщины и мужчины взбирались на стены и что-то громко кричали русским. Многие ратники пугались.

— Что бы там ни было, время не ждет,— тревожился Курбский.— Наши воины сильны и бесстрашны, они могут сражаться и с неверными, но не с ведьмами.

Иван решил тогда окропить весь русский лагерь святой водой, дабы оградить свое войско от дьявольских происков. Теперь ратники не боялись злобных выкриков, но Курбскому было любопытно смотреть на это. Однажды он заметил, что на стену вышла молодая женщина.

Черные волосы развевались по ветру, издали виднелась ее красная рубашка. Андрей усмехнулся: его зоркий глаз разглядел ее лицо, и ошибиться он не мог. Это могла быть только Тамара Гитарай.

Битвы не прекращались весь сентябрь. Хотя русские во много раз превосходили числом осажденных, город не желал сдаваться. Тогда Иван велел привязать к столбам прямо у ворот крепости несколько захваченных татар, надеясь, что их жалобные стоны заставят сдаться остальных. Но вместо этого со стен стали стрелять из лука по несчастным, пока не убили их, крича: «Уж лучше принять смерть от своих, чем от русских!»

Но царь был упрям. Прорыв бесчисленное множество глубоких каналов, его воины нашли источник, откуда брали воду для питья казанцы, и перекрыли его. Но и без воды осажденные не запросили о пощаде.

— Мы должны взорвать часть города,— предложил Воронский царю на совете.— Тогда посмотрим, сумеют ли они затеять с нами хитрые игры.

В последний день сентября Иван долго молился в полевой построенной часовне, чтобы Господь послал победу русским. Он стоял коленопреклоненный, шепча молитвы, когда раздался страшный грохот, вспоровший тишину воскресного утра. И еще раз прозвучал громоподобный взрыв: это был знак к штурму.

Надежды казанцев рухнули, когда русское войско заполнило улицы, оставляя везде кровь и бездыханные тела. Последние выстрелы слышались уже в глубокой ночи. К утру стало ясно: Казань завоевана.

* * *

— Нет! Ты не сдашь город! — Тамара, бледная от ярости, набросилась на хана.— Трус!

— Тамара,— спокойно отвечал ей тот.— Неужели ты не видишь, что мы проиграли эту войну?

— Но мы можем уйти сейчас, чтобы набрать новую, свежую армию и отвоевать город! Эдигер! Казань еще жива!

Хан беспомощно улыбнулся.

— Мы уже сражались, любовь моя. И проиграли сражение.

— Но что же ты будешь теперь делать? Если ты не сдашься Ивану, он убьет тебя.

Эдигер пожал плечами: — Тогда я сдамся.

Она схватила его за рукав кафтана с такой силой, что материя затрещала:

— Что?! И ты так легко говоришь об этом?

Эдигер взял ее руки и поцеловал их.

— Тамара, я спасаю свою жизнь.

Она с омерзением отшатнулась, вырвав руки, на которых этот трус посмел оставить свои поцелуи.

— А как же я?

Внутри у нее все похолодело от горького разочарования в этом красивом воине, который оказался таким ничтожеством.

— Я возьму тебя с собой в Москву.

— В Москву? — она была ошеломлена.— Так ты едешь в Москву?

Эдигер печально кивнул:

— Для меня есть только одно спасение — проситься на службу к царю.

Тамара была вне себя: что еще было нужно этому честолюбцу? В Казани он купался бы в золоте, но нет! Он тянется к царю, чтобы получить еще больше богатства, земель... а вернее спасти свою жизнь. Тамара мстительно сузила глаза: как же он возьмет ее с собой? Как же примет ее царь?.. Но не может же она остаться здесь, надо что-то придумать...

Когда она подняла голову и посмотрела ему в глаза, в них не было и тени гнева: огромные, нежные и страстные, они потрясли Эдигера.

— Ты возьмешь меня, правда? Ты не сердишься на меня?

Эдигер не мог долго вынести этого кроткого голоса. Он был воином, жестоким и беспощадным, кровь закипала в нем, если что-то было ему не по нраву. Но под взглядом этих чарующих глаз он чувствовал себя неспособным бороться. Бешеное желание захлестнула его. Он взял ее руки и нежно сжал их:

— Я скажу царю, что беру тебя в жены.

* * *

Дикая, слепящая боль поднялась откуда-то снизу и лавиной захлестнула все ее тело, содрогнувшееся на постели.

— Господи, пощади... нет мочи... Не могу больше! — Волосы ее спутались и намокли от пота, глаза покраснели от слез. Анастасия металась в жару на пуховой посте-

ли, то прося Бога избавить ее от мучений, то стонала от боли, то хотела умереть.

— Настя! Потерпи, душенька! Ты должна вытерпеть! — доносился до роженицы голос Ирины. Измученной царице казалось, что тело ее раздирают на куски.

— Ирина... не оставляй меня... Помоги...— полные муки глаза смотрели, взывали к княжне.

— Нет, милая, никуда не уйду! — Ирина взяла ее влажную слабую руку.— Ну, пожалуйста, потерпи немного!

У изголовья, там, где их не могла увидеть царица, испуганные няньки тихо вздыхали, не веря уже, что Анастасия выживет: роды длились долго, царица совсем обессилела.

Снова она застонала, не владея своим телом, ломающимся от боли. Отчаяние овладевало ей, когда наступала передышка между схватками: Иван на войне, а она умирает... И никому нет дела до ее боли, никто не разделит боль с ней.

— Я не буду больше терпеть, лучше умереть,— отчаялась она.

...— Настя, Настя! Открой же глаза! — чья-то рука нежно теребила ее, и вдруг царица поняла, что боль больше не сжимает ее тело, что наступила блаженная усталость, забытье... Только кто-то настойчиво повторял ее имя: «Настя!»

Она заставила себя открыть глаза. Над ней в тумане склонилась Ирина, держа в руках что-то белое и розовое. Анастасия прищурилась.

— Настя, свершилось! — со слезами радости подруга протягивала к ней маленький сверток, в котором виднелось крошечное красное личико.

— Настя, ты родила мальчика... царевича!

Глава 17

Княжна Василиса направлялась в покои архиепископа Сильвестра. Тяжелое чувство вины, которое давило ей сердце и ум и заставляло ежечасно бороться с собой, исчезло, как призрак, как звезды, бледнеющие в утреннем небе.

Тяжелый золотой перстень приятно холодил ей грудь. Ее перстень! Она чувствовала его прикосновение при каждом шаге. Это талисман, он послужит ей защитой от Сильвестра и любого другого, кто попытается причинить ей зло. Ее перстень, он веское доказательство, что она уже не та Василиса Скурлатова, приближенная к русской царице, княжна по рождению, но оставшаяся девицей на выданье. Уже нет! С прошлой ночи она — княгиня Старицкая, жена Владимира Андреевича, двоюродная сестра по мужу самому царю! Ее губы растянулись в кошачьей улыбке удовлетворения, когда она вызвала в памяти события минувшего вечера: секретное венчание в доме Скурлатова, в присутствии ее брата Льва, совершенное самим архиепископом. Она вновь и вновь вспоминала то, что произошло, как будто ее глаза на некоторое время покинули ее тело и находились там. Вот она сама и Владимир, стоящие на коленях, клянутся в любви и верности навсегда, хотя знают друг друга всего несколько дней. Вот тяжелый венчальный венец возлагается на красивую благородную голову Владимира; вот он

нежно прикасается к ее руке и надевает ей на палец перстень. Скрытность венчальной церемонии не делала чести их родовитости, но как это было романтично! А потом они остались вдвоем в одной из спален дворца, и хотя Владимир еще очень молод и не очень опытен, но это совершилось, и теперь она, Василиса, свободна, свободна, свободна! Свободна от тяготившей ее девственности, от положения незамужней девицы. И больше всего рада тому, что свободна от притязаний архиепископа. Конечно, ее замужество надо сохранять в тайне, чтобы не было нежелательных толков. Но скоро, очень скоро...

Василиса не могла объяснить себе, почему Сильвестр послал за ней утром.

«Наверное, он хочет поздравить меня с вступлением в новую жизнь»,— решила она, взлетая по ступенькам лестницы, которая привела ее навстречу судьбе. Конечно, она понимала, что Сильвестр сделал все для того, что она имела сейчас — он послал за Владимиром, он предложил венчание и уговорил ее брата Льва. Но, напомнила она себе, это ведь именно она натолкнула его на эту мысль!

Против обыкновения, она сама открыла тайный замок прежде, чем Сильвестр распахнул дверь. Священник был облачен в утреннее одеяние, непригодное для встречи знатных особ.

— Ты не готовился встретить меня, Отче,— сказала Василиса, почувствовав вдруг, как что-то сжалось у нее внутри, и оперлась холодеющей рукой о притолоку.

Архиепископ улыбнулся, обнажив ряд белых зубов.

— Конечно, я готовился, моя дорогая,— ответил он.— Я с нетерпением ожидал тебя все утро.

— Но твоя одежда. Это...— у Василисы перехватило дыхание.

— Она знакома тебе, правда? — он протянул розовую, пухлую руку.— Иди, дорогая, ты почувствуешь себя уютнее,— держа ее руку в своей, он провел ее вглубь покоев и остановился у громадной кровати красного дерева.

Василиса попятилась к двери. Как смеет он так обращаться с ней теперь! Инстинктивно она выдернул руку.

— Ты забываешься,— резко сказала она.

— А вот здесь ты забываешься,— опять непристойная улыбка.— Я ничего не забыл. Ничего, что касается... тебя и меня.

Василиса выпрямилась. Как он смеет?! Неужели он принимает ее за несмышленую девочку, игнорируя ее положение жены Владимира?

— Все изменилось теперь,— ответила она холодно.— Я замужняя женщина.

Глаза архиепископа ощупывали ее тело, словно на ней не было платья.

— Но это даже лучше, не так ли? Теперь ты свободна. И можешь одарить меня такой любовью, о которой я всегда мечтал.

Свободна? О, да, она свободна, она наконец поняла, о чем речь. Несомненно, он вкладывал иной смысл.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь,— спокойно произнесла она.— Ты, конечно, не станешь...— она осеклась, не в силах произнести.

Взгляд архиепископа стал тяжелым.

— Моя дорогая княгиня, мы связаны молчаливым договором, ты и я. Основанном не взаимном... желании...

Взаимном желании! Она поняла. Ее тело станет ценой его молчания.

Она не нашлась, что ответить.

— Ты забываешь, что у меня есть муж,— дрожа произнесла она.— Владимир...

— Ты полагаешь, князь Старицкий согласился бы взять тебя в жены, узнай он правду? — голос архиепископа оледенел.— Знай он раньше, он никогда не женился бы на тебе. Если это произойдет... теперь...— он умолк и покачал головой.— Я имею основания думать, что у него жестокий нрав.

У нее перехватило дыхание.— Но если он узнает про нас... про то, что мы делали здесь...— как он может пугать ее, удивлялась она. Он, который верил, что не сегодня — завтра Владимир станет царем.

— Он не узнает.— Сильвестр пристально смотрел на нее.

— Как ты можешь говорить с такой уверенностью? Стены в Кремле имеют уши. Недалеко дом моего брата.

— Князь Владимир не в доме Скурлатова.

— Сейчас — может быть. Но это наши палаты, пока мы живем в Москве.

— Твой муж не в Москве,— увидев, что глаза Василисы расширились, он продолжил.— Ты могла заметить его отсутствие уже сегодня утром.

— В моей спальне — да. Но я думала...

— Ему дали поручение. Он вернулся в Старицу.

Василиса остолбенела.

— Но зачем? Ты же вызвал его в Москву. Ты вмешиваешься в нашу жизнь.

— Его присутствие более не требуется. Он будет полезнее в своем имении.

Голова Василисы поникла. Она подумала, что лучше упасть на кровать, чем на жесткий пол.

— Но ты говорил, что он будет под рукой, что если Иван потерпит поражение под Казанью...— она посмотрела на него затуманенными глазами.

— Иван не потерпит поражения,— она затаила дыхание и слушала.— Я получил известие оттуда. Он победил. Царь на дороге в Москву.

Он повернулся к ней и погладил ее длинные блестящие волосы.

— Очень жаль, дитя мое, я понимаю. Но пути Господни неисповедимы. Звезда Владимира еще не закатилась.

Вздрогнув от его прикосновения, Василиса опомнилась.

— Я должна ехать за ним в Старицу. Я его жена, мое место рядом с ним.

Архиепископ медленно покачал головой.

— Нет, дорогая моя, твое место здесь. Со мной.— Его руки скользнули по ее плечам и легли на грудь.

Она стояла как вкопанная.

— Ты полагаешь, я буду держать в тайне наше венчание, чтобы мы продолжали...?

Его пальцы трудились над ее кружевами.

— Нам на руку сейчас держать это в тайне. Владимир не в милости у царя. А что до нас...— фамильярным жестом он распахнул летник и освободил ее груди.— Мы теперь будем с тобой жить совсем по-другому. Ты больше не девственница, моя дорогая. Мы можем наслаждаться друг другом, не опасаясь гнева твоего брата.— Он понизил голос.— Мы больше не на ярмарке невест.

Она почувствовала, как немеет ее тело, словно окутанное густым туманом. Ее отвращение к нему было таким сильным, что, казалось, она могла попробовать его вкус.

— И я никогда не буду... жить нормально? — медленно спросила она.

— Думаю, нет,— ответил Сильвестр, склонившись к ее шее.— Иван затеет новую войну... и если он не вернется...— он развернул ее так, что они снова оказались лицом к лицу.— Если это произойдет и ты с мужем будете в милости, тогда, моя дорогая, твоя жизнь превзойдет все самые безумные мечтания.

Не отрывая от нее взгляда, он властно взял ее за талию и легонько подтолкнул к своей кровати.

* * *

Анастасия положила своего малолетнего сына в кровать и склонилась над ним в беспокойстве.

— Он успокоился,— сказала она Ирине.

— Конечно, он успокоился. С ним будет все хорошо. Он же твой сын.

— И Ивана,— напомнила ей Анастасия. Она взяла со столика зеркало и беспокойно вгляделась в свое отражение.

— Я бледна,— наконец сказала она, слегка пощипывая щеки, чтобы они порозовели.

— Да, ты слишком бледна,— ответила озабоченная Ирина.— И слишком худа. Посмотри на себя. У тебя только кожа и кости.

— Да, ты права, Ирина!

— Настя, рождение этого ребенка подорвало твое здоровье. Тебе нужно больше отдыхать и побольше есть и...

— О! — Анастасия в шутливом гневе посмотрела на свою подругу.— Ты всегда поучаешь меня. Я чувствую себя прекрасно. В конце концов, я Ивану нравлюсь и худой.

Ирина слушала ее огорченно. Как бы тяжело ни было признавать, но царица не просто была худой — она выглядела очень больной.

— Я надеюсь,— сказала она спокойно, моля Бога, чтобы ее слова не вызвали протеста,— ты скажешь Ивану о своем недомогании.— Она задержала дыхание и ждала.

Анастасия медлила с ответом. Она не смотрела на княжну. Отвернулась к зеркалу и начала расчесывать волосы большим серебряным гребнем.

— Мужчинам не должно знать женские заботы,— ответила она, стараясь сохранять спокойствие в голосе. Она повернулась к Ирине и заставила себя улыбнуться.

Ирина упорно не отводила глаз от царицы. Ей было не до улыбок.

— Настя...

— Он так будет счастлив, когда увидит дитя.— Его сын. Царевич! — она поспешно отвернулась от Ирины и веки ее покраснели.

— Настя, ты должна сказать ему! Роды прошли тяжело. Ты изнемогла. Ты могла умереть.

Анастасия молчала. Даже теперь, спустя месяц, она помнила все муки, как будто это было вчера.

— Но я не умерла,— упрямо сопротивлялась она.— Я родила здорового мальчика.

— Да, и ты исполнила этим свой долг,— проникновенно Ирина смотрела на нее.— Прости мне дерзость, но мужчины ласкают своих жен, не заботясь о их здоровье. Еще один такой же случай убьет тебя, Настя.

Анастасия отбросила гребень.

— Ты просишь, чтобы я не пускала мужа в свою спальню? — Повисло тяжелое молчание.

— На некоторое время, да.— Итак, это сказано! Немного набравшись храбрости, Ирина продолжала: — Только на время, Настя. Когда ты почувствуешь себя более здоровой...— она замолчала. Свой долг она исполнила.

Голос Анастасии стал слабым.

— Он возвратится на днях. Его не было почти год. Представляешь, все это время он жил среди ратников, сражался с неверными...

Ирина продолжала молчать.

— Когда он вернется, ему захочется отдохнуть. И я... соскучилась по нему.

Ирина бросилась к царице и обняла ее за шею.

— О, я знаю, любовь моя, я знаю. Вы с ним так любите друг друга. Но что будет, если ты не выживешь? Что, по-твоему, будет с царем, если он поймет, что сам погубил тебя?

— Ирина... не надо.— Анастасия слабо попыталась освободиться от сжимающих ее рук княжны.— Ты права, я это понимаю. Но так долго...

— Не надолго,— повторяла Ирина,— не надолго. — Она прижалась губами к уху Анастасии: — Обещай мне, что поговоришь с ним.

— Если бы я могла придумать другое объяснение...

— Тут не нужно другой причины. Он должен знать правду. Обещай мне, Настя. Для твоего спасения. И твоего сына.

Упоминание о сыне поколебало ее. Если она умрет, царевич останется сиротой, лишится ее материнской защиты. Собственная судьба Ивана только подтвердила то, что путь к русскому трону тяжел. Царевичу понадобятся сподвижники. Мать Ивана, Елена, сражалась за своего сына, как тигрица. Многие говорили, что права сына на трон отстояла она. Да и какая мать не сделала бы этого? Анастасия тяжело вздохнула. Ее хрупкие плечи поникли.

— Да, Ирина,— наконец сказала она.— Я расскажу ему обо всем.

* * *

Царь вернулся через два дня, победно возглавляя идущие войска, полотнища знамен развевались на ветру, золото икон блестело под осенним солнцем. Анастасия вышла встречать его на Соборную площадь, одетая в голубой летник, подчеркивающий ее худобу.

Когда царь заметил ее, он спешился, стремительно бросился к ней, схватил обеими руками и сжал в объятиях.

— Настя, любовь моя! Наконец мы вместе!

— О, Господи, как я скучала по тебе,— прошептала Анастасия, вдохнув его крепкий мужской запах. Она ощутила себя такой счастливой в его объятиях. Такой любимой, защищенной.

— Ты здорова? — спрашивал он, дотрагиваясь до ее шеи носом и ртом.

— О да, вполне,— она подумала об Ирине и улыбнулась.— У нас сын.

Он отстранил ее, и его темные глаза стали еще больше и ярче.— Если бы я знал! Вести не скоро доходят до меня. Сын! Настя, я счастлив!

— Он так похож на тебя. У него твои глаза и твой...— ее пальцы скользнули по его губам: — Твой рот.

Иван встретил ее взгляд и его пронзило желание. В этот миг радость от завоевания Казани не могла даже

сравниться с возможностью предаться любви со своей прекрасной молодой женой.

— Я не дождусь того мига, когда мы останемся одни,— проговорил он нежно,— я должен оторваться от своих людей.

Царица едва не рассмеялась: она стояла в окружении воинов, но чувствовала себя так, словно была с мужем наедине. Лишь самые главные военачальники составляли экскорт царя при въезде во дворец. Она узнала некоторые лица, конечно, Андрея Курбского. Шиг-Али, которого она знала после его бегства из Казани, сидел верхом на белом арабском жеребце. За ним были еще двое, которых она не знала. Инстинктивно ее тело напряглось при взгляде на них.

Почувствовав это движение, Иван повернулся в ту же сторону.

— А, ты обнаружила мои трофеи,— сказал он, улыбаясь.

— Твои трофеи? — глаза Анастасии сузились. Она не любила таких неожиданностей.

— Мои новые претенденты в христианскую веру. Это Эдигер, бывший хан Казани.

— Преемник Али?

Иван кивнул:

— После сдачи города он умолял о помиловании. Он согласился сражаться на нашей стороне.

Анастасия молчала.

— Он хороший воин. Он будет мне хорошей подмогой в Москве.

Анастасия скользнула взглядом от Эдигера к его спутнице — женщине, одетой в простое белое одеяние, сидящей верхом на серой лошади. Ее волосы были покрыты, но то и дело пробивались черные блестящие кудри. Ее темные глаза походили на кошачьи. Анастасия никогда не видела Тамару Гитарай и понятия не имела об этой женщине на лошади. Но какое-то необъяснимое чувство сжало ей сердце.

— А женщина? — спросила она сдержанно.— Кто она?

Иван ответил охотно:

— Она невеста Эдигера. Она тоже перешла на нашу сторону.

Иван никогда не пожелал бы, чтобы эти две женщины встретились на площади. Присутствие Тамары

так близко от Анастасии заставляло ту нервничать. Нехотя он вспомнил, как Эдигер забрал ее из казанского дворца.

— Она... очень красива,— произнесла Анастасия.

Внезапно желание Ивана остаться наедине с женой пропало. Может быть, позднее, подумал он: все-таки он очень устал с долгой дороги и полон своей победой. Он протянул руки к сопровождавшим его воинам:

— Мои верные друзья и братья, я безмерно благодарен вам. С помощью Господа нашего мы одержали победу в нашем великом деле. Через несколько дней мы будем пировать, как никто из вас не пировал дотоле! А до того времени возвращайтесь домой, осененные славой. Когда же мы вновь встретимся, я покажу вам величайшее чудо. Моего сына. Царевича!

Под оглушительные радостные крики Иван взял руку Анастасии и повел ее через площадь к ступеням дворца.

— Ступай, любовь моя,— нежно сказал он.— Ты должна представить меня будущему русскому царю.

Как только они поднялись по короткому полотну лестницы, Анастасия бросила взгляд назад на войска, заполнявшие пространство площади. Женщина, сидевшая на лошади, теперь подняла голову и смотрела прямо на нее. Анастасия перекрестилась, словно увидела ведьму; прикосновение руки Ивана придало ей силы.

* * *

Иван отпустил слугу и наслаждался мирным покоем в стенах дворца. Господи! Как же хорошо быть дома! Горячая баня и домашняя еда способны совершить чудеса с человеком, который почти год провел в сражениях. Не то чтобы он был совсем лишен этого в лагере под Казанью. Но ведь военный лагерь есть военный лагерь, а Кремлевский дворец не похож ни на что в целом свете.

Как только он покинул войска и приехал во дворец, Анастасия сразу же провела его к сыну. Его сын! Самый сильный, самый умный, самый прелестный ребенок на свете. Дмитрий Иванович, будущий царь всея Руси!

Его Анастасия! Даже один звук ее имени заставлял сладостно содрогнуться его обнаженное тело под шелко-

вым кафтаном, который он надел, чтобы идти к ней в спальню. Как часто он думал о ней долгими, холодными ночами в лагере; как ему не хватало теплоты, свежести, нежной сладости, которой обладала только она одна. Разумеется, в лагере были женщины; мужчины всегда остаются мужчинами. Но связи с этими чужими женщинами лишь усиливали его любовь к неповторимой, той, которую он оставил.

Сегодня ночью. Сегодня ночью он будет держать ее в своих объятиях и говорить о своей любви, покажет ей одной предназначенную страсть. Он тихонько засмеялся. Поскорее бы наступил этот час, он уже не может сдерживать себя. Господи! Он надеется, что Анастасия желает его так же, как и он ее!

Тихий стук в дверь раздался, когда он уже хотел идти в покои жены. Проклятье! Ведь он же приказал слугам не беспокоить его до утра! Кто смеет заставлять его медлить в такой момент?

Его брови сдвинулись к переносице. Как грозовое облако надвигается на город, так он устремился к двери.

— Я же велел тебе...

Он остановился в оцепенении, увидев вместо слуги выглядевшую сейчас такой маленькой, ближайшую подругу жены княжну Ирину. Ее голубые глаза без тени страха смотрели на разгневанного царя.

Изящно, несмотря на изуродованное лицо, она склонила голову в поклоне:

— Государь, большая радость, что ты вернулся.

— Я рад, княжна. Скажи, чему я обязан твоим неожиданным приходом.— Он смотрел нетерпеливо.

— Прости, государь, что я без предупреждения. Но у меня спешное дело. О царице.

— Об Анастасии? Что-то неладное с ней? — глаза его сузились и тик стал дергать левую щеку.

— Могу ли я войти? Я знаю, что это непозволительно, но...— Ирина склонила изящно свою золотоволосую голову.— Будет лучше, если никто не увидит меня здесь.

Не будь Иван так озабочен целью ее прихода, он бы рассмеялся в ответ. Да кто может подумать о чем-то непозволительном между ним и этой несчастной, которая однажды была избрана ему в невесты!

— Да, входи,— он отступил и дал ей войти.— Сядь.— Но она стояла перед ним, обеспокоенная.

— Нет, я не буду садиться, хотя и взволнована. То, что я хочу сказать, не займет много времени.

— Говори, моя жена ожидает меня в эту минуту. Без сомнения, ее удивляет, что я задерживаюсь.

— Я знаю, государь, поэтому я здесь.— Ирина подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза.— Это очень деликатный вопрос. Он касается тебя и здоровья государыни.

— Ее здоровья? — снова хмурый взгляд.— Она выглядела прекрасно, когда я увидел ее сегодня утром. Чушь.

— Ах, просто лицо, как всегда, было нарумянено. Но она очень бледная и исхудалая.

Иван пристально вгляделся в нее:

— Поистине, ты преувеличиваешь. Царица всегда была нормальной стати.

— Но теперь это не так. Много времени прошло с тех пор, как вы расстались. Она пережила тяжелые времена за последний год.

— Дорогая княжна, мы все перенесли тяжелые времена. И если позволишь, я пойду к своей жене, чтобы помочь ей забыть долгие месяцы одиночества.— Он прошел мимо нее к двери.

— Нет, государь! — Ирина рванулась, загородив ему дорогу.— Это именно то, чего я попрошу тебя не делать!

Иван остановился и взбешенно посмотрел на нее:

— Просить меня не ходить к собственной жене? С которой я был в разлуке почти год? — его голос угрожающе возвысился.

— Прости, государь, но твой приход может стать для царицы гибельным. Видишь ли... рожая царевича, она была на волосок от смерти.

— Что? — Иван схватил ее за плечи.— Что ты сказала, княжна? Говори мне все.

— Я пытаюсь, государь.— Ирина перевела дыхание.— Она родила троих детей за пять лет. Это тяжелое бремя. Она не успела восстановить силы. И если она опять...— она замолчала безнадежно.

Царь оцепенел на мгновение, стараясь осознать ее слова. Настя при смерти? Пренебрегла своим здоровьем, чтобы подарить ему наследника? Как же он не мог понять, что она слишком часто рожала? Почему он не видел ее утомленности?

— Если это правда...— начал он неуверенно.

— Это правда, государь. Мне не хотелось быть той, кто скажет об этом тебе, но Настя... царица... Она так любит тебя.

Иван медленно кивнул, поняв, наконец, то, что она хотела сказать:

— Если будет еще ребенок... она может... умереть?

— Только пока не восстановит силы, государь. Несколько месяцев...

— Да, да, я понимаю,— прервал ее Иван, страстно желая, чтобы она ушла теперь. Она принесла известие и он все понял. Что же еще?

— Я понял тебя, я обдумаю,— он помолчал. Иван старался скрыть разочарование в голосе.— Скажи жене, что я занят теперь, что у меня неотложные... государственные заботы.

— О, да, государь, я скажу! — Ирина просветлела. Но, видя его состояние, она пожелала успокоить его.— Мне жаль, что именно я сказала это тебе. Но я люблю царицу. Я чувствовала, что это мой долг.

— Так и есть,— рассеянно произнес Иван.— А сейчас, если позволишь, княжна...— открыв широко дверь, он сделал нетерпеливый жест.— Спасибо за заботу.

— Благодарю,— Ирина почтительно улыбнулась.— Это не надолго. Я обещаю вам.

— Да, спасибо, княжна. Желаю тебе доброй ночи,— царь закрыл за ней дверь, опершись о косяк двери и слыша удаляющееся постукивание ее костылей. Господи! И это он узнал именно теперь! Каждый вернувшийся воин отпразднует возвращение в кровати с женой. Даже Эдигер, низвергнутый хан... А он, царь...

Эдигер... Мысленно он вернулся к тому дню, когда этот неверный просил о помиловании и клялся принять христианство. А потом, когда его желание было удовлетворено, он просил позволения захватить с собой в Москву свою невесту.

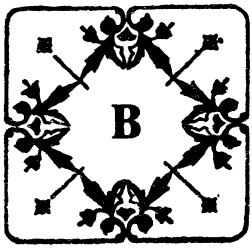
Свою невесту! Тамару Гитарай! Его, Ивана, наложницу с тринадцати лет! Он грезил наяву: Тамара верхом на жеребце, скакавшем рысью по городу, ее густые черные волосы развевались сзади, ее грудной смех звенел на улицах. Тамара обнаженная, с протянутыми руками, дарящая ему радости своим горячим сладостным телом.

Его вдруг снова охватило неистовое желание, исчезнувшее при появлении Ирины. Где же они, бывший хан и его сладострастная невеста? Должно быть, во дворце.

Он чувствовал, как огонь сжигает его изнутри. Ему нужна женщина. Если не Настя, то другая. Сейчас подойдет любая.

А позже, когда у него будет время поразмышлять, он придумает, как вернуть Тамару Гитарай, женщину любимую и желанную, добычу в долгой и страшной войне.

Глава 18



В первые за последний год Большой зал Кремлевского дворца был освещен многочисленными светильниками, у стен стояли свечи и иконы, сопровождавшие царя в походе на Казань. Столы были заставлены золотыми и серебряными кубками, украшенными самоцветами серебряными блюдами.

Все знатные люди со всех уголков Руси и новая казанская знать держали путь в Москву, чтобы присутствовать на великом пиру. Князья, бояре, служилые и посадские люди, священники с митрополитом Макарием и архиепископом Сильвестром. Ратники, отличившиеся в сражениях, сидели рядом с родовитыми боярами. Несколько женщин — царица, ее приближенные, невеста бывшего казанского хана.

Княгиня Василиса, сидя за большим столом рядом с княжной Ириной, с интересом изучала новых гостей. Эдигер, огромный, темноволосый, привлекательный своей дикостью, был как раз в ее вкусе. Она присутствовала при том, как войско победителей прибыло в Москву несколько недель назад, и ее глаз сразу же отметил мужественного воина.

Быть с таким, как он! Настоящий мужчина с сильным и стройным телом, способный доставить наслаждение женщине, пока они оба не обессилят. Она познала мужчину в свою брачную ночь, но он исчез на следую-

щее утро, и у нее остались лишь воспоминания да его письмо, утешающее ее. «Ах, Владимир,— тоскливо думала она,— если бы ты был здесь, на этом пиру. Ты бы повеселился, ел и пил, а потом... мы удалились бы с тобой, уединившись для страсти». Но Владимир был в Старице, а мужчина, который мог бы заменить его, с обожанием смотрел на свою черноволосую невесту.

Василиса перевела взгляд на эту татарскую женщину, одетую в простое белое платье. Черные волосы Тамары были забраны назад, но гребень не смог заколоть всей массы локонов, ниспадающих, как река. На ней не было украшения; ее губы были чувственны и обнажали в улыбке белые зубы.

Что это была за женщина, если так притягивала Эдигера, удивлялась она, подняв тяжелый кубок с вином и прикоснувшись к нему губами — тоже чувственными.

— Ты задумчива сегодня, княгиня,— знакомый голос шепнул ей на ухо.— Думаю, ты наслаждаешься этой ночью победы и торжеств?

Василиса повернула лицо и посмотрела на архиепископа Сильвестра, стараясь не выказать ту брезгливость, какую испытывала в его присутствии всякий раз.

— Несомненно,— ответила она, подумав, что это торжество написано на его пухлом красном лице.

— Возможно, ты представляешь себя во главе стола,— сказал он, кивнув в сторону Анастасии, которая с улыбкой слушала своего мужа-царя.— Со своим собственным мужем, с человеком, который мог бы стать правителем нашей земли.

— Я не в состоянии изменить ничего, я могу лишь принять то, что есть,— Василиса лукаво отвернулась и положила себе в тарелку икры серебряной ложкой.

Архиепископ насмешливо посмотрел на нее.— Не лукавь со мной, сударыня,— сладким голосом сказал он.— Ты и твой брат старались вмешаться с того времени, как Иван стал царем. Но не печалься, моя красавица,— продолжал он, заметив хорошо знакомый ледяной блеск в ее зеленых глазах.— Для тебя жива еще надежда. Ты молода, а дорога жизни полна неожиданностей и поворотов. И может быть, придет час...

К ужасу Василисы, он под столом приподнял ей юбку, его пальцы шарили все выше.— Говорят, этот пир продлится несколько дней. Но священство уедет раньше. Я буду у себя через два часа. Могу я увидеться с тобой там?

— Боюсь, что нет, Отче,— быстро ответила Василиса, осторожно убрав его руку.— Я, к сожалению, не свободна в своих действиях. Я в услужении у царицы.

— Царица тоже скоро уйдет,— настаивал Сильвестр.

— Возможно. Но я могу понадобиться ей позже. Она слаба, ты знаешь. Ее дитя...

— Мне известно все о нездоровье царицы.— Его голос стал низким.— Я также знаю, что не к тебе обращается она за помощью. Княжна Ирина — все для нее.

— Но если я буду отсутствовать, я не смогу знать...

— Значит, придумай что-нибудь.— Это звучало как приказ.

Василису охватило такое знакомое ей чувство сопротивления, но она знала всю его бесполезность. Она была связана этим жестоким, развратным мужчиной. Она подняла на него свои зеленые глаза и заставила себя улыбнуться.— Хорошо, Отче,— кротко ответила она,— я буду ожидать твоего вызова.

Преодолевая желание ударить его, она осталась бесстрастной, когда он обернулся, чтобы со значением взглянуть на нее, и затерялся в пестрой толпе.

Анастасия взяла кувшин у слуги и налила его содержимое в золотой кубок царя. Затем наполнила его тарелку и, удовлетворенная тем, что теперь он ни в чем не нуждается, откинулась в кресле и отдалась чувству, которое не отпускало ее все последние часы. Хотя она немного окрепла после возвращения мужа, но была еще не вполне здорова, и присутствовать на пиру ей было не по силам. Она заставила себя съесть кусочек жареного лебедя, но, по правде говоря, ей хотелось уединиться в своих покоях и поскорее заснуть.

Заснуть одной. С тех пор, как он вернулся из Казани, Иван не приходил к ней в спальню, и она не могла найти этому объяснения. Она не давала ему повода думать, что он нежеланен. Возможно, Ирина была права: ее бледность и худоба не привлекали ее сластолюбивого супруга. Она ожидала его прихода в ночь после возвращения, даже ожидала от него весточки, когда он придет. Она прождала несколько часов, ожидая услышать звук его шагов у своей двери. Но ночь длилась, она не в состоянии уже была бороться со сном, потушила свечи и легла.

Хотя она отказывалась поверить этому, в глубине сердца она знала, что его продолжавшееся отсутствие пойдет ей на пользу. Представляя себе, как она наслаждалась бы с Иваном, она внезапно осознала, что силы ее иссякли с рождением Дмитрия. И так же хорошо, как и

Ирина, она понимала, что новая беременность может погубить ее. И хотя, любя своего мужа, верила, что ее долг рожать сыновей, она также чувствовала, всю неопределенность и двусмысленность своего положения за последние недели. «Возможно, если я буду больше есть... постараюсь поскорее восстановить силы... Я стану пригодной женой. А если он будет избегать меня...» — ее тело напряглось. «Я соблазню его, как я сделала это вначале.»

В этот момент Иван обернулся к ней, будто почувствовал снедающую ее тревогу.— Тебе хорошо, любовь моя? — спросил он, беря ее холодную руку и прикладывая к своей груди. Внезапно Анастасия почувствовала томление во всем теле. Он смотрел на нее с такой нежностью. А вдруг...

— Да, государь,— ответила она, одаривая его своей восхитительной улыбкой.— Это и есть настоящее чествование твоей победы над Казанью.

— Это только первый шаг в моих замыслах возвеличить эту победу,— сказал он. Его темные глаза заблестели.

Анастасия перестала дышать. Только первый шаг? Она пристально посмотрела ему в лицо, и ей показалось, что она поняла смысл. Наверное, он будет ожидать этой ночи, чтобы отпраздновать их воссоединение. Ночь славы. Триумфа. Ночь, которую помнят всю жизнь. Несмотря на усталость, она захотела узнать, права ли она в своей догадке.

— А твои гости? Что они подумают? Этого пиршества ожидали так долго.

Иван взял кубок и сделал большой глоток.— И тем не менее, так будет. Мои царские заслуги не позволят им сопротивляться этому.

Несомненно, здесь было что-то непонятное. И, очевидно, именно Анастасия ничего не понимала. — Твои царские заслуги? — повторила она растерянно.— Я... я боюсь, что не понимаю.

Вновь её глаза смотрели выжидающе. Он поставил кубок и взял ее за обе руки.— Настя, я задумал построить собор,— торжественно произнес он.— Прямо здесь, на Соборной площади.

Анастасия онемела. Собор? Именно это— причина сияющих глаз, учащенного пульса? — У нас уже есть прекрасный собор,— напомнила она ему,— совершенно законченный — Успенский...

— Да-да, самый красивый на Руси. Но слышала ли ты, что я задумал новый собор в честь победы над Казанью? Он не будет похож ни на какой другой,— говорил

ей муж, голос его был взволнованно звенящим.— Все купола, главки и луковки будут разукрашены по-разному.

Анастасия попыталась представить это, но это было недоступно ее воображению.— Бог мой! Это звучит как мечта!

— Это и есть мечта. Моя мечта. Славный дар нашему Господу, который вел меня к победе. Я найду самого лучшего зодчего, чтобы он построил его.

Анастасия молчала, но взгляд, который она обратила к нему, был полон любви. Как это похоже на ее мужа — думать о Боге в час победы.— А когда он будет завершен, мы совершим там службу, а затем устроим пир, как нынешний,— сказала она.

Иван посмотрел на нее признательно. Только его чудесная Настя может понять его стремление ознаменовать эту победу именно так. Но он заметил тень усталости на ее лице.— Ты утомилась, любовь моя. Наверное, тебе лучше покинуть нас и лечь.

Смирясь теперь с тем, что и этой ночью они не будут вместе, она безмолвно согласилась. Царь не мог покинуть пир в такую ночь, как эта.— Я боюсь, это продлится долго,— сказала она с натянутой улыбкой.— Женщины не так выносливы, как вы, мужчины, думаете.

— Да, любовь моя, желаю тебе сладких сновидений.— Он нагнулся к ней и осторожно поцеловал, его губы были теплыми, но не зовущими.— И поцелуй за меня сына.

— Да, государь. И я спою ему колыбельную об их бесстрашном отце. Я счастлива твоим триумфом и новым собором.— Она поднялась с кресла и сделала знак Василисе и Ирине.

Она горделиво прошла через залу, сопровождающие ее следовали за ней.

* * *

Тамара Гитарай наблюдала уход Анастасии сквозь длинные ресницы. Значит, русская корова принесла царю сына; она слышала, что царь полон счастья. Но несмотря на это, ей с трудом верилось, чтобы эта женщина удовлетворяла самого сластолюбивого из мужчин. Такая бледная и худая, несмотря на румяна и свободную одежду — ведь он не захотел ее в брачную ночь, Тамара прекрасно помнила это. За пять лет женитьбы она родила ему троих детей, очевидно, иногда царь пользовался своим законным правом.

С момента возвращения в Москву Тамара, однако, узнала, что здоровье царицы слабое и что четвертая беременность может погубить ее. Несомненно, царь знал об этом. К кому же тогда он ходит удовлетворять свои желания? Она заметила удалявшуюся фигуру княжны Василисы Скурлатовой, которая состоит при царице последние пять лет. Княжна была действительно красива. Могла ли она служить царю для его желаний? Едва ли. Княжна была из влиятельной московской знати, и ее судьбой руководил ее бесчестный, горделивый брат. Скорее, когда-нибудь ее выгодно сосватают. Но кто тогда? Тамара подняла голову и посмотрела на Ивана, который вел задушевную беседу со своим другом Андреем Курбским. Воспоминание о ее последних ночах с Иваном словно пронзили ее. Кровь бешено забилась в жилах, тело напряглось от желания. Она вспомнила, как его настойчивый язык раскрывал ее губы, и его дыхание сливалось с ее дыханием в порыве нарастающей страсти. Как его руки блуждали по ее телу — нетерпеливо, иногда грубо. Как он всей силой своих чресел врывался в ее лоно, словно разрубал ее тело на части. Это могло быть только между ней и Иваном, и она не могла представить никого другого на этом месте.

Она повернула голову к Эдигеру, своему статному мужу, бывшему хану Казани, который стал теперь верноподанным царя. Крупнее самого царя, он кипел энергией, и часы их любви были наполнены таким же безумием, как и с Иваном. Почему же тогда, спустя столько времени после казни своей семьи, она все еще помнила прикосновения его рук, грубое вторжение его тела? Почему она не может успокоиться с Эдигером, который принял ее в Казани, а потом расчистил ей путь в Москву как своей невесте? Не оттого ли, что они с Иваном были созданы друг для друга с самого рождения? С самого ее приезда в Москву, Иван едва взглянул не нее. Но она не могла поверить, что он забыл о том времени, когда они были вместе. Если Анастасия настолько хрупка, что не удовлетворяет его, то не смогут ли они восстановить былые отношения, разумеется, так, чтобы не узнал Эдигер?.. Все, что ей оставалось, это продумать план...

Шиг-Али собрал складки красной ферязи вокруг своего тучного тела, и его взгляд упал с неудовольствием на слишком знакомое ему лицо в этой толпе родовой знати и воинов. Тамара Гитарай выделялась, как икона в глубине Залы, и не только лишь потому, что она оставалась

единственной женщиной на этом многолюдном пиру. Даже в ее простом, без украшений, платье, даже с ее лицом без тени краски она была так кричаще чувственна, словно это было так же естественно для нее. Тамара! Али отчетливо вспомнил тот вечер, когда она появилась во дворце в Казани, замаскированная под мужчину, и лишь когда один из слуг сшиб с нее шляпу, хлынувший из-под нее поток блестящих черных волос выдал ее. Он вспомнил, как смела она была тогда, как гордо она представилась: «Я — Тамара Гитарай!» Словно каждый на этом свете должен был знать и почитать ее.

Он вспомнил, как она сопроводила его, без единого вопроса, в спальню той ночью, как исполняла все его прихоти и так пленила его, как не удавалось прежде ни одной женщине. Он вызвал в памяти те ночи, когда она танцевала для него, извиваясь своим чувственным телом, взвихривая прозрачную ткань рубашки, а колокольчики позванивали у нее на запястьях и лодыжках. Он забросил ради нее всех своих наложниц, приказав жестоко наказывать тех, кто осмелится ревновать или плести интриги. А в конце он бросил и ее, испугавшись нависшей над ним угрозы Ивановой победы, и предпочел отдаться на милость царя. Ему не пришло в голову взять ее с собой в Москву. Да и как он мог, если она была известна как бежавшая от царского правосудия?

И тогда Эдигер, воспреемник Али, сватается к ней и вводит в Кремлевский дворец как свою невесту! И теперь другой бывший хан, наслаждается благосклонностью и прелестями ее тела каждую ночь. Али ревниво косился на Эдигера. Отчего он не может быть на его месте?! Он думал, вспоминает ли о нем Тамара, думает ли о тех ночах в его позолоченных покоях, когда он кормил ее засахаренными фруктами и целовал ее обнаженное тело? Наверное, нет, решил он. Она жила для мимолетного наслаждения.

Но, возможно, он сможет заставить ее вспомнить, подстроив якобы случайную встречу, убедив ее, что любовь к ней в нем не умерла. Он знал, как опасно соблазнять чужую жену. Но он Шиг-Али. И он найдет выход.

26 февраля 1553 года начались жгучие морозы. Ледяной ветер завывал по углам дворца, когда Анастасия готовилась к событию, которого ждала вся Москва. Разглядывая себя в зеркале после того, как девка окончила застегивать ее летник, она не без удовольствия смотрела на

свое отражение. Даже без объемной нижней юбки было видно, что ее фигура стала принимать прежние очертания. И она знала, что под белилами и румянами у нее свой естественный здоровый цвет лица. К ней вернулась живость; она больше не уставала после прогулок или утренних игр с детьми. «Я уже почти такая, как была»,— радостно думала она, накидывая соболью шубу, приготовленную для нее. «И теперь у Ирины не будет причин досадовать, когда моему мужу захочется прийти ко мне в спальню».

Ее муж. Иногда она сомневалась, действительно ли он все еще ее муж. С того самого момента, как он вернулся из Казани, четыре месяца назад, она почти не видела его, кроме таких важных государственных событий, как пир в честь победы и, конечно же, крещение их сына Дмитрия. Она знала, что у царя несметное число дел, которые занимали его в эти дни, но она не могла совладать с тем, что скучала по нему, думая о том, как он проводит ночи. «Теперь, когда я вполне здорова, я позову его,— решила она, и ее карие глаза светились всякий раз, когда она представляла себе подробности этой встречи. «Я прикажу задать настоящий пир здесь, в моей спальне, и мы будем есть и пить вино и говорить о чем-нибудь приятном, пока мы не почувствуем, что нам вновь хорошо друг с другом. А когда мы насытимся едой и питьем и общением, мы упадем в объятия друг другу и возродим нашу любовь, которая связывает нас все эти годы».

Эти воображаемые картины были так сладки, что ей не хотелось покидать место, где произошла когда-то божественная встреча, но времени оставалось мало и она запахнула почти у шеи шубу, позвала слугу и сказала, что готова к отъезду из дворца. Она уже вышла в коридор, когда перед ней возникла Ирина; ее костыли, как всегда, издавали тяжелый стук.

— Настя! Ты надела шубу! Куда, ради всего святого, ты собралась? — лицо княжны было полно изумления.

— Ну, ты, конечно же, помнишь, Ирина. Сегодня неверные из Казани обратятся к нашему Господу.

Ирина сощурилась с выражением неприязни.— Если ты имеешь в виду бывшего хана и его варварскую невесту... Они крестятся не по желанию души. Просто спасают свои жизни.

Анастасия пожала плечами.— Даже если и так, то это важный пример для других последователей Магомета познать истинное Божье просветление.

Она повернулась было, чтобы уйти, но княжна удержала ее прикосновением к плечу.— Не хочешь ли ты поехать к реке?— Анастасия уловила беспокойство в ее голосе.

— Да, конечно, да. Именно там произойдет крещение.

— Но, Настя! — на сей раз маленькая белая ручка крепко ухватилась за шубу Анастасии.— За порогом мороз! Даже здесь, за толстыми стенами, слышен ветер.

Анастасия взяла руку подруги в свою и сжала ее.— Я уже собралась, да и сама церемония не продлиться долго. Она рассмеялась.— Если мне будет холодно, то представь, каково Эдигеру и Тамаре, которых окунут в реку!

— Если они умрут, значит, они заслужат это за все, что совершили в прошлом.— Ирина ближе подошла к Анастасии и решительно повернула ее в сторону ее комнаты.— Тебе, которая так чиста, незачем все это.

Впервые за долгое время дружбы Анастасия всерьез рассердилась на подругу. Она выскользнула из Ирининых рук и упрямо остановилась.— Я — русская царица. Меня ожидают на церемонии. Мой муж особо известил об этом через своего гонца.

— Твой муж не представляет, какой вред принесет тебе эта холодная погода. Настя, сколько еще мы должны спорить об этом. Ты должна беречь свое здоровье!

Анастасия нетерпеливо махнула рукой.— Я берегу свое здоровье с момента рождения Дмитрия. Так берегу, что мой муж даже не удосужился прийти ко мне! Мне гораздо лучше, Ирина. Я чувствую себя почти здоровой!

— И все это будет впустую, если ты простоишь по колени в снегу, на безумном ветру.— Она серьезно взглянула на царицу.— Ты хочешь умереть, Настя? Хочешь? И оставить своего мужа без жены, а своего сына без матери?

Ирина уже не раз задавала этот вопрос, и не раз Анастасия отвечала тем же: нет, конечно, нет...

— Тогда послушай. Возвращайся к себе и сними шубу. Если тебе так уже хочется сделать что-то для бывшего хана, я закажу обедню в церкви. Это успокоит тебя?

Служба в церкви. Да, это было бы доброе дело. И уж, конечно, лучше, добавила про себя Анастасия, чем стояние на берегу реки под пронизывающим ветром. Она с сомнением посмотрела на Ирину: — Ты думаешь, царю это понравится?

— Я уверена в этом. Почему бы и нет? Что до крещения, то все будут чувствовать себя настолько занятыми, что даже не заметят твоего отсутствия. Все они будут ду-

мать, как бы поскорее вернуться к горячему огню и вину, чтобы согреться.

Анастасия улыбнулась: — Да, я мыслю, ты права.— Она вздохнула.— Хорошо, Ирина, в который раз я вновь склоняюсь перед твоей мудростью. Я пробуду все утро вместо этого с Дмитрием.

— Это более разумно.— Ирина подошла и поцеловала ее в щеку: — Иди и пошли за ним, любовь моя. А я закажу службу.

Анастасия пылко обняла ее: — Благодарю тебя. Прости, я была раздражена. Может быть, ты придешь к нам к обеду?

Когда Ирина дала свое согласие, царица послушно пошла в свои покои, полная радости оттого, что снова поступает правильно.

* * *

Лед на Москве-реке был так прочен вот уже многие недели, что даже самые грузные горожане, катались на салазках. Однако сегодня та часть реки, что протекала позади Соборной площади, была огорожена и закрыта для толпы. Все утро тщательно вычищенные сани скользили по снегу, то и дело высаживая седоков, так закутанных в меха, что их с трудом можно было узнать. Они стояли в снегу, притоптывая ногами, чтобы согреться, и пили горячий сбитень, разносимый царскими слугами в дымящихся частниках.

Иван, закутанный от головы до пят в крытую бархатом соболью шубу, спасавшую от бешеного ветра, с нетерпением ожидал начала церемонии, глотая сбитень и думая при этом, что только вино могло бы сейчас прогреть его насквозь.

Появился митрополит Макарий в сопровождении священнослужителей. Берег реки был сплошь усеян приглашенными и участниками этой необычной церемонии. И когда, наконец, показались сани с виновниками этого столпотворения, все глаза устремились на Эдигера и Тамару. Тамара оставила на себе шубу, вылезая из саней, но бывший хан Казани скинул с себя все, оставшись в льняной рубахе. Содрогнувшиеся зрители онемели от ужаса, когда он прошел по снегу босиком, а колючий ветер метал снег по его обнаженным ногам и они стали зловеще красного оттенка.

— Он здесь. Начинайте! — крикнул царь мужикам, которые стояли на речном льду и рубили полынью для совершения обряда крещения. Митрополит встал на видное место, взял руки Эдигера в свои и спросил громадного татарина, по своей ли воле он меняет веру.

— Это воля моего сердца,— четко выговорил Эдигер, открыто посмотрев в лицо русского царя.

— Не вынудили ли тебя к этому? Не было ли учинено насилие, чтобы добиться этого от тебя?

Эдигер потряс головой и вновь повторил: — Это воля моего сердца.

Митрополит важно кивнул.— А твой прежний идол, Магомет? — спокойно вопрошал он.— Ты отвергаешь его?

— Я люблю Иисуса,— твердо возгласил Эдигер.

— Идем.— Митрополит повел его к реке, и его сапоги наполнились водой. Два священника шли сзади и держали Эдигера под руки.— Может быть, Господь примет тебя и сделает своим верным рабом.— По знаку Макария, священники подтолкнули Эдигера к проруби, и он по грудь погрузился в воду. Когда они вытащили его, он был насквозь промокшим, но блаженная улыбка блуждала на его лице.— Эдигер умер! — сказал ему митрополит.— Даю тебе христианское имя Симеон. Доброе имя для доброго христианина.

— Князь Симеон,— поправил Иван, стоя у кромки берега.— Ты будешь моим доблестным слугой.

Новообращенный упал на колени в снег.

— Благодарю, государь,— пылко воскликнул он.— Это самый счастливый день в моей жизни.

— Покройте его! — приказал царь, делая знак принести меховую накидку Симеону.— Найти ему сапоги. И дать сбитень. Скорее!

Слуги сделали все, что было приказано, и вот уже новоиспеченный князь стоял, укрытый соболями. Он жадно выпил горячий напиток. Все глаза теперь были обращены на Тамару, его жену, которая молча наблюдала всю церемонию.

— Ты также желаешь обратиться к Богу, дочь моя? — спросил ее митрополит. Она стояла выпрямившись, ее черные волосы бешено трепал ветер.

— Да, святой отец.

— Может быть, ты желала бы дождаться другой погоды. Вода замерзла. Это опасно даже для мужчины. А весной...

— Я не боюсь замерзнуть,— отвечала Тамара твердым, чистым голосом. Зрители в ужасе увидели, как она скинула меха и осталась, как Эдигер, в льняной рубашке.

— Обожди. Митрополит говорит правильно. Ты заболеешь. Или хуже...— Симеон, пытаясь вмешаться, сделал к ней шаг.

Лицо Тамары было как лед.— Я всем пожертвую ради Иисуса,— сказала она. Она повернулась и пошла к воде.— Пожалуйста, святой отец,— умоляюще произнесла она,— очистите меня от моих грехов.

Иван наблюдал за этим, его темные глаза сузились и засверкали при виде того, как его бывшая наложница, проклиная Магомета, вошла в воду. Когда она вынырнула, ее рубашка прилипла к ее телу, четко обозначив каждый изгиб. Ее соски напряглись от холода, были как две оледеневшие точки на тонком льне. У Ивана перехватило дыхание. Разве могла какая-нибудь еще женщина на земле сравниться с ней по красоте — и по смелости? Тамара Гитарай рисковала жизнью не раз за последние годы, но побеждала каждый раз. Теперь она жертвовала своим здоровьем ради принятия Господа — что мог еще сделать Иван, как не простить ее за все ее былые грехи перед ним? Она возродилась, говорил он себе, чувствуя, несмотря на адский холод, жар в паху. Она безгрешна. А значит, и я безгрешен, если желаю ее. Он выхватил у слуги шубу и, мимо всех, направился к ней сам. Без смущения она сняла с себя рубаху и стояла обнаженная, пока Иван не закутал ее. Его глаза встретились с ее глазами — по-прежнему гордыми. Она ощутила через мех, как дрожали его руки. Он наклонился к ней, чтобы запечатлеть поцелуй принятия, и она почувствовала, что-то упругое и горячее коснулось ее бедра. Горячее дыхание обожгло ее лицо, и, даже не расслышав его сбивчивого шепота, она поняла все. И незаметно кивнула.

Князь Симеон, наслаждавшийся своим успехом, и новым титулом ничего не заметил.

Шиг-Али, наблюдавший с кромки берега, увидел все.

Глава 19

Тамара тихо вышла из покоев царя и проскользнула в длинный путаный коридор, стараясь прятать лицо в тень своей накидки. Хотя было только пять часов утра и она давно уже отвыкла от ночной активности, едва ли можно было описать состояние ее в этот момент: снова быть в объятиях царя, чувствовать его губы в каждом месте ее тела, снова быть полоненной им до изнеможения... Долго пришлось ждать, но ничто теперь их не разъединит, Тамара была уверена в этом. Не имеет значения, сколько было у него женщин в прошлом, сколько женщин будет в будущем: она была женщиной, завоевавшей его сердце. Как удачно он все продумал, поместив покои ее мужа рядом со своими в Кремлевском дворце! Он только назвал час — и она пришла к нему, уверенная, что не будет обнаружена. Князь Симеон, конечно, несмотря даже на свою преданность царю, не потерпел бы такого. Но Иван нашел решение: ночами, когда Иван и Тамара будут встречаться, Симеон будет отозван по важным делам.

Тамара завернула за угол и теперь коридор вел ее к ее собственным покоям. Как прекрасно обернулась ее жизнь: сильный, стройный и красивый муж и русский царь — ее любовник!

Она сбросила свою накидку и водопад черных волос упал ей на спину. Слава Богу! Она больше не будет стро-

ить из себя монахиню. Теперь ее муж и она окрещены и она может одеваться и красить лицо, как ей захочется. Как только она выспится, она прикажет дворцовым портным сшить себе платье, достойное татарской княгини и царской наложницы. Она уже почти прикоснулась к ручке своей громадной, отделанной орнаментом, двери, как вдруг какая-то коренастая, призрачная фигура двинулась в ее сторону. В ужасе она остановилась.

— Не убегай от меня, Тамара,— произнес голос.— Негоже бояться старых друзей.

Ее черные глаза сузились, она пристально смотрела на него.

Шиг-Али! Эта свинья, который использовал ее в Казани, а затем бросил на произвол судьбы без денег и помощи! С того времени, как они прибыли в Москву, она везде видела его. Так же, как ее муж и она сама, он собирался окреститься и был в милости у царя. Она, однако, старательно избегала встреч с ним. Она не выносила его еще в то время, когда жила у него во дворце. Сейчас же, когда была замужем за его последователем, возненавидела его еще больше.

— Оставь меня! — сказала она ему резко, отталкивая его фамильярную руку.— Ты забываешься!

— Не больше, чем ты, моя любовь,— ответил он с многозначительной улыбкой. Подняв одну бровь, он сказал: — Или ты случайно приглашена в царские палаты сегодня ночью?

Тамара в негодовании откинула голову: — Мое дело не может касаться тебя,— ответила она холодно.— Теперь извини меня, мой муж ждет меня.— Она сделала шаг к двери, но Шиг-Али остановил ее с язвительным смехом: — Твой муж? — произнес он. Его голос был полон сарказма.— Твой муж сейчас очень далеко. Царь отослал его с важным поручением.— Целую минуту Тамара старалась овладеть собой: «Я должна любой ценой быть спокойной»,— говорила она себе твердо. «Это животное не должно увидеть, что я испугана».

— Если ты уж так много знаешь,— сказала она наконец, взяв надменный тон,— тогда, возможно, ты также знаешь, что царь посылал за мной сегодня, чтобы поговорить о поручении, данном Симеону.

Губы Шиг-Али растянулись в насмешке.— О! Разумеется, не может быть сомнений,— ответил он.— Хотя, конечно, может показаться, что свидание слишком затянулось.

Тамара пожала плечами: — Я не слежу за временем, когда я с царем.— Вновь она попыталась открыть дверь.

— А что сделает твой муж — вновь обращенный христианин, если узнает о сегодняшней встрече? — спросил Шиг-Али таким тихим голосом, что она едва могла понять его слова.

Холодок прошел по спине Тамары, но она сдержалась.— Он будет гордиться,— ответила она без страха в голосе.— Это великая честь — служить царю.

Шиг-Али с сомнением покачал головой.— Однако я не думаю, чтобы это включало соблазнение его жены.— Он вновь попытался взять ее за руку.— Эдигер, или Симеон, как угодно,— татарин. Татарские мужчины не прощают женам измен.— Он говорил очень тихо, лицо его приблизилось к ней.— Возможно, ты помнишь случай, происшедший с танцовщицей и с отравленным кумысом? — Он помолчал, наслаждаясь произведенным эффектом.— Хоть это было по мусульманскому обычаю,— продолжал он, но наказание все равно будет.

Несмотря на ужас, охвативший ее, Тамара постаралась овладеть собой. «Держи себя спокойно»,— наставляла она себя. «Он лишь пугает, но ему ничего неизвестно на самом деле».

— Ты ошибаешься насчет причины наших встреч с царем,— ответила она холодно.— Я принадлежу только своему мужу.

Шиг-Али кивнул, будто поверив.— Тогда, возможно, ты не против, если я скажу ему, как осторожно ты подходишь к двери ранним утром?

— Почему ты должен говорить ему что-то? Это наше дело.— Он подступил к ней: — Я не сомневаюсь в этом, моя дорогая. Но было бы более приятно, если бы мы... ты заплатила за это.

Тамара отпрянула с омерзением.— Пошел прочь от меня, жирная свинья! А если я скажу своему мужу, что ты предложил мне?

— Ты должна больше опасаться Симеона, чем я,— сказал он, глядя ей прямо в глаза.— В особенности, когда я представлю ему других свидетелей сегодняшнего ночного приключения.

— Ты сумасшедший! — сказала она, хотя ее желудок сжался от ужаса.— Мое свидание с царем было абсолютно личным.

Али улыбнулся.— Ах, моя дорогая, ты слишком наивна! Есть княжна во дворце, она приближенная к цари-

це. Возможно, ты заметила ее, она не лишена привлекательности.

Тамара подняла голову: — Я заметила княжну Скурлатову, если ты ее имеешь в виду.— Она заметила Василису сразу после прибытия из Казани; привлекательные женщины всегда замечают друг друга, если дело касается мужчины.— Как и у меня, у нее особый интерес в блужданиях по дворцу,— объяснил Шиг-Али мягким голосом.— Я видел ее сегодня ночью, стоявшую в тени, когда ты входила в царские покои.

Это была, конечно, ложь. Она прочла это на губах Али, это сорвалось с его губ, благодаря годам общения с женщинами. Одна красивая женщина восстанет против другой, чтобы воспользоваться преимуществом.

Тамара разозлилась: — И что же? Я же сказала тебе, что царь послал за мной! — В этот момент ее страх достиг предела.

Шиг-Али посмотрел на нее пристально: — Давай прекратим эту игру в кошки-мышки, Тамара? Я на твоей стороне, прежде всего. Я хочу позаботиться о твоем спасении.— Осторожно он положил свои руки на ее шею.— Ты слишком красива, чтобы достаться Эдигеру.— Тамара заставляла себя спокойно стоять.

— Ты предлагаешь мне защиту в обмен на что?

Шиг-Али улыбнулся. Он стал наматывать ее волосы на свои толстые пальцы: — Я соскучился по тебе, Тамара. Мы провели столько блаженных минут вместе.

— Ты использовал меня! Оставь меня в покое! Ты даже не позаботился обо мне в Казани. Тебя не волновало, что могло случиться здесь.

— Я знал, что ты сама справишься в Казани, моя любимая. Ты не нуждалась во мне там. Но ситуация теперь изменилась. Ты можешь быть замужем за Симеоном, но ты в действительности не знаешь его. Если он узнает о том, что у вас с царем...— голос его понизился.

Тамара поняла его слова. Хотя ее муж был всегда нежен с ней, она не сомневалась, что он может круто измениться, если что-то произойдет. И если Иван даже защитит ее, все равно ей не миновать грозы. Традиции были слишком сильны в татарских мужчинах, а особенно, если это касалось их женщин. Она посмотрела на Шиг-Али — жирного, омерзительного. Как она могла переносить его прикосновения, его руки на своем теле, его поцелуи! Она передернула плечами. Ответ был очевиден. Она перенесла это, потому что была в тюрьме. Ее беско-

нечная дорога в Казань, недели во дворце Али, где она танцевала для него, разделила с ним ложе. Это была Тамара Гитарай. Она может перенести все, что угодно.

Тамара сузила свои черные глаза и посмотрела на него презрительно.— Как я могу поверить тебе после всего, что случилось?

Он обвил рукой ее талию.— Потому, моя дорогая, что я однажды спас тебя, и еще потому,— голос его стал низким,— что у тебя нет выбора.— Тамара поняла: все карты были раскрыты. Преодолевая омерзение, она открыла свою дверь: — Входи,— сказала она низким голосом.— Я слишком устала, чтобы танцевать для тебя сегодня ночью, но, возможно, мы как-нибудь справимся без этого.

Массивная дверь закрылась за двумя фигурами.

* * *

Князь Андрей Курбский только что вернулся с утренней верховой прогулки, и обнаружил, что гонец привез послание от царицы. Осторожно взял Андрей свиток тяжелой бумаги и прочел несколько слов, которые, очевидно, были написаны в спешке.

«Князь! Будь так милостив и ответь без промедления. Я ожидаю у себя в Кремлевском дворце. Анастасия Романовна».

Андрей, разумеется, не сомневался, что послание было от Анастасии. Но он никогда не получал ничего подобного в прошлом, поэтому сейчас он даже не мог себе представить причины, заставившей ее написать письмо. Хотя он клялся в абсолютной верности царице во время их венчания с Иваном, она никогда не обращалась к нему за помощью. Он удивлялся, почему она выбрала его, но и радовался этому. С тех пор, как собственное венчание Андрея, три года назад, произошло, он не был так близок с царем, как в прошлом. Их дикие скачки через город, их бессонные ночи с пьянствами и девками ушли безвозвратно. Теперь его занимали иные интересы. Но, продолжая считаться одним из самых ближайших друзей царя, он отдал бы с радостью свою жизнь за этого человека, если бы это потребовалось. Внезапно тревожная мысль посетила красивую голову Андрея. Это касалось слуха, который пошел последнее время. Нет, это был, конечно, не более, чем слух — Андрей не сомневался в этом. Царь и княгиня Симеон, бывшая Тамара Ги-

тарай, вновь были вместе. Даже сама мысль об этом была омерзительна Андрею. Однако он не слишком удивился: Тамара была связана с Иваном с детства, а когда стала взрослой женщиной, царь попал под влияние ее чар. Даже то зло, которое чинили ее братья, пытаясь воспрепятствовать венчанию Ивана с Анастасией, не отвратила от нее царя. И теперь, когда она замужем за одним из бывших Ивановых врагов, она продолжает испытывать на нем свои чары. Возможно, печально подумал он, Анастасия прознала об этом и теперь хочет поделиться с Андреем. Возможно, она будет настаивать на том, чтобы он предпринял что-то против наложницы ее мужа и помог устранить ее. Но, нет! Андрей не мог представить себе Анастасию, желающую зла, все равно кому, крещеному или нет. Она была слишком чиста, грязь не касалась ее.

Андрей приказал подать сани и, не говоря ни слова ни с кем, когда ждать его возвращения, поспешил во дворец. Он беспрепятственно прошел в покои царицы.

Анастасия ожидала его с явным нетерпением. Ее прекрасное лицо было бледно, нахмурено, ее светящиеся карие глаза были в тревоге.

— Я пришел так быстро, как мог, моя госпожа.— Андрей опустился на одно колено, но Анастасия махнула рукой, как бы запрещая.— Я послала за тобою, потому что ты — друг царя. Боюсь я, что он скоро захочет тебя видеть.— Андрей посмотрел на нее вопросительно: — Что произошло, государыня? — Он нездоров.— Болен? — Андрей не мог вспомнить, когда царь был болен. В детстве Андрею всегда казалось, что только он, Андрей, попадал в разные неприятности, выворачивал ноги и ломал руки. Он всегда считал, что его друг более сильный и просто счастливый.

— Но в чем причина болезни? — спросил он Анастасию.— Сколько времени, как он занемог?

— Он лежит уже два дня, не принимая никакой пищи и воды. Он не хотел давать мне знать, но его слуга пришел ко мне рано утром, он уже начал беспокоиться.

— Ты видела его сама?

— Я бросилась в его комнату сразу же, как только услышала об этом. Он очень бледен, его руки холодны как лед.— Отчаяние отразилось на лице царицы.— Он не дает мне послать за лекарем, а на самом деле он действительно болен.

— Возможно, это морозы,— предположил Андрей без особого беспокойства.— А погода в это время года слиш-

ком неустойчива: один день — теплая, другой — морозная и ветреная.

Анастасия покачала головой. Увы! Это было далеко не так.

— Все равно мы должны послать за лекарем. У царя всегда был неуживчивый нрав. — Андрей улыбнулся, видя растерянность Анастасии.— Да, теперь, когда ты пришел, я сделаю это. Только я хотела, чтобы ты первым увидел его. Напомни ему, что его долг восстановить свое здоровье.

— Я иду немедленно.— Андрей взял руку царицы и поцеловал ее.— Это большая честь, что ты посылаешь меня, государыня. Я сделаю все возможное, чтобы царь понял, что он не должен пренебрегать здоровьем.

— Это что-то неладное, князь. Мой муж серьезно болен, я чувствую это!

— Мы позаботимся об этом.— Андрей поклонился и сделал шаг, чтобы уйти.

— Не волнуйся так, государыня! Царь молод и быстро поправится.

— Я молюсь за это. Спасибо, что пришел.— Анастасия попыталась слабо улыбнуться, когда Андрей покинул комнату и поспешил через дворцовые коридоры в покои царя.

Здесь также он прошел беспрепятственно. Царский слуга знал его хорошо и провел в царскую спальню.

Иван лежал неподвижно на своей кровати. Хотя его глаза были открыты, он не подал даже знака, что осознал присутствие Андрея.

— Государь! Это я, Андрей! — Потрясенный тем, что не слышит ответа, Андрей подошел ближе.— Иван! Ты узнаешь своего старого друга? Ну, ну же, поговори со мной! — Он ждал, почти перестав дышать от испуга. Царь повернул медленно голову и взглянул на него.

— Андрей! Слава Богу! — с явным усилием он протянул ему худую холодную руку.— Иван, что случилось с тобой? — Видя человека, который был известен несокрушимым здоровьем, в таком положении, Андрей ужаснулся: яд?

— Я не знаю, я не могу встать. И все это время мне так холодно... — Рука царя выпала из рук Андрея и он, уронив голову на подушку, застыл.

— Лекарь уже в пути. Он должен увидеть тебя и сказать, в чем дело.

— Да, да.— Царь кивнул вяло. Он уже начинал жалеть, что отказался от услуг лекаря прежде.— Но ты... Ты должен помочь мне, Андрей.

Андрей снова взял холодные руки, пытался согреть их своими.

— Все, что угодно, только скажи мне что?

Губы царя пошевелились, как-будто он попытался сказать слово.— Мой сын, Дмитрий! Его надо защитить.

— Тебе не надо беспокоиться об этом, государь. Царский наследник отсюда далеко. Я сомневаюсь, чтобы царевич...

— Я не это имею в виду,— прервал царь.— Трон! Это его право. Есть люди, которые хотят убить его.— Его волнение было так велико, что он стал задыхаться.

— Иван! Друг! Успокойся! Ты не должен беспокоиться за трон. Ты слишком молод, а царевич еще дитя.

Много времени прошло, пока царь смог овладеть своим телом. Затем он поднял свои темные глаза на князя: — Андрей, ты не понимаешь, я умираю.

— Нет! Нет! Ты не умираешь. Я даже не хочу думать об этом. Ты сильный, Иван, ты сможешь встать!

Царица в своей спальне услышала царские стоны и бросилась к нему: — Лекарь в пути, он узнает в чем дело!

Иван повернулся к жене и слабая улыбка отразилась на губах: — Настя! Любовь моя!

— Лежи спокойно, дорогой мой. Не пытайся разговаривать, ты должен отдыхать.

Глаза Ивана беспокойно блуждали, пока не остановились на Андрее, который отошел от кровати, когда появилась Анастасия.

— Андрей, ты не покинешь меня?

Князь подошел с беспокойством: — Я здесь, государь! Я буду стоять здесь, пока не понадоблюсь тебе. Царица права, ты должен отдохнуть. Мы поговорим позже.

Похоже было, что царь расслабился.— Да,— прошептал он. Дыхание стало более спокойным.— Я отдохну немного. Спасибо тебе, дорогой друг. И...— он посмотрел на Анастасию,— моя дорогая жена.

Анастасия и Андрей отошли в дальний угол комнаты. Он закрыл глаза и, казалось, уснул.

* * *

Архиепископ Сильвестр неторопливо, со вкусом выпрямил складки на рукавах красного бархата и произнес безмятежным тоном:

— Он умирает.

Сдавленный стон вырвался у Евфросиньи. Тут же в хоромах повисла тревожная тишина.

— Вот уже пятый день, как он не принимает пищи. А на второй сильно ослаб.

— У него... чума? — дрожа, спросила Евфросинья.— Я слыхивала, в Новгороде...

— Нет. Это не чума,— отвечал уверенно Сильвестр.— И...— он помолчал, словно нарочно тянул время и провел пухлой рукой по лбу,— лекарь говорит, что это не яд.

— Что тогда! — подала голос Василиса, до сих пор молчаливо стоявшая подле мужа.

Архиепископ пожал округлыми плечами:

— Застудился, верно... Никто не ведает про то.

— Ты видел его?

— Видал. Государь просил у меня помощи, когда станут клясться на верность.

Евфросинья сухим, воспаленным взором уставилась на этого глубоко ненавистного ей человека, в руках которого, увы, была ее судьба.

— На верность... кому? — вопрос тревожно повис в воздухе. В эту минуту, для всех этих людей важнее ничего не было.

Сильвестр упивался своим превосходством: это его ответа ждали с таким страхом.

— Царевичу!

— Куда смотрит Всевышний! — старая княгиня воздела в отчаяньи руки.— Понимаешь ли ты, что будет, если унаследует трон дитя? Править-то станет Анастасия, ее родня!

— Не гневись прежде сроку, княгиня. Говорю тебе — так царь хочет. А что прочие хотят — то особый сказ.

— Мой сын — двоюродный брат царю! Он не чета каким-то Кошкиным. И ежели умрет Иван, то быть Владимиру на троне!

— Матушка, матушка,— мягко успокаивал Владимир Андреевич, хотя речь шла о его судьбе.— Архиепископ сказал лишь, что за царевича немногие.

— Верно, князь,— Сильвестр одобрительно посмотрел на Владимира.— Лишь немногие при дворе за Захарьина. Когда наступит время...— его холодные голубые глаза угрожающе сузились,— Владимир Андреевич будет царем.

— Но что это за присяга? — резко оборвала его Василиса.— Что если они и впрямь откажутся?

— Дадут они эту клятву или нет — не главное, а главное, что не станут они держать слово.

— Ведомо ли тебе, что ты говоришь? — встревоженная Евфросинья прикидывала в уме разное.— Сам-то ты станешь лжесвидетельствовать?

Архиепископ про себя усмехнулся: а ведь не глупа эта старуха! Ей ли не знать, что все, кто ныне в услужении у царя ходят по острию ножа! Иван хоть и больной, был еще жив, и случись так, что его ближайший советник станет изменником — не сдобровать тогда ему. Клятвопреступление — смертный грех. Простит ли Господь раба своего за такое?

Сильвестр был труслив, и всю жизнь трясся за свою шкуру. Но ему нужно было, чтобы Старицкий возобладал над Захарьиным, и он изменил себе.

— Допрежь не было среди моих пригрешений клятвопреступления,— сказал он самодовольно.— Я на стороне князя Владимира, и не убоюсь сказать про то царю.— Он глубоко вздохнул.— А что до других... им не впервой грешить.

Владимир спокойно слушал.

— Что мы должны делать? — спросил он.

— Мы должны объединить наши силы. Ты, князь,— его глаза перебегали с женщин на высокого, молчаливого князя,— должен собрать верных людей, будь то бояре или служилые. Если случится бунт, это будет на руку.

Стоявшая подле свекрови и мужа Василиса не слышала ничего, кроме стука своего сердца. Уже скоро, уже близко! Если все, что предсказывает Сильвестр, правда — быть ей русской царицей!

* * *

Анастасия успокаивала маленького сына, нежно прижимая его к груди. Она ходила и ходила по палате, словно загнанный зверь. Она то готова была заплакать от горя, то вдруг вся горела гневом.

— Архиепископ Сильвестр! Кто мог подумать, что он против нас! Царь считал его своим верным сторонником! — Анастасия подошла к дверям, а оттуда обратно — туда, где безмолвно сидела и слушала ее Ирина.

— Уж если он — наш недруг, то кто же тогда наш друг? Повсюду притаилась злоба, все так и ждут, чтобы что-нибудь случилось с Иваном.

— Настя, ты не должна думать так.— Княжна Ирина, давно наблюдая эти вспышки гнева, уже отчаялась переубедить, утешить свою дорогую подругу.

— Ты измучила себя. Но надо выдержать все это, Настя!

— Не бойся, Ирина, я выдержу, — Анастасия бросила взгляд на Ирину, в котором читалась решимость.— Я не позволю оспаривать права моего сына на трон.

Она осторожно приподняла атласное покрывало над личиком царевича.

— Господь услышит мои молитвы! Тот, кто посягнет на него, будет наказан десницей Господней!

— Настя, но за царя стоят почти все...

— Но тебя не было там! Когда царь просил поцеловать крест на верность царевичу, они отказались! — Анастасия стала задумчива, казалось, мысли ее уже далеко.

— Он боится за меня,— сказала она и голос ее сломался: — Он упрашивал дядю Григория забрать меня и детей, если он умрет.— Ее глаза наполнились слезами.

Чувствуя себя неспособной больше оставаться в кресле, Ирина, стуча костылями, подошла к царице.— Настя, ты должна помнить, что Иван еще жив! Он говорил, эти вещи чтобы предупредить. Когда он поправится...

— Если он поправится,— голос Анастасии угасал. Казалось, она потеряла все чувства.— Ты знаешь, что сказал лекарь, Ирина? Он слабеет с каждым часом.

— Но он жив! Мы должны питать надежду, Настя. Царь Иван — Божий сын.

— Я знаю, я знаю,— внезапно, овладев собою, Анастасия положила сына на близ стоящую кровать.— Он дал обет Богу,— сказала она тихо.— Он обещал, что, если он выздоровеет, он совершит поломничество к мощам святого Кирилла и возьмет меня с Дмитрием.

Ирина поразилась. Это же очень далеко от Москвы! Было безумием брать маленького ребенка и путешествовать с ним так далеко.— Возможно, он имел в виду, когда царевич будет старше?

Анастасия отрицательно покачала головой: как скоро он поправится.

Ирина сказала с сомнением: — Мощи святого Кирилла далеко на севере, а погода стоит холодная. Для твоего благополучия надеюсь, что оно не состоится,— сказала она с обычной озабоченностью.— Но, конечно,

единственное, о чем мы должны беспокоиться сейчас, это выздоровление царя от этой хвори. И мы увидим...

Неожиданный крик Дмитрия заставил обеих женщин подскочить от удивления. Они посмотрели друг на друга одновременно и обе.

— Мой сын все понимает? — спросила Анастасия подругу.— Он злится, потому что мы не уделяем ему внимания. Он здоровый ребенок, со здоровой душой,— сказала Ирина ей, протягивая ребенку палец. Что бы ни случилось — у тебя есть Дмитрий.

* * *

Василиса отпустила прислугу и была предоставлена самой себе. Такие моменты, как этот, когда она была полностью одна и наслаждалась горячей водой и душистыми травами, были изумительными.

Когда царица была в своей комнате, а ее свекровь и Владимир отбыли в Старицу, никому не требовалось ее время и внимание. Вскоре, конечно, вспомнила она с улыбкой, все изменится. Однажды Владимир будет венчан на трон. Анастасия и ее сын будут убиты или сосланы, а она и ее прекрасный муж начнут самое славное правление. Но не для Василисы, как Старицкой, существует роль домашней дельной жены. Она не станет проводить свои дни в молитвах, а ночи в чтении, пока ее муж пирует во дворце. Нет, только не это! Ей нужно время для выбора материалов для красивых платьев, драгоценностей для царских выходов, для массажей, для охоты с ее братом и мужем. А вечерами будут устраиваться празднества с музыкой, вроде тех, какие были в дальних землях: певцы, танцоры, переодевания, сцены с интригами и любовью. Долой танцующих медведей и балалайки!

Василиса откинулась на деревянную спинку и закрыла глаза. После празднеств и ее службы приходили мгновения, когда ее тело готово было принять мужа или других, желающих ее, мужчин. Василиса не испытывала вины оттого, что представляла себя с другими мужчинами, кроме Владимира. Она не видела причины беречь себя только для одного мужчины, когда другие так привлекательны. Она уже прекрасно поднаторела в вопросах конспирации, особенно с тех пор, как ее свекровь Евфросинья стала подозрительно относиться к ней и держала ухо востро. Но Василиса была уверена, что сможет провести Евфросинью и Владимира, особенно когда она станет царицей.

Теплая вода стала охлаждаться. Василиса встала и выжала свои огненно-рыжие волосы, которые собрала наверху головы.

— Как ты хороша!

Ее молочная кожа, уже порозовевшая от воды, стала пунцовой, когда раздался ненавистный голос. И она повернулась. Ее лицо выразило ненависть, глядя на Сильвестра, стоявшего у двери. Его голубые глаза ощупывали каждый вершок ее тела.

— Сумасшедший! — прошептала она, схватив полотенце и обмотав его вокруг себя.— Что ты делаешь в моих комнатах? Если кто-нибудь увидит тебя?

Архиепископ хитро улыбнулся: — Ты посылала за мной, государыня, не так ли? Я понял, что внезапно ты возжелала говорить с духовником? Или тебе захотелось дать клятву верности маленькому царевичу?

— Скотина! Как смеешь ты нарушать мое уединение! Я не посылала за тобой, ты прекрасно знаешь это!

Сильвестр принял мнимо смиренный вид: — Ах! Я понимаю, что допустил ошибку. Прошу принять мое сожаление, сударыня.

Прежде чем Василиса смогла ответить, он быстро подошел к ней и дотронулся до ее полотенца своими мерзкими пальцами: — Возможно я понадоблюсь для другого?

С внезапной яростью — Василиса все же не смогла удержать свой гнев — она взглянула на него своими зелеными глазами, в которых зажегся огонь: — Ты, жирный дурак, убирайся отсюда! Ты никогда больше не дотронешься до меня!

Лицо Сильвестра выразило удивление, затем медленно окаменело и сменилось явным гневом. Но голос его оставался спокойным, почти бесстрастным: — Ты даже не знаешь, что ты сказала, дитя мое. Царева ужасная болезнь сделала тебя нервной. По-видимому, ты не хочешь отослать своего лучшего друга?

— Друг? Да ты просто дикий зверь, которого надо посадить на цепь! Я больше не желаю знать тебя. Не желаю!

Сильвестр поцокал языком: — Что за нрав! Но я должен сказать, моя дорогая, что ты необычайно прекрасна, когда злишься.— Осторожно он сделал шаг к ней и опустил руки за полотенцем.— Возможно, здесь такие тяжелые испарения, что ты перепутала меня с кем-то другим. Я человек, который хранит твои темнейшие секреты,

или ты не помнишь? Я тот человек, который нашел тебе сильного мужа,— его голос зазвенел — полноправного претендента на трон.

— И я должна платить, платить и платить! — голос Василисы сорвался до истерики.— Итак, я выплатила сполна! Я не желаю больше играть в твои мерзкие игры. Я не нуждаюсь в жирном мерзком любовнике и, как царица, я желаю молодых страстных любовников, мужчин, которые знают, как удовлетворить женщину.— Победная улыбка засияла у нее на губах, улыбка ненависти.

Архиепископ застыл надолго, глядя на нее. Его глаза сузились почти так, что их не было видно на его круглом, маленьком лице: — Я понял,— сказал он,— что ты, наконец, освоилась с титулом царицы.

Василиса встряхнула головой и длинные вьющиеся волосы упали на обнаженные плечи: — Почему бы и нет? Ты сам возглавляешь борьбу против царевича. Если Захарьины проиграют, Владимир несомненно станет царем.

Сильвестр задумчиво кивнул: — Это правда, моя дорогая. Если Иван умрет, Владимир будет царем, тем более...

Внезапно Василиса рассмеялась и сбросила полотенце, обвязывающее ее: — Возможно, я была жестокой с тобой, Отче. Ты действительно способствовал моей свадьбе с Владимиром.— В ее зеленых глазах плясали огоньки, ее лицо приняло выражение кошки, играющей с мышью: — Итак, я решила быть с тобой по-прежнему любезной.— Нет, нет! Ты не должен трогать,— сказала она быстро, увидев, что архиепископ сделал еще один шаг к ней. Она отскочила назад: — Ты должен только смотреть. Никто больше не посмеет дотронуться до царицы. Но... поскольку ты — прекрасный друг, ты можешь смотреть на меня так долго, как захочешь.— Она встряхнула плечами, и выгнула спину так, что ее грудь прекрасной формы обрисовалась.

На минуту лицо Сильвестра окаменело, его рот приоткрылся, словно что-то мешало его дыханию. Затем, к удивлению Василисы, он схватил полотенце и швырнул в нее: — Возьми это,— зло сказал он,— прикройся в моем присутствии.

Губы Василисы сложились в саркастической улыбке: — Для тебя достаточно, Отче? Ты больше не можешь так стоять? — Она не прикрыла себя и оставалась обнаженной, держа полотенце в руках: — Я все-же предлагаю тебе воспользоваться тем, что я даю. Потому что я никогда больше не сделаю этого.

Архиепископа передернуло: — Как ты желаешь,— сказал он с величайшим достоинством,— но, возможно, я смогу сделать одну вещь для тебя, прежде, чем уйду.

— Для меня? Я не понимаю...

— Я получил известие за минуту до того, как прийти сюда.— Теперь он улыбался победной улыбкой.— И думаю, что это заинтересует тебя.

Любопытство Василисы достигло предела: — Известие для меня? От Владимира? И ты до сих пор не сказал?

— Это не от Владимира,— он поправил складки своего одеяния.— Это от лекаря царя.

У Василисы перехватило дыхание: — И... все кончено? Ради Бога! Что же сказал этот человек?..

Архиепископ выдержал длинную паузу: — Итак, моя госпожа, все кончено... царская болезнь отступила. Он встал с одра болезни. Царь выздоровел.

Глава 20

Анастасия прижалась к Ивану, ее рука нашла его руку. Морозы только-только нехотя уступали весенней оттепели, и ей было зябко в своей меховой шубе, но не это заставило царицу искать защиты под сильной рукой, обнявшей ее за плечи, — просто внезапный острый прилив нежности и любви, который охватывал ее теперь постоянно.

Выздоровев, Иван долго и страстно молился, прося простить его за все грехи. Он клялся, что станет иным после болезни, что греховные свои привычки предаст забвению — ни жестокости, ни пьянства, ни блуда не станет в его новой жизни.

И вот теперь царь и царица ехали на богомолье к мощам святого Кирилла, а для Анастасии эти дни были слаще медового месяца. Она была бесконечно счастлива: и оттого, что с ней ехал ее малолетний сын Дмитрий, и оттого, что царь был все время с ней, и просто оттого, что наступил апрель — все заново зарождалось в природе и в ее душе.

Правда, она порой начинала скучать по Ирине, которая не могла из-за своей хромоты ехать с ними. Но потом успокаивалась от одного только любящего взгляда Ивана.

— Хорошо ли тебе, Настя? — он склонился поцеловать ее.

— Да, как никогда прежде,— улыбнулась она.— Я не была так счастлива...

— Даже в день свадьбы? — лукаво спросил царь.

— Тогда я была дитя, теперь же — я женщина и все, о чем я тогда лишь могла мечтать, теперь сбылось.

— Как сладко мне слышать это, Настя: у меня только и есть радость, что ты. Без тебя мне не прожить. Многих я знавал девок,— царь помолчал.— Но всегда лишь твоя небесная улыбка, твой нежный облик спасали меня. Как вспомню тебя, так и бегу от дьявольских соблазнов. Дурен я, Настя.

— Все это было. Теперь ты выздоровел. Покуда я с тобой буду, не печалься об этом, забудь.

* * *

Тамара Гитарай, жена князя Симеона, томилась в тоске. С тех пор, как царь с царицей уехали на богомолье, жизнь омрачилась. Хотя ее супруг и был обласкан царем, но ни он, ни Тамара не допускались к царским забавам вместе со всей московской знатью. Но Эдигеру все равно не сиделось в палатах, и Тамара оставалась одна целыми днями. К тому же ненавистный Шиг-Али преследовал ее постоянно, добиваясь ее любви.

Весна вступила в свои права, а царь все не возвращался. Тамару больно задело, что, уходя, он не простился с ней. Терпение ее истощилось: она ждала, когда Иван болел; она ждала его прихода, когда разнеслась весть о его выздоровлении. Все напрасно: только однажды из окна она увидела царский выезд. Он показался ей стройнее и красивее, чем прежде, но увы! И взгляд его, и нежная улыбка обращены были к одной Анастасии и к ребенку в руках няньки.

Тамара прослышала, что царь дал обет преобразиться после болезни, и что этим богомольем хочет воздать благодарность Господу за свое чудесное исцеление. Но она хорошо знала Ивана и ожидала, что по возвращении всю его святость как рукой снимет, как это бывало и раньше.

Не зная, чем занять себя, она подошла к зеркалу и, взяв гребень, собралась расчесать свои черные кудри, но, всмотревшись в свое отражение, внезапно нахмурилась. Бесспорно, она все еще была прекрасна, но тонкая паутинка едва заметных морщинок легла под глазами. Та-

мара испугалась: неужто она так постарела? Ей ведь еще двадцать восемь лет... Правда, русские девушки считаются на выданье уже в пятнадцать или шестнадцать лет. А ее царственный любовник моложе ее на пять лет, а Анастасия еще моложе...

В первый раз Тамара задумалась над тем, что ее главная защита — красота, не вечна, и что придет день, когда царь сочтет ее тело недостаточно прекрасным и чувственным. Она даже содрогнулась: любовь Ивана была ее единственной защитой. Что же делать? Она злобно швырнула гребень в зеркало. Оно треснуло? Ну и пусть, раз так огорчило ее.

Тамара кликнула девку, велела одеть ее и оседлать ее лошадь. Ей хотелось развеять нахлынувшую печаль, скача по улицам, вдыхая всей грудью молодой весенний ветер.

Выехав за городскую стену, она в задумчивости пустила лошадь шагом. Где она находилась, Тамара узнать не могла, но внезапно увидела пестрый цыганский шатер. Никого не было вокруг. Любопытная Тамара слезла с лошади и огляделась.

— Дай, я подержу твоего коня, боярыня! Я напою его и посторожу,— маленький цыганенок появился как из-под земли и, блестя лукавыми черными глазками, смотрел на нее снизу вверх.— Дай мне подержать поводья, я знаю, как обращаться с лошадьми!

Тамара растерялась и не знала, доверить ли ему лошадь из царских конюшен. Но мальчик был так мал, и так просил ее, что она согласилась.

— На, держи. Когда я вернусь, подарю тебе монетку.

Тамара подошла ближе к шатру, не решаясь заглянуть внутрь, но тут услышала позади себя конский топот. Мгновенно догадавшись, она повернулась, но было уже поздно: маленький разбойник резво скакал на ее лошади. Вне себя оттого, что ее обманул ребенок, Тамара бросилась было догонять, но раскатистый мужской смех заставил ее гневно обернуться.

Высокий и стройный, с курчавыми черными волосами и выразительными глазами, с ресницами, длинными, как у девицы, он стоял, подбоченясь и глядя на нее, совсем не смущаясь, не отводя взгляда. Улыбка обнажила белоснежные зубы.

— Не бойся, боярыня. Это мой сын, он порезвится и вернется.

Тамара нахмурилась: странно, подумала она, что-то влекущее есть в этом мужчине. Она почувствовала, что волнуется. Сердиться было глупо, и она слегка улыбнулась ему.

— Эта лошадь из царской конюшни. Несдобровать твоему сыну, если он украдет ее.

Мужчина равнодушно пожал плечами. Упоминание о царе, казалось, нисколько не испугало его. Он подошел к ней ближе и сказал:

— Меня звать Данило. Если уж заехала в эту сторону, боярыня, так зайди в мой шатер.

Тамара удивлялась его смелости, но любопытство взяло верх и она пристально оглядела его. Что ж, было время, когда смелая татарская девушка без оглядки пошла бы за этим красавцем, но теперь... Супруг ее — Симеон, сама она крещеная, а этот мужлан с виду неотесан... Их глаза встретились, и она больше не колебалась.

Он, видно, смекнул, в чем дело, и весело сказал: — Не бойся. Ты просто дождешься моего сына с твоей лошадью.

— Что ж, идем,— решительно она вошла в шатер.

Внутри земляной пол был застлан лошадиными шкурами, что-то наподобие широкой лежанки занимало почти весь шатер. Данила налил в чарки вино, сладкое и теплое. Отпив, Тамара почувствовала, как блаженное тепло разлилось по всему ее телу.

Она расположилась на лежанке, а Данило улегся у ее ног прямо на полу.

— Как тебя зовут? — спросил он, улыбаясь и следя черными глазами, как капля вина скатилась к уголку ее рта.

— Зачем тебе это знать? — Тамаре было тепло, в голове приятно шумело, а ног она уже совсем не ощущала.

Он не ответил, просто не сводил с нее бесстыдных глаз.

— Почему ты так смотришь?

— У тебя капля вина на губах.— Она попыталась слизнуть его розовым языком.— Она еще там.

— Ну тогда сотри ее.— Он сел, приблизился к ней. Его глаза не отрывались от нее. Она почувствовала теплоту его дыхания и совсем рядом его рот. Мягко его язык слизал вино.

— Благодарю.

В тишине он налил ей вино прямо в рот из бокала.

— Еще сотри, пожалуйста.— Его губы нашли ее. Чувствуя прилив желания, она видела его руки на своей груди.

* * *

Князь Лев Скурлатов был пьян. Его глаза были красны, рот сведен в саркастической улыбке — он смотрел на свою сестру. Она была ему действительно неприятна.

— Итак,— спросила она с нетерпением,— ты собираешься помочь мне?

Он дотянулся до чарки с водкой и сделал глубокий глоток: — С какой стати? Ты замешана в грязных делах, запуталась сама...

— Но я нуждаюсь в твоей помощи, Лев! — она встряхнула своей огненной головой и впилась в него взглядом зеленых глаз: — У тебя ведь влиятельные друзья!

Он откинулся в кресле и посмотрел на нее:— Ты, может, хочешь, чтобы твоего замужества не было?

— Конечно, нет. Он хочет, чтобы я жила с ним в Старице.

— Прекрасное место, я уже говорил. Отчего же не поехать?

— Лев, Владимир отдален от дворца.

— А ты не хочешь разделить его судьбу?

— Конечно нет, почему я должна сидеть в обществе этой вороны, его матери?

— Ах, да. Ты называешь вороной Евфросинью?

— Она омерзительна, ты знаешь это. К тому же она ненавидит меня, особенно после того как мой план провалился.

Лев кивнул. Он мог понять старую княгиню, он сам ненавидел Василису.— Возможно, тебе стоит обратиться к своей повелительнице — царице.— Он сделал другой глоток и пролил немного на пол.

Глаза Василисы раскрылись от ужаса: — Я не могу этого сделать. Она ничего не знает, никто не знает. Наше венчание было тайным.— Она перевела дыхание: — Если Анастасия узнает, что я была среди тех, кто был в заговоре против царя, когда он был болен!..

— Царь простил Владимира, почему же добрая госпожа не простит тебя?

Василиса поняла это: — Возможно, она простит,— согласилась она.— Но она никогда не согласится на наш

разрыв. Возможно, она будет настаивать, чтобы я жила с Владимиром в Старице.

— Ха-ха! — князь Лев рассмеялся,— я никогда не был сторонником царицы, но в этом вопросе буду на ее стороне.— Он посмотрел на нее неприязненно.

— Лев, пожалуйста! — с тревогой в голосе воскликнула Василиса, опустившись на колени возле его кресла.— Ты должен помочь мне. Я твоя сестра! Это не моя вина, что наш план не сработал.

— Если бы Иван умер, ты бы стала царицей России,— продолжил за нее Лев.

— Да! И ты бы имел сильную позицию. Сильнейшую после царя. И это было бы благодаря мне, Лев. Я бы настояла на том, чтобы Владимир...

Губы Льва сложились в саркастическую улыбку: — Все, что делается благодаря тебе... маленькая тварь... это бесчестно и безнравственно. Ты полагаешь, что Лев хотел бы расторгнуть твое замужество? — Он покачал головой.— Я не могу помочь тебе, Василиса. Только царь может разрешить это.

Василиса в ужасе отпрянула.

— А что же твой друг, архиепископ Сильвестр? — голос ее брата изменился,— возможно, он может помочь.

Василиса разразилась слезами: — Он не может! Он слишком рисковал, когда возвращал Владимира. Он едва не поплатился головой.

Правда же была в том, что Сильвестр больше не имел с ней дела. И хотя царь был по-прежнему к нему благосклонен, но он знал, что его позиция может измениться в любую минуту, и он не верил Василисе с того дня, когда принес новость о выздоровлении Ивана.

— Езжай в Старицу, Василиса. Иди к своему мужу и живи; проведи свои дни в наслаждении им и его матерью. И отвыкни...— он с усилием поднял руку и указал на дверь.

Василиса глядела на него с гневом: и это ее собственный брат! Она поднялась, шатаясь, увидев, что он в пьяной дремоте. Как она ненавидела его! И это, подумала она, в последний раз, когда она обратилась к нему за помощью.

Стерев слезы со щек, Василиса вышла из дворца, не позвав слугу. Теперь она надеялась сама на себя.

* * *

Царский эскорт путешествовал по-разному, в том числе и пешком. К тому времени, когда они подошли к

реке Шексне, был уже поздний май, дул холодный ветер и Анастасии захотелось когда-нибудь почувствовать тепло. Многонедельное путешествие подорвало ее силы и она сейчас была так же худа, как во время прихода Ивана из Казани. И снова ей приходилось красить щеки. А изумительные ночи любви, которые украшали начало путешествия, больше не существовали. Единственное желание, которое у нее было, это скорее упасть в кровать — одетой или раздетой, накрыться одеялом и забыться сном. Несмотря на ее страхи, ребенок не выглядел больным.

— Идем, Настя. Корабль готов...— Она окончила легкий завтрак, ее муж уже готовил ей новый день мучений.

— Другой корабль? — пробормотала она, стараясь улыбнуться.

Иван, конечно, знал, что ей нездоровится, но также он знал, что вскоре она сможет насладиться комфортом, которым окружат ее.

— Потерпи, напоследок,— сказал он с ободряющей улыбкой,— Кириллов не далее, как в трех днях пути.

Анастасия постаралась поддержать бодрость мужа: что такое три дня по сравнению с неделями, которые они провели в таком убожестве! Она только надеялась, что в Кириллове Иван не будет спешить уехать. Она нуждалась в заботе и отдыхе, хорошей еде, и убедилась, что это будет только по возвращении в Москву.— А как Дмитрий? — спросила она мужа, потому что царевич не всегда спал ночью.

— Не беспокойся, он у Феодосии, он уже поел.

— Он лучший моряк, чем я,— улыбнулась Анастасия. Даже сама мысль о том, чтобы сесть в другой корабль, сжала ее желудок.

— Он похож на отца,— сказал Иван, в голосе его звучала гордость.

— Благодаря Господу,— сказала Анастасия с грустью,— слава Богу, он не перенял нездоровья матери.

Как Иван и говорил ей, Феодосия ожидала около моста, а ребенок был в безопасности в ее руках. Она поклонилась, увидя царя и царицу, стараясь удержать свою драгоценную ношу.

— Доброе утро, Феодосия! — Анастасия попыталась изобразить бодрость.— Царевич хорошо провел ночь?

— Да, государыня.— Ее широкое крестьянское лицо расплылось в улыбке: — Спал хорошо, всю ночь, и проснулся, улыбаясь.

Анастасия поцеловала ребенка, но не взяла его у девушки. При ее слабости она побоялась, что уронит его. Мостик, который положили между лодкой и пристанью, был так узок, что мог годиться только для одного человека. Анастасия посмотрела на него с сомнением. Она надеялась, что ее поддержат сильные руки.

— Все хорошо, государыня. Попробуй пройти.— Моряк проявил решительность и прошел по доске, демонстрируя ее прочность.— Поставь одну ногу, и так ставь одну перед другой,— сказал он ей,— несколько шагов и ты в лодке.

Как спокойно это звучало! Была ли она той же Анастасией, которая много раз так рисковала в детстве, лазая по крышам, балансируя руками? Ее ноги никогда не пропускали ступеньку.

«Постарайся быть такой же ловкой девочкой»,— сказала она себе, а моряк прошел дальше, чтобы дать ей место. «Ты должна это сделать с закрытыми глазами». Взглянув на своего мужа, который следил за ее шагами, она затаила дыхание и сделала несколько шагов к лодке. Лодка осталась недвижимой и моряк подхватил ее.

— Браво! — сказал Иван,— ты изящна, как танцовщица, моя любовь.

— Как же Феодосия и Дмитрий?

— Они сзади нас. Я приготовил им комнату рядом с нами.

Слова едва сорвались с его языка, как вдруг последовал ужасный крик. Анастасия оглянулась на ступеньки: — Что случилось? Где мой ребенок и няня? — закричала она моряку, который одну минуту назад показывал ей, как пройти по доске. Но теперь там стояла группа мужчин, которые смотрели вниз, в воду. Анастасия попыталась вернуться, но ее схватил царский стражник.

— Мой ребенок! — закричала Анастасия, почувствовав, как ужас сжал все тело.— Где царевич? — Она хотела сорвать с себя шубу, за которую ее держали.

Один из моряков стоял в воде и свободной рукой что-то доставал. Анастасия увидела своего ребенка: недвижимого, холодного, отливающего голубизной.

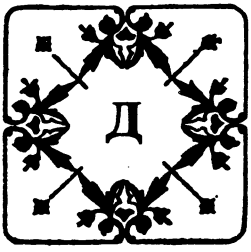
— Дайте его мне! — закричала она,— дайте его мне!

Не зная, что делать, испуганный моряк передал труп ей в руки. Глаза ребенка были закрыты и голубизна кожи становилась все темнее каждую секунду. Не колеб-

лясь ни минуты, она встала на колени и стала тереть ребенка: — Дмитрий! Дыши, дыши! — осторожно она массировала его, но безрезультатно. Ребенок больше не дышал.

Няньку Феодосию постигла та же судьба, хотя никто не пытался ее спасти. Анастасия не видела, чтобы ее вынули из воды, не слышала ее призывов о помощи. Не слышала она и приказа царя, который сказал, что лишит головы всякого, кто попытается спасти ее жизнь.

Глава 21



ля Анастасии весь обратный путь в Москву был сплошь трясущиеся лодки, спешащие возки, скачущие галопом лошади, непрекращающаяся тошнота и всепоглощающее горе. На этом пути не было ни спокойных ночей, ни минут восхитительной страсти, ни поцелуев украдкой, ни многозначительных улыбок. Возвращение в столицу с телом царевича сопровождалось величайшей спешкой; царская свита ехала день и ночь, отдыхая только урывками. Анастасия никогда не чувствовала себя такой усталой, несчастной и полностью одинокой. Хотя Иван почти все время был рядом с ней, он настолько был поглощен своим горем, что едва заботился о ком-нибудь еще рядом с ним. Его лицо было бледным и изможденным, его черные глаза запали и покраснели. Он едва смотрел на жену и резко отвечал остальным. Как-то раз, когда свита остановилась в монастыре, чтобы найти там горячий ужин, он ушел в часовню и простерся ниц на холодном полу, оставаясь там до самого отъезда.

Погода немного улучшилась, голубое небо и приятный ветерок теперь сопровождали их на пути, но едва ли кто заметил эту перемену. У гребцов, возниц и дворни была только одна мысль: как можно быстрее довезти царя и царицу в Москву. Анастасия выглядела усталой, была не прибрана, разум ее затуманился, у нее болел желу-

док, и она совсем упала духом к тому моменту, когда вдали показались крыши города.

— Москва! Наконец-то!— возглас радости пронесся среди царской свиты при виде встречавшей ее толпы. Весть о смерти царевича уже разошлась, и самые верные друзья Ивана и стрельцы вышли встретить скорбящую чету, чтобы сопроводить их в Кремль.

— Ты почти дома, государыня,— воскликнула дворовая девушка Анастасии, Люба, крестьянка, которую взяли в северной деревни после смерти Феодосии.— Ты видишь купол, вон там? Это, наверное, Успенский собор?

Анастасия отсутствующим взглядом посмотрела в направлении города и кивнула:— Верно, Люба. А теперь, молю тебя, оставь меня в покое...

— Но я должна причесать тебя, государыня! Вот уже и встречать вышли. Гонец уже здесь. Да и царь переоделся.

Анастасия взглянула на свой испачканный летник, забрызганный дорожной грязью и вздохнула:— Я, наверное, смущу его этим,— пробормотала она безразлично.

— О, нет, государыня, нет! Просто, может быть, ты почувствуешь себя лучше, если наденешь все чистое.

— Хорошо, Люба, делай как знаешь.— Анастасия вдохнула чистого воздуха и заставила себя сесть прямее. Люба права: она не должна прибыть в Москву с таким горестным видом. Царица, она должна возвыситься над своим горем. Она, безразличная ко всему, позволила девушке умыть свое лицо и причесать волосы, а после покорно надела чистое платье, достойное ее царского сана.

Царская свита остановилась на опушке леса в ожидании встречающих. Лицо Ивана было все таким же печальным, но его спина выпрямилась и он, как и прежде, стал величавым, когда Анастасия присоединилась к нему, чтобы приветствовать московскую знать.

Князь Андрей Курбский ехал впереди, за ним следом был Эдигер, бывший хан Казани. Лицо Ивана немного оживилось при виде старого друга детства, но сам Курбский едва взглянул на царя. Он видел только одну Анастасию, исхудалую, утратившую надежду, с громадными темными глазами на бледном лице. «Да она близка к смерти!»— с ужасом подумал Курбский, спешиваясь и преклоняя перед ней колени.

— Государыня, свет очей моих,— обратился он к ней.— Позволь мне разделить твою печаль?

Если Анастасия и была удивлена, что он заговорил с ней прежде, чем с царем, то она не показала этого. Она заставила себя улыбнуться князю и попросила его под-

няться.— Я высоко ценю твое участие,— произнесла она голосом, чуть громче шепота.

— Я хотел сделать что-то, чтобы помочь... Я привез возок.— Пока он говорил, золоченный возок показался вдали. Анастасия вытянула шею, чтобы лучше видеть. Казалось, в экипаже кто-то был. Женщина с белокурыми волосами...

— Ирина!— она задохнулась от крика, отчаяние смешалось в ней с облегчением и радостью.

— Да, государыня, я взял на себя смелость привезти ее сюда. Я подумал, что сейчас тебе необходима подруга.

— Ирина...— повторила Анастасия радостно. Она повернулась к князю:— Ты так заботлив, князь! Теперь иди, поприветствуй царя. Благодарю тебя.— Анастасия подобрала подол платья и устремилась бегом к экипажу. В этот же момент одна из позолоченных дверц открылась и золотистые волосы Ирины блеснули на солнце.

— Остановись! Стой там, я приду к тебе сама!— В то время как князь Курбский и прочие окружили царя, Анастасия впорхнула к ней, сжала руки подруги и разразилась слезами.— Ирина, ты здесь! Я так скучала.

— А как я скучала, Настя!— Ирина, как и Андрей, была ошеломлена видом царицы, но при этом понимала, что так оно и должно быть после того, что случилось.

— Он умер, Ирина!— пролепетала Анастасия, не в силах унять свое горе перед ближайшей подругой.— Мой мальчик!

— Успокойся, Настя, дорогая! Я знаю.— Голосом Ирина успокаивала ее, в то время как руками приглаживала волосы царицы.— Дмитрий в руках Господа Бога.

— Это было так внезапно. Я поцеловала его. Он улыбнулся мне. Он и просыпался, улыбаясь, как говорила няня. И вдруг... Всплеск...— ее голос пресекся и тело сотрясли рыдания.

— Ты не можешь знать, это случай.— Ирина прижала ее к груди, давая выплакаться.

— Мы ничего не смогли сделать. Было так холодно, а озеро было таким бурным.

— Никто не виноват. Все в руках Божьих.

— Я не вынесу этого, Ирина! Я не хочу больше жить!

— Что?— с мягкой улыбкой Ирина подняла голову Анастасии и заставила ее взглянуть ей в глаза.— Ты не должна так говорить, Настя. А как же твоя маленькая дочь Мария?

Слова благотворно подействовали. Минуту Анастасия хранила молчание, как будто пораженная чем-то, а затем к ней пришло раскаяние.— Матерь Божия, прости меня.

Я забыла о Марии,— Анастасия взглянула на Ирину: — Как она?

— С ней все в порядке, она подрастает и хорошеет с каждым днем. Ты обретешь в ней свое утешение и радость.

Анастасия кивнула и вытерла струящиеся по щекам слезы.— Благодарю тебя, Ирина! Ты, как всегда, превратила ночь в день.

* * *

Прошла уже неделя с тех пор, как цыганский табор ушел из московских лесов, оставляя после себя лишь несколько брошенных винных бочонков и серебряных браслетов, которые случайно слетели с цыганских смуглых рук. Этой ночью опушка леса, на которой раскидывали свои шатры и разжигали костры цыгане, тускло освещалась скрытой облаками луной. Там, где некогда танцевали длинноволосые девушки в ярких юбках и ласкали своих черноокиx возлюбленных, показались фигуры в черных накидках с капюшонами, покрывающими их головы и скрывая их лица, которые осторожно двигались в ночи.

— Она здесь?— спросила старуха с мудрым лицом и почти беззубым ртом у своего спутника с жестким взглядом, который был гораздо моложе ее.— Да, это здесь,— голос у мужчины был низким, казалось, он не хотел привлекать к себе внимание.

— Ну, и которая из них? Эти старые глаза уже не так хорошо служат мне.

— Тише, старуха,— огрызнулся на нее мужчина.— Откуда я могу знать? В такую ночь никто ничего не увидит.

— Однажды я видела ее,— продолжила женщина, она чуть понизила голос, проигнорировав его предостережение.— Кажется, это было пять лет назад. Красивой она тогда была. Длинные волосы цвета меди и глаза, как изумруды.

Мужчина кивнул. Он тоже видел ее прежде. Это было накануне великого пожара, который разрушил Москву. Тогда его приятелей и его самого обвинили в поджоге, и сборища такого рода стали редки.

— А что ей надо?— опять затрещала старуха.— Она должно быть сильна, если собрала всех в эту ночь.

— Да, она сильна,— откликнулась другая женщина, такая же старая, тяжело опирающаяся на два костыля.— Она из царской семьи, говорят. Сама — княжна, из подруг царицы.

Беззубая карга важно кивнула, ее глаза заблестели. Теперь она вспомнила. Это было как-то связано с попыт-

кой убрать царицу. Любимицей старой княгини Анны Глинской была она.— Что же теперь надо княжне? После стольких лет?

— Месть!— выкрикнула Василиса, стоя на коленях в заколдованном кругу и беря в руки петуха, которого протянул ей священник, человек неопределенных лет, ни старый, ни молодой, ни безобразный, ни красивый.

— Ты вызываешь сатанинские силы, горя местью?— тихо спросил священник. Прежде они не собирали всех, когда дело касалось личных обид. Но княжна отсыпала ему много денег, чтобы он сделал так, как она пожелала. А священник был прежде всего человеком.

— Моя месть трехлика,— ответила Василиса. Ее голос задрожал от злобы. Она зажала петуха подмышкой, мягко поглаживая его до наступления нужного момента.

— Силы ада, однажды вызванные, уже не рассеются,— сурово сказал священник.— Ты должна быть уверена в своем желании.

— Я уверена.— Зеленые глаза блеснули холодно и твердо, как алмазы.

Священник протянул ей нож, рукоятка которого была искусно инкрустирована. Скрытые плащами фигуры стояли поодаль, выражая своими позами любопытство.— Ты призовешь сатану в Момент Истины. И ты назовешь имена тех, на кого насылаешь проклятие.

Василиса возбужденно кивнула. Момент Истины настал. Осторожно она вытащила петуха из-под накидки, воздев его к небесам. Ропот восхищения прокатился в воздухе. Левой рукой она взяла нож.— Князь Тьмы, повелитель сил ада! Я взываю к тебе, чтобы ты покарал моих врагов. Пусть их души горят в вечном пламени! — Одним мягким взмахом ножа она перерезала горло петуху. Кровь хлынула из раны, залив черный плащ Василисы. Отбросив в сторону нож, она сложила ладони и собрала льющуюся кровь, затем поднесла их ко рту и выпила.

— Ты должна назвать имена своих врагов,— напомнил священник.— Назови их!

— Архиепископ Сильвестр,— произнесла Василиса, измазывая лицо кровавыми руками. Ее голова откинулась как бы в экстазе, капюшон съехал и длинные волосы каскадом упали на спину.— Княгиня Евфросинья Старицкая. И мой брат, князь Лев Скурлатов!

В стороне от круга одна из фигур отступила назад. Невидимая для других в темноте улыбка показалась на лице человека. Этот пришелец очень рисковал, придя

сюда незваным гостем. Но его цель стоила такого риска. И награда обещала быть большой.

* * *

— Тетя Ирина! Почему все такие печальные?— Трехлетняя Мария, маленькая царевна, подняла взгляд от искусно разрисованной книги, сделанной специально для нее, на Ирину, которая объясняла ей смысл рисунков.

Удивленная Ирина заставила себя улыбнуться:— Кто тебе это сказал, малышка?

— Никто не сказал. Я знаю.— Личико Марии нахмурилось.— Во дворце так тихо, даже когда мама и отец вернулись. Никто не смеется, все говорят шепотом.— Ее ротик искривился, и похоже было, что она вот-вот заплачет.— Перед тем, как мама уехала, она была всегда веселой.

Со вздохом Ирина прижала девочку к себе.— Да, моя маленькая птичка, ты права. Маленькая царевна стала очень наблюдательной.

— Что такое «людательная»?

— Это значит, что тебе не все равно, что делается вокруг тебя.— Она заколебалась, продолжать ли.— Это правда, Мария, все сейчас печальны. Это все из-за твоего маленького братца Дмитрия.

Мария с минуту подумала и важно кивнула:— Ты хочешь сказать, из-за того, что мой брат на небесах?

— Да, дорогая.

— Ну почему бы им быть печальными? Отец Макарий говорит, что на небесах очень красиво. И там ангелы.

— О, да,— согласилась Ирина,— на небесах очень красиво, но твои мама и отец скучают по Дмитрию, поэтому они и печальны.

Девочка выслушала это, но, казалось, не поняла.— А я тоже буду скучать по нему, тетя Ирина?— спросила она.

Ирина посмотрела на нее с удивлением:— Наверное да, немножко. А почему ты спрашиваешь?

Мария опустила голову и нервно заерзала:— Тетя Ирина..— начала она осторожно.— Я не... я не очень хорошо помню Дмитрия.

Ирина видела, как опечалилось лицо девочки и порывисто поцеловала курчавые волосы на маленькой головке.— Ах, Мария! Конечно, ты не помнишь,— поспешила она заверить ее.— Дмитрий только что родился, когда его взяли в паломничество к святым мощам. Едва ли ты вообще видела его.

— Но он был царевичем, правда? Это ведь очень важно, да?

— Да, милая, но Бог распорядился с ним лучше. А теперь давай посмотрим твою книгу и не будем печалиться об этом больше. Твои мама и отец снова будут счастливы, ты увидишь.

Мария печально отвернулась и послушно взялась за книгу. В этот момент дверь открылась, и Анастасия, одетая в черное и тяжелую накидку, вошла, опираясь на одну из своих прислужниц.

— Настя!— Ирина, видя, как близка царица к обмороку, рванулась к ней с кушетки, потянувшись за своими костылями.

— Не надо, Ирина, я сама. — Анастасия с помощью прислужницы медленно дошла до кресла и тяжело опустилась в него. Она сняла накидку и отдала ее девушке, прежде чем отпустить ее.

— Но ты выглядишь такой больной.— Ирина была уже на ногах и медленно продвигалась к ней на глазах у испуганной Марии. Когда она дошла до кресла, то взяла руку царицы в свои.— Эти похороны... Это было ужасно?

Анастасия в исступлении закричала.— Ох, Ирина, как мне выдержать все это? Они погребли моего Дмитрия!— Она закрыла лицо руками, ее плечи сотрясались от рыданий. Вдруг она почувствовала прикосновение к своей руке маленькой ручки. Сквозь пальцы она увидела, что около нее стоит ее маленькая дочь.

— Господь захотел взять к себе Дмитрия,— рассудительно сообщила ей маленькая девочка.— Разве ты не знаешь этого, мама?— Тронутая этим, Анастасия вытерла слезы и обняла ребенка.— Спасибо тебе, моя дорогая,— сказала она, вдыхая сладкий детский запах.— Спасибо, что ты напомнила мне об этом.

— Дмитрий очень счастлив там, на небесах,— продолжала Мария.— И ты, и отец, и я, когда-нибудь тоже придем к нему туда.— Мария была еще слишком маленькой, чтобы помнить свою старшую сестру Анну, которая умерла два года назад.

Впервые за эти дни Анастасия улыбнулась:— Да, дорогая моя, и мы придем туда.— Она посмотрела в любимое маленькое лицо. Мария — ее единственное живое дитя. Внезапно страх потерять ее охватил царицу. Она так крепко обняла ее, что Мария начала извиваться в ее руках.— Ты только не спеши к нему туда!— с отчаянием закричала Анастасия.— Ты не должна покинуть меня, моя любовь!

— Мама, мама, ты делаешь мне больно!— Мария вырвалась и Ирина, встревоженная, поспешила вмешаться.

— Мария никогда не покинет тебя, Настя,— успокаивающе сказала она.— Если только ей придется пойти погулять.— В ней проснулась решительная, действенная женщина.— Я думаю, тебе пора пойти погулять, милая царевна. Иди и позови мамку.

— Я должна оставить маму?— спросила Мария. Теперь, когда ее не держали, ей хотелось остаться.

— Да, конечно, иди.— Анастасия улыбнулась ей уже без отчаяния.— Сегодня теплый день. Скажи мамке, чтобы она показала тебе лошадей.

— Лошадей!!!— с радостным криком девочка подбежала к мамке и дернула ее за юбку.

Анастасия откинулась в кресле, стараясь отогнать от себя тяжесть переживаний последних минут.— Настя! Ты выглядишь такой больной!— Ирина подложила под голову царицы подушки.— Позволь положить тебе на голову влажную ткань.

Анастасия слабо улыбнулась.— Не беспокойся, Ирина, мне уже лучше.— Вдруг она начала сильно кашлять.

— Настя, ты действительно больна! Надо послать за лекарем.

— Нет, пожалуйста...— она не смогла договорить из-за приступа кашля. Вдруг схватилась за грудь.— Ирина, тазик скорее!

Так быстро, как могла, Ирина нашла фарфоровый сосуд и подала ей. Анастасия схватилась за него обеими руками и ее стошнило. Когда приступ прекратился, Ирина протерла ее лицо влажным полотенцем.— Я пошлю за лекарем,— сказала она.

— Нет,— Анастасия остановила ее за руку.— Не нужно, лекарь лишь подтвердит то, что мне уже известно.

— О чем ты?— испугалась Ирина. Были ли это чахотка? Женское недомогание? Что-нибудь еще, худшее?

— Кажется, на сей раз, Господь помиловал нас, подарив другого ребенка.

— Другого... О, Настя, нет!— Ирина присела в кресло и взяла обе руки царицы. Она знала, что должна выразить радость. Но эта весть произвела обратное действие.— Настя, ты еще так слаба! Паломничество на север совсем измотало тебя. И теперь, когда Дмитрий похоронен...

Анастасия собралась с силами и выпрямилась.— Господь послал мне знак. Он взял Дмитрия, но мое дитя вновь будет живо в другом маленьком теле, в новом царевиче.

— Если только ты сможешь родить его,— Ирина в отчаянии покачала головой.— Настя, неужели ты не ви-

дишь, что делают с тобой эти беременности? Тебе только двадцать один год, но — поверь мне — у тебя тело уже старой женщины.

Анастасия кивнула. Она не обижалась и не винила подругу в том, что та говорила ей правду.— Виной этому не беременности,— настаивала она.— Это просто моя жизнь. Мой муж почти все время на войне... Когда он дома, он занят делами государства. Паломничества...

— Тогда надо прекратить это, Настя. Перестань помогать нищим в городе, от них ты можешь заразиться. Оставайся во дворце и береги себя.

Анастасия печально покачала головой.— Сиди во дворце,— повторила она.— Ты говоришь, как моя матушка.— Ее карие глаза вдруг просияли.— Как ты не понимаешь, что мне тяжело сидеть здесь! Мне, которая росла на воле, которая гуляла в любую погоду, никогда не болела и не уставала.

Ирина любяще посмотрела на нее.— Может быть, твоя жизнь была бы более счастливой, не случись того, что Иван выбрал тебя в царицы. Если после того, как я стала... непригодна, какая-нибудь другая девушка была бы выбрана.

— Нет, Ирина, не говори так. Я люблю Ивана. Я счастлива служить матушке-Руси рядом с ним. Просто я хочу сделать его счастливым, вырастить его детей.

— Ты и делаешь это.— Ирина бережно прикоснулась к животу царицы.— Это будет четвертый ребенок царя.

— Но только второй, который останется живым. Если будет угодно Богу.

Ирина рассердилась:— На сей раз ты должна сделать, чтобы так было, Анастасия Романовна! Ты должна отдыхать. Ты должна дышать свежим воздухом каждый день и не утруждать себя, даже когда играешь с Марией. Ты...

— Хватит, хватит!— царица рассмеялась и стала почти той же Анастасией, какой была раньше.— Я обещаю тебе делать все это! Правда, я не понимаю, почему позволяю тебе ругать меня.

— Потому что судьбе было угодно, чтобы мы стали подругами с первой встречи. Жизнь не была слишком щедра к каждой из нас, но ведь мы теперь не одиноки. Я буду ругать тебя, когда мне вздумается, государыня, и ты еще будешь мне благодарна.

Подруги, улыбаясь, смотрели друг на друга.

* * *

Всадник на рослом белом жеребце приблизился к воротам Девичьего монастыря чуть раньше полуночи. Все

было тихо в этом отдаленном уголке под Москвой, пока не прибыл этот полуночный всадник, красиво одетый мужчина, который был без слуг. Привязав лошадь к дереву,— он был уверен, что это безопасно в таком месте, где живут Божьи люди,— он бесшумно подошел к воротам и ударил в колокол. Он услышал, как внутри этот звук многократно отразился эхом от каменных стен. Он ударил еще раз, прежде чем послышались шаги.

Крошечное окошко в массивных дубовых воротах открылось и голубой глаз уставился на него.— Это я, Матушка.

С сильным скрипом отворились ворота. Когда гость вошел внутрь, он очутился лицом к лицу со старой женщиной в монашеском одеянии, ее головной убор съехал набок. В руке она держала свечу — единственное освещение в почти пустой приемной, куда его привели.— Я получила твое послание,— сказала ему женщина.— Я ждала тебя.— Она поправила головной убор рукой, покрытой старческими пятнами, и небрежно поклонилась ему.— Рада видеть тебя, князь.

— Прости за столь поздний час. Я решил, что мое дело требует большой осторожности.

— Да, я понимаю.— Мать-настоятельница указала на грубо сколоченный деревянный стул.— Сядь здесь. Я в нетерпении.

— Благодарю тебя, Матушка.— Гость неуклюже сел, вытянув длинные ноги.

— У меня есть немного наливки, я храню ее специально для таких случаев. Она очень хороша.

— Тогда я буду рад выпить.— Мужчина приветливо улыбнулся.

Пожилая женщина нажала на камень в стене. К удивлению гостя, он выдвинулся вперед, позволив старой монахине извлечь наполовину пустой кувшин, который она протянула ему.

— Или тебе нужен ковш?

— Нет, Матушка, благодарю. С твоего позволения, я выпью из кувшина.— Когда его хозяйка кивнула, он поднес кувшин к губам и сделал большой глоток.— Ты права,— сказал он,— она действительно хороша.

Монахиня кивнула.— А теперь поговорим о том, зачем ты приехал.

— Зачем я приехал... да,— мужчина откинулся на спинку стула и вздохнул.— Это касается женщины. Но я думаю, ты представляешь, о ком я говорю.

— Несколько женщин получили позволение быть принятыми в Девичьем.— Ее тонкие губы скривила кислая улыбка.

— Да, конечно, в таком случае ты их всех знаешь. Я имею в виду... ту, что вскоре прибудет. Я, конечно, заплачу.

Наступило долгое молчание.— Женщина, о которой ты говоришь... она очень молода?

Гость раздумывал.— Она еще не слишком стара.

— И она... набожна? Хочет ли она служить Господу?

— Разве не каждый добрый христианин желает служить Господу?— Гость пошевелился на стуле.— Она получила строгое православное воспитание.

Пожилая женщина рассматривала его в тусклом свете свечи.— Я не это имела в виду. Хочет ли эта женщина стать Христовой невестой?

Глаза мужчины сузились, словно он задумался над ее вопросом. Его голос стал твердым:— Боюсь, что нет. Она слишком... земное творение.

— То есть?— настоятельница в упор смотрела на него.

— То есть она... э... она...

— Вкушала радости плоти?— К его удивлению, ей удалось закончить мысль, но он не должен был удивляться: Девичий принимал многих девушек, чьи семьи помещали их в эти стены, стараясь обуздать их вольнолюбие.

— Да, Матушка, это так. Ты знаешь — она замужем.

— Замужем?— теперь удивилась монахиня, но только на секунду. Монастырь принимал и замужних женщин.— Было ли это желанием ее мужа — поместить ее к нам?— Наверное, муж хотел отделаться от нее, заподозрила она. Или женщина была не верна.

— Это желание всей семьи. Она стала бременем.

Некоторое время настоятельница молчала, машинально качая головой. Гость опять потянулся к кувшину.— Значит,— медленно проговорила монахиня,— у нее нет желания жить с нами.

Мужчина снова сделал большой глоток и отставил кувшин. Вытерев рот тыльной стороной ладони, он ответил.— Она сама не знает. Ее решение не имеет значения.

Пожилая женщина вздохнула. Новая драма ожидает ее. Она чувствовала это. Непросто придется им с этой женщиной. Будут слезы. Крики. Возможно, брань.— Ты желаешь, чтобы мы приняли ее вопреки ее воле?— спросила она ровным голосом.

— Ей ничего не остается, я обещаю: не будет драмы, если ты боишься этого.

— Я ничего не боюсь,— резко оборвала его женщина.— Я просто пытаюсь представить, чего ожидать.

— Да, поверь мне,— гость наклонил голову,— и вот чего вы можете ожидать. Ночной приезд красавицы, которая не будет вам обузой на первых порах. После, возможно, вы слегка пожалеете. Несомненно, даже больше, чем слегка. Но уж если она здесь, здесь она и останется. Никакие попытки лести или угрозы не избавят ее. Она не должна ни получать послания, ни отправлять их. Ее пребывание здесь должно содержаться в большой тайне. Более того,— продолжал он твердо,— она поклянется не беспокоить меня или других членов семьи. Она останется здесь, пока нам это нужно. За плату, конечно.— В наступившей тишине послышался звон монет, когда мужчина достал из-под кафтана кошель.

Настоятельница уставилась на кошель. Насколько она могла видеть при неверном свете свечи, монеты были золотые.— Игумену нужно кое-что починить,— сказала она, лихорадочно просчитывая в уме, сколько монет достанется ей.

— Точно такой же кошель вы будете получать каждый месяц,— ответил мужчина. Он поднялся и положил мешочек ей в руки.— Вы сможете починить все, что хотите.

Сердце женщины подпрыгнуло, когда она ощутила тяжесть мешочка. Она тоже поднялась.— Господь воздаст,— мягко произнесла она.

— Итак, мы договорились?— Гость пристально смотрел на нее.

— Да.— Монахиня кивнула головой.

— Благодарю, Матушка. Вы не пожалеете об этом, заверяю тебя.— Он повернулся к двери, нащупывая в темноте засов.

Настоятельница поднесла к нему свечу.— Тебе больше нечего сказать мне, прежде, чем ты уйдешь?

— Нечего? Думаю, что нет.— Затем добавил с внезапной усмешкой:— Ну уж если ты упомянула об этом, то есть еще кое-что.

Старая монахиня нахмурилась: уж лучше бы она не спрашивала.— Да?

Мужчина полез под фалды кафтана и достал еще один золотой рубль.— Кувшин с наливкой почти пуст. Позаботься о том, чтобы новый кувшин был тут в следующий мой приезд.

Женщина улыбнулась.— Да, князь, я сама налью его снова.— Она поклонилась ему снова, когда он открыл дверь и обернулся к ней.— Благодарю, Матушка, за то, что ты так приняла меня. А теперь ложись спать. Прости еще раз за поздний час.

Он услышал, как дверь закрылась за ним, и направился к своей лошади, которая мирно ждала его там, где он привязал её. Освещаемый лишь лунным светом, он отвязал поводья и вскочил на жеребца.

А в монастыре старая женщина подошла к окошку в массивной дубовой двери. Со смешанным чувством удовлетворения и тревоги наблюдала она, как князь Лев Скурлатов скрылся в ночи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 22

Никто раньше не видывал такой красоты. Словно ваза с диковинными фруктами, словно букет невиданных цветов, взметнулись к небу купола собора: сказочны были их очертания и цвета, один был похож на ананас (если бы только ананас обладал изумительным оттенком морской волны), другой напоминал тюрбан султана. Всего их было восемь, один ничуть не повторял другой по форме и цвету, каждому было дано имя какого-нибудь святого, все они гнездились вокруг главного святилища, в котором совершал богослужение митрополит Макарий. Весь народ московский собрался посмотреть на это новоявленное чудо. Какого люда тут только не было: и напыщенная московская знать, щеголявшая друг перед другом куньими, собольими, горностаевыми шубами; и богатые астраханские купцы в атласных колпаках, подбитых мехом и жемчужными застежками, то и дело потирающих руки в рукавицах, чтобы не отмерзли пальцы; были и заморские гости, с любопытством глядевшие на происходящее. Стоял один из тех солнечных морозных дней, когда Москва была особенно красива.

Роскошный пир был приготовлен для гостей в большой зале Кремлевских палат, но царь не спешил туда, любуясь своим новым собором, а за ним и вся свита покорно мерзла, плотнее кутаясь в меха, тщетно стараясь хоть немного согреться.

Да, зодчий Барма Яковлев потрудился на славу. Царь хотел, чтобы собор был достоин его славной победы над Казанью, чтобы не было ничего краше его. И Анастасия, стоявшая чуть поодаль от Ивана, слышала, как то там, то здесь раздавался восхищенный шепот.

— Настя, ты совсем продрогла!— услышала царица взволнованный голос своей подруги. Это была правда: Анастасия и сама чувствовала, что щеки ее отморожены, ногами в узких сапожках она уже не могла пошевелить давно. Но она все упрямилась, не желая сознаться самой себе, что она давно не та, какая была в молодые годы. Бывало, ей ничего не стоило гулять весь день в крещенские морозы; она радовалась снегу и морозу, румянившему ей щеки, кусающему за пальцы в рукавичках, не дававшему глубоко вздохнуть. А теперь... Анастасия знала, что частые роды и смерть детей безнадежно подорвали ее здоровье.

Царица взглянула на Ивана: казалось, тому вовсе не холодно — так живо и увлеченно он беседовал с Ричардом Ченслером, послом королевы английской Елизаветы I. Тут же был и черкесский князь Темрюк: с тех пор, как он приехал в Москву, царь приблизил его к себе, слушал его советы. Рядом с князем, закутанная в шубу и паранджу, стояла его дочь.

Через несколько минут Иван повернулся ко всем спиной и направился в палаты. Гости шумной пестрой толпой поспешили вслед за царской четой.

* * *

Тысячи свечей освещали Большую пиршественную Залу. Как и всегда, Иван восседал за большим столом на возвышении, одетый в алый кафтан с жемчужными запястьями, с отложным ожерельем, расшитым золотом. Анастасия сидела рядом, ее красоту подчеркивал тяжелый сребротканный летник и венец с длинными овальными алмазными серьгами. Разносили вина, кушанья, стоял ровный гул голосов. От выпитого становилось душно, и многие бояре утирали пот со лба, доставая платки из шапок. Желая себя показать, знать сидела в шубах, охая и распахиваясь.

Иван скосился на Ченслера, почтительно беседующего с его женой, и тут взгляд его упал на фигуру там, слева, которую он раньше не видел. Это была молоденькая,

лет шестнадцати, девушка, одетая в какие-то причудливые восточные одеяния из ярких шелков. Черные волосы были так длинны, что спускались ниже пояса, и были украшены золотыми лентами с алмазными искорками. Черные глаза девушки смело оглядывали гостей.

На мгновение у Ивана перехватило дыхание: неужели это..? Но нет, нет. Вот уже пять лет, как умерла Тамара Гитарай, его страстная подруга юности.— Кто она?— спросил он у сидевшего рядом Курбского, не отрывая острого взгляда от черноокой красавицы.

Курбский посмотрел в ту сторону:— Это княжна Кученей, дочь Темрюка. Ты видел ее в соборе нынче.

— Так это она?— Иван с удивлением вспомнил маленькую, закутанную в меха фигурку, стоявшую позади Темрюка в соборе.

Андрей бросил на царя проницательный взгляд, уловив необычные интонации в его голосе.

— Она только недавно приехала из Черкессии.

Иван внезапно нахмурился и отвернулся.

* * *

На утро следующего дня князь Курбский все не мог забыть взгляда, который бросил царь на черкешенку. Он сразу понял: эта черноволосая девушка была слишком похожа на ту, которая владела сердцем царя почти двадцать лет, ту, которую он не смог изгнать из своей души с самой юности — Тамару Гитарай. Даже когда, сгорая от ревности, она подговаривала своих братьев похитить Анастасию,— и тогда Иван не смог видеть ее униженной, брошенной. Он освободил ее из темницы и снова стал жить с ней, и как ни сомневался князь Андрей в том, что Иван способен любить эту дикарку, но страсть словно овладела царем с новой силой: он словно ослеп и оглох, и простил Тамаре все грехи.

Когда девушка исчезла из Москвы, Андрей вздохнул было с облегчением. Но она вдруг вернулась, да еще невестой Эдигера, и вновь Иван простил ее и предоставил ей кров. И не Иван своей рукой умертвил ее, а новый муж, взбешенный ее изменой.

Курбский вспомнил, как умирала Тамара — он не смог отказать себе в том, чтобы увидеть последние минуты той, что многие годы бесчестила и отнимала супруга у чистой, кроткой царицы.

Это было на поле, где обычно упражнялись в боевом искусстве татарские воины. Она стояла в простой полотняной рубашке, но была так прекрасна и величественна, как в тот день, когда ее окрестили. Только глаза сверкали теперь ненавистью и неповиновением — ни мужу, ни судьбе. Когда к ней подошли, чтобы вести к вырытой яме, она презрительно высвободилась и одна медленно направилась к тому месту, где ей суждено было умереть. На краю ямы она попросила принести ей опиума. Ей дали чашку, и Тамара выпила ее до дна. Курбскому показалось, что теперь она успокоилась, и так же спокойно, словно бы даже охотно, спустилась в яму. Со своего места князю было хорошо видно, как из земной щели будто выглядывал одинокий полевой цветок — фигура Тамары. Он невольно содрогнулся, когда она бросила на него прощальный взгляд своих громадных черных глаз, не просивших пощады даже тогда, когда раздался приказ всадникам. Те, кто видел это, могли впоследствии поклясться, что пока копыта лошадей не коснулись еще ее головы, последним криком несчастной было мужское имя... И это не было имя ее мужа. Так ужасно закончила свои дни Тамара Гитарай.

Андрей рассказал обо всем Ивану, нисколько не задумываясь о том, что это будет больно царю, и был поражен: ужас и боль отразились на лице его друга, так часто бывшего жестоким и безжалостным. Но ничто уже нельзя было повернуть вспять, никто не мог оживить его наложницу.

И вот теперь вновь призрак той женщины явился под обличьем юной княжны Темрюковны, и Курбский ломал голову в догадках о намерениях царя. Одну мысль он старался отгонять от себя: Анастасия больна, истощена родами, смертью детей. Если она умрет...

— Нет,— говорил себе Андрей, входя на крыльцо и всей грудью вдыхая морозный пьянящий воздух,— нет, я не должен, не смею думать об этом.

Он снова глубоко вздохнул, словно пытался вытеснить из себя мрачные мысли.

«Но она действительно больна, и все видят, как с каждым днем слабеет все больше и больше». О, как же мучительно было князю бессильно наблюдать за угасавшей безумно любимой им женщиной! Бремя забот о здоровье детей, низкие интриги двора, ожидания мужа с

войны оказались непосильными для хрупкой любящей Анастасии.

Сколько дум передумал князь со времени женитьбы Ивана! Если бы не случилось беды с Ириной Вороновой... Если бы царь выбрал не Анастасию... Если б сам Андрей женился на ней, какая бы жизнь была у них? Курбский был тихо счастлив со своей женой, родившей ему сыновей. Но стоило увидеть царицу — и старая незаживающая рана вновь кровоточила в его исстрадавшем сердце.

Андрей представлял себе, когда ехал домой: вот замаячил свет в окне, это его кроткая Татьяна поджидает мужа за рукодельем. Он войдет, и она нежно обнимет его, сядет рядом. А потом они войдут в опочивальню... Его жена.

Князь горько усмехнулся, тряхнул головой. Надо забыть. В который раз забыть про то, чему не бывать никогда. Никогда...

* * *

Архиепископ Сильвестр не мог уснуть в своих покоях — все думал о царице. И чем больше думал, чем больше вспоминал, тем невероятнее казалось ему то, что эта девица из Белого Города так долго удерживает при себе Ивана. Что говорить, невестой она была хороша, но все видят, что время не пощадило ее красоты и свежести. А царь-то! Уж сколько было у него за эти годы наложниц, но ведь поглядишь и диву даешься: они словно пара горлиц, все воркуют да тешат друг дружку.

Когда Иван избрал ее себе в жены, Сильвестр был спокоен: будет сидеть девица в тереме, вышивать да рожать. Но внезапно оказалось, что эта Анастасия стала другом и советчиком мужу; многие тогда же задумались: уж не в супружеском ли ложе находит царь решения?

Сильвестр, переживший резкий поворот в отношении к себе, духовнику и ближайшему соратнику царя, однажды прозрел окончательно: Анастасия заменила мужу его, Сильвестра! Он-то знал, что царица не сможет простить измены всем, кто по наущению его, Сильвестра, или по собственной воле, не клялся на верность ее сыну, царевичу Дмитрию. И хотя никого не бросили в темницу, когда выздоровел Иван, но многие и по сей день отсиживают-

ся по глухим поместьям, лишенные чести быть при царе. И все знали, кто тому причиной.

Анастасия. Даже ставшая теперь давним делом смерть царевича не смягчила ее, и архиепископ чувствовал нутром, что она только терпит его до поры, только оттого, что он духовник царя. Звезда его угасла, и чтобы не исчезнуть совсем, он должен решить наконец: как быть?

Его изворотливый ум пришел ему на помощь, услужливо восстановив в памяти тот пристальный взгляд, что бросил Иван на черкесскую дикарку, дочь Темрюка. Сильвестру было известно пристрастие царя к татарским девушкам; знал, как долго властвовала над ним самая постоянная его наложница — Тамара Гитарай. Не удастся ли и теперь подсунуть ему эту черкешенку — она похожа на ту, прежнюю. И ведь она — княжна, кто знает, может, царь женится на ней.

Женится на ней... Сильвестр беспокойно заерзал в пуховой постели: ах, если бы не Анастасия! Царь сможет жениться, если ее постригут в монахини, и если... она умрет.

Сильвестр мало верил в первое: царь никогда по своей воле не расстанется с ней, не оторвет от своих оставшихся в живых двух сыновей их мать. Но ежели она вдруг умрет... Вдруг! Сильвестр перевернулся на другой бок и закрыл глаза. Час был поздний, голова его отяжелела. Утро вечера мудренее. Завтра он все решит.

* * *

Еще один человек не мог уснуть в ту ночь. Евфросинья не гасила еще свечи в своей опочивальне в Старице. Злоба тихо точила ей душу.

Царь не пожелал пригласить ее в Москву при освящении нового собора — пускай! Она давно похоронила себя в этом старом доме, не ожидая радостей, а только вороша прошлое. Но ее сын тоже не был зван!

Вот уже семь лет минуло с тех времен, когда архиепископ Сильвестр и многие бояре назвали князя Владимира Старицкого наследником, когда внезапный недуг скрутил царя. После смерти царевича Дмитрия сторонники опального князя снова оживились. Но Анастасия родила еще одного сына, и все надежды рух-

нули. Владимир, однако, легко примирился с этим, да и Евфросинья приутихла.

За это время произошло еще вот что. Княжна Скурлатова, желавшая расторгнуть узы тайного супружества с Владимиром, внезапно пропала. Ни супруг, ни сама она, Евфросинья, не знали, что и думать. Прошло немного времени, и в Старицу принесли письмо, написанное незнакомой рукой, в котором говорилось, что Василиса приняла постриг в одном из монастырей — каком, сказано не было,— и что напрасны будут попытки найти ее. Владимир едва не сошел с ума от отчаяния, все ездил по монастырям, разыскивал свою красавицу. Но поиски только измучили его. По настоянию матери князь, наконец, женился на дочери одного знатного боярина, с царского позволения. Уже двоих сыновей родила ему жена, и старая княгиня ожила, любуясь на внуков. Но вскоре черные мысли снова овладели ей: что же будет с этими мальчиками — племянниками Ивана? Неужто им прозябать в этой глуши всю жизнь? Ко двору-то не зовут! И во всем она теперь видела злую руку Анастасии.

Никогда она не позволит Старицкому корню стоять близ трона — Евфросинья давно поняла это: недаром она слышала, что Анастасия была, как разъяренная тигрица, когда многие отказались присягнуть на верность ее сыну. И не простила этого никому, хотя сам царь давно простил. Евфросинья еще слыхивала, будто бы царица обладает ведовской силой и поэтому царь делает то, что захочет она.

Сон не шел к Евфросинье, да и как тут уснешь, если такое вертится в голове — доколе жива Анастасия, не будет ее сыну и внукам того, чем они по праву должны обладать. Говорят, царица очень плоха, хоть ей и тридцать годков... Сколько она еще проживет? Сколько еще томиться роду Старицких в этом доме?

— Нет, нельзя ждать,— шепотом, злобно выдавила из себя старая княгиня.— Что-то надо делать...

* * *

Зодчий Барма Яковлев проснулся и сперва не мог понять, где он. Когда его, пьяного, привели два дюжих стрельца в эту невиданную им никогда богатую комнату и уложили на кровать, он думал, что это был сон. Сном

ему казалось и его творение, выросшее на Соборной площади — собор, который царь хотел построить в память казанской победы. Царь в благодарность позволил ему поцеловать руку, и эта украшенная сверкающими каменьями рука бросила ему, Барме, бисерный кошель, звякнувший о каменный пол собора. Такого богатства никогда не видывал Барма. Еще царь Иван Васильевич наказал ему никогда более не строить соборов, чтоб не быть ничему краше этого. С радости-то Барма тогда же и напился, а вот теперь в хмельной голове его роились нехорошие мысли. Сотворить подобное он, конечно, уже никогда не сможет. Но как приказать себе не строить — тому, у кого душа пела, работая камень, да и камень начинал петь под его руками.

Вдруг, неловко повернувшись, Барма почувствовал, как все внутри него переворачивается и поднимается к горлу. Едва успел он сползти с кровати, как его вырвало. Барма перепугался: неужто он так напился давеча? Он всегда пил — кто не пьет?— но такого с ним еще не бывало.

Он не знал, ночь на дворе или день — густая тьма наполняла эту палату. Внезапно ему стало жутко: как будто легкий шорох? Или почудилось? Ан нет — вот что-то темное приближается к кровати, какие-то неясные фигуры, но не видать ни лиц, ни одежд.

— Кто... кто тут?— Барма от ужаса и от вновь подступившей тошноты не мог приподнять головы. Фигуры приблизились к изголовью.

— Царь шлет тебе гостинец,— сказала одна фигура глухим голосом. И тут же сильные руки прижали его к постели. Обезумевший от страха и неведения зодчий не успел издать ни звука, как вдруг дикая боль пронзила его голову. Что-то горячее залило его лицо, стекало по шее на грудь. «Я умер»,— успело пронестись в мозгу. «Вот как это бывает...»

Он теперь не видел даже смутные очертания фигур, все провалилось в черную, мучительную бездну. Вдруг чьи-то руки дотронулись до него, и откуда-то послышалось:— Пей, пей.— Барма почувствовал: это чашу поднесли к губам. Словно огнем обожгло ему глотку, он застонал, но чашу не убирали, а лили и лили, пока он чуть не задохнулся.

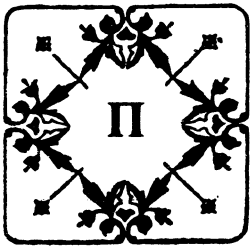
Боль отступила. Но осталась черная бездна. Его глаза... Он понял: что-то сделали с его глазами. А в то вино,

что он пил на царском пиру, ему подсыпали что-то, обессилившее его.

Он не умер. Он умер только наполовину. Но у него остались видения: чудной красоты собор со сказочными куполами. Его собор.

Барма сполз наощупь с кровати и упал на колени. Не будет больше света, неба, солнца. Они ослепили его. Но пока он будет доживать свой век, одно величавое видение останется у него — его творение, его собор. И он медленно крестился, шепча за это благодарность Господу.

Глава 23



Пятнадцатилетняя принцесса Кученей взяла в руки бесценную фарфоровую вазу, которая украшала дом ее отца в Китай-городе, и внимательно изучала ее. Ее черные глаза заблестели, когда она рассматривала рубины, величиной с павлинье яйцо, и другие узорочья, украшающие эту изысканную вещь. Ей никогда не приходилось видеть ничего более красивого. Хотя ее отец и был богатым князем, ее жизнь в Черкессии очень отличалась от ее московской жизни. Богатством в Черкессии считалось большое количество овец, табуны лошадей и число женщин в гареме. Она повернула вазу в руках, ощущая ее приятный холод, любуясь ее совершенством. А затем, не задумываясь швырнула ее о каменный пол: осколки стекла и драгоценности разлетелись по всей комнате.

— Теперь ты удовлетворена?— голос ее отца был полон сарказма.

— Я ненавижу такие штучки.

Князь Темрюк подошел ближе и поднял один из больших рубинов, который подкатился прямо к его ногам:— Жаль.— Он подошел к ней и приложил рубин к ее шее:— Рубины идут тебе.

— Я не желаю рубинов.— Кученей грубо отпихнула его руку:— Я все здесь ненавижу. Я хочу домой.

— Ты говорила мне это много раз.

— Почему же ты не отпустишь меня?— Красивое лицо исказилось гримасой злобы.— Если ты продался, то это не значит, что я сделаю то же самое!

Темрюк занес на нее руку, но княжна увернулась:— Свинья!— крикнула она гневно.— Я стыжусь, что ты мой отец!

— Послушай меня, мой дикий маленький щенок!— Князь схватил ее за плечи и так сильно встряхнул, что ее зубы застучали.— Ты будешь делать так, как я сказал. Наше счастье, что мы в Москве.

Ее руки беспомощно повисли, девушка в ярости наступила ему на ноги:— Мое будущее связано с Черкессией, с моим народом!

— Ты, глупая корова! Неужели ты не понимаешь, сколько я могу сделать для нашего народа, если мой план осуществится?

Кученей встряхнула копной черных волос:— Твой план!— усмехнулась она.— Сколько таких планов на уме у каждого.

— Сколько таких дочерей, как ты?

Темрюк отпустил ее руки и голос его несколько успокоился.— Неужели ты не видела, как смотрел на тебя царь?

Она грубо рассмеялась.— Он вовсе не смотрел на меня, я была в самой глубине собора, я поклонилась ему, но он даже не заговорил со мной.

— Да, но на пиру!— Темрюк улыбнулся.— Он наверняка обратил на тебя внимание.

— На пиру! Ха! Я была так далеко от него, как если бы меня вовсе там не было.

— Поверь мне, дитя мое. Царь знал, что ты там.

Княжна Кученей пожала плечами и взяла кусочек цыпленка, которого им подали на обед, но из-за маленькой стычки не притронулась к нему. Она вся погрузилась в размышления, подперев подбородок рукой, и посмотрела на отца:— Я никогда не буду царской наложницей.

Князь Темрюк, прожив в Москве достаточно, чтобы понять местные обычаи, достал свой искусно вышитый носовой платок из кармана и развернул его перед ее лицом:— Моя дочь никогда не будет ничьей наложницей. Если ты выйдешь замуж не девственницей, я разорву тебя на кусочки собственными руками.

В ответ Кученей разодрала кусок цыпленка длинными ногтями.— Вот так, отец?— Он не ответил, и она решила применить другую тактику.— Между прочим, ты мог бы заметить, что у царя есть жена.

Князь положил себе кусочек цыпленка.— Которая давно уже ни на что не годится. Она родила ему шестерых детей, четверо из которых уже умерли. Говорят, она слишком слаба, чтобы понести снова, слишком слаба...

— Но ведь она жива.— Княжна посмотрела на него с вызовом.

— На сегодняшний день, да.— Князь взял толстый ломоть черного хлеба и намазал его медом из золотого горшочка.— Кученей...— он задумался, прежде чем продолжить. Его брови нахмурились, когда новая мысль посетила его:— Кученей. Это не христианское имя.

Княжна почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо.— Какое имя?— Казалось, ее отец не заметил этой реакции: — Не хотела бы ты называться Светланой? Или Натальей? Нет, не то... Мария. Хотела бы ты, чтобы тебя звали Мария?

Она плюнула, попав ему в лицо.— Вот что я думаю о твоей Марии! Плевать мне на это, и на тебя тоже.

Невозмутимо Темрюк вытер свою щеку вышитым носовым платком и оценивающе посмотрел на свою дочь, в которой в эту секунду взыграла ее черкесская кровь. Ее лицо и руки были в жиру и икринки застряли между зубов. Волосы ее растрепались.— Да,— произнес он медленно.— Тебе подойдет имя Мария.

Кученей схватила маленький изящный стульчик и швырнула его через всю комнату. К счастью, он пролетел мимо зеркала, в которое она целилась.— Мое имя Кученей! И ни на какое другое я не буду откликаться.

Князь бросился к ней и так сильно схватил ее за руку, что ей пришлось закусить губу, чтобы не закричать от боли.— Послушай, ты, маленькая дикая язычница! Ты будешь откликаться на то имя, которое я тебе дам. Ты будешь учиться так себя вести, как подобает московской княжне. А завтра ты начнешь учить Писание с Сильвестром. Ты все поняла?

— Плевать я хотела на Христианское учение! И на тебя! Я ненавижу тебя, ты, жирный боров! Может быть, я и стану наложницей Ивана. Это будет тебе полезно.

Темрюк поднял свою свободную руку и сильно ударил ее по лицу.

— Ты сделаешь то, что я сказал, или ты будешь жалеть об этом до самой смерти!— он отпустил ее и толкнул к двери, вдогонку угрожающе бросив:— И ты будешь ждать как милости этой смерти каждый день!

Когда он вышел, когда звук его шагов в каменном коридоре не стал слышен, княжна Кученей разразилась слезами.

* * *

Во дворце Девичьего монастыря княжна Василиса Скурлатова куталась в свои меха и постукивала друг об дружку башмачками, чтобы согреться. Она была уже здесь долго и удивлялась, как это она до сих пор не окоченела до смерти. Звон колоколов эхом отдавался в каменных строениях, туда-сюда сновали монахини, чьи головные уборы летели сзади них, как чайки за кораблем.— Как, княжна! Ты все еще здесь, на холоде?— Одна из них, хотя и спешила, но остановилась, чтобы побеспокоиться о Василисе.

— Утренняя прогулка, сестра.— Василиса слегка наклонила голову в знак уважения.

— Прогулка?— она с сомнением покачала головой.

Василиса усмехнулась:— Я наслаждаюсь свежим воздухом. Это помогает мне думать.

Звон колоколов отвлек монахиню от разговора.— Что ж, я полагаю ты знаешь, что делаешь,— сказала она, торопясь войти в церковь.— Я помолюсь, чтобы ты не застудилась тут до смерти.

Зеленые глаза Василисы потемнели, как глубины моря, когда она обнаружила, что вновь осталась одна. «Застудилась до смерти»,— повторила она мысленно, и знакомая горечь охватила ее. Ах, если б она сейчас в самом деле умерла... Она подула на руки, чтобы согреть их, колеблясь: уйти ли ей отсюда или ждать послание, которое она боялась пропустить. Это послание и заставило ее покинуть эти стены. Оно было слишком важно для нее. Это был единственный шанс.

Конечно, она знала, слишком хорошо знала, что в ее положении она не может ни посылать писем, ни получать их. Но за все эти кошмарные годы она научилась

изыскивать пути обманывать тех, кто обращался с ней безжалостно. Каждый день, что она провела в этом месте, казался ей адом. Даже сейчас, спустя семь лет, воспоминания о том, как ее похитили, было похожим на сон, и каждый раз она просыпалась в холодном поту и орошала подушку слезами. Она помнила полночь и лицо Льва, когда она узнала правду. Его тяжелый взгляд, его издевательскую улыбку.

Лев. Даже при упоминании этого имени ей перехватило горло от ярости. Как могла она поверить ему, полностью довериться, когда он разрушил всю ее жизнь? Он пришел к ней спустя несколько дней после самой сильной ссоры, умоляя ее простить его, и тем самым только убедил ее в том, что он пришел просто потому, что был очень пьян. Он пришел попросить прощения, как он сам сказал. Он нашел пути исполнить то, что казалось невозможным. У него есть друг, который кое-кого знает, сказал он, кто имеет высокий духовный сан, и который при сложившихся обстоятельствах мог бы составить подлинные документы. Наверное, ему придется много заплатить, но что такое деньги, когда речь идет о счастье любимой сестры?

Но почему, почему же она поверила в этот явный обман? Ведь ее друзья, которые никогда не предали бы ее, обещали ей помочь, почему же она не послушалась их?

Снова и снова вспоминала она ту, полную тревоги ночь, когда за ней в возке приехал Лев. Стремительно ворвался в ее комнату, сказал, что уже ждут. Сердце Василисы тогда бешено забилось: неужто дождалась? Накинула шубу, сбежала вниз, и еще сердилась — лошади плелись! И вдруг... Как увидела Василиса в окошко вдали башни Девичьего монастыря, так сразу горькая догадка пронзила ее сердце. Ее брат, Лев, мог такое сделать?.. Закричала, заплакала, заметалась в возке, а он только сузил глаза да улыбнулся жестоко... Потом, как в бреду металась: помнила только, как многозначительно переглянулся Лев с открывшей им ворота монахиней, как сама она, Василиса, обезумев, бросалась то на Льва, то на монахиню эту в бессильной злобе, отчаянии. Брат родной — тюремщик?! Смолоду ее жизнь губит?!

Пролетели годы. Узница, смиренная и послушная, тихо молящаяся в своей келье, — Василиса Скурлатова

ни на минуту не забывала, что в ее жилах течет княжеская кровь. Она все еще ждала своего часа.

* * *

— Настя, милая, нельзя тебе больше ходить на богомолье!

— Разве, что в Можайск...

— Снова? Но ведь это надолго! И снег уж повалил.

Анастасия еще пыталась спорить, но в душе признавалась себе, как не хотелось ей вновь отправляться на богомолье. Слишком свежа была рана в ее сердце, нанесенная смертью малютки-сына во время хождения к мощам Святого Кирилла. Да и права была Ирина: зима вступила в свои права, замела, закружила вьюга за окном.

— Надо бы, чтоб лекарь пошел с тобой.

Анастасия покачала головой:

— Но Иван не хочет брать много народу. Со мной пойдет мамка моя. И Сильвестр пойдет с нами.

Ирина настороженно сощурила глаза:

— Сильвестр идет с тобой?

Анастасия только молча кивнула. Она-то поняла, о чем подумала ее подруга, да и сама она мучилась тем же.

Хотя Сильвестра и удалили от государева двора давно,— уже с той поры, как он отказался поклясться на верность сыну Ивана, малолетнему царевичу Дмитрию, когда все думали, что Иван умрет,— царь вдруг простил его, оставив своим духовником. Анастасия не скрывала от мужа своей неприязни к Сильвестру. Царь выслушал, но так и не внял ее просьбам совсем удалить архиепископа.

— Не тревожься обо мне, Ирина,— наконец мягко сказала царица.— Я уже столько перенесла, перенесу и это.

— Ах, если б я могла пойти с тобой,— печально произнесла Ирина, с укором глядя на свои костыли.

— Ты знаешь, как я была бы рада этому,— царица растерянно улыбнулась,— кто же останется с детьми? Они не могут без тебя, будут скучать...

— Не больше, чем по матери,— Ирина нахмурилась.— Ты оставляешь их одних, совсем одних, брошенных.

Сердце Анастасии болезненно сжалось: бесконечна была ее печаль о сыновьях. Царевич Дмитрий умер и те-

перь Федор — следующий по старшинству — наследовал трон. Хоть и слаба здоровьем Анастасия, но за детей своих будет биться до последнего вздоха.

Но если ее не будет рядом?.. Она старалась не думать о том, что может случиться, и даже старалась подбодрить Ирину:

— Ну что ты, милая, они всегда будут со мной. Господь позаботится обо мне.

Ирина старалась не выказать своей тревоги. Она знала, что Господь всемогущ, но знала она и то, что здоровье царицы совсем ослабело. Оставалось только молиться, чтобы ничего не случилось с ней по дороге в Можайск.

Глава 24

Ноябрьский воздух уже морозил, ревущий ветер задирал подолы одежд и разрисовывал красным щеки толпы, собравшейся на Соборной площади, чтобы увидеть, как отъезжает царская чета в Можайский монастырь. Хотя они и прежде ходили в паломничество, но каждый такой выход подавал благочестивый пример всем дворцовым и простым людям. На Ивана IV могли втихомолку роптать как на правителя, но его набожность была безупречна.

Многие зеваки пробыли там уже несколько часов и уже боялись, не окоченеть бы совсем, как вдруг трубный звук возвестил всех о том, что процессия вышла из Кремлевских палат. Княжна Кученей, стоявшая с отцом на лучших местах впереди, клацала от холода зубами и была в ужасном настроении.— Почему я должна страдать из-за царя, пожелавшего прогуляться за тридевять земель, через снега и льды, чтобы разбить свой лоб об пол какого-то монастыря?— донимала она князя Темрюка. Это ведь он заставил ее выбраться из пуховых перин, закутаться в меха и паранджу, которую она не носила с тех пор, как жила в Москве.

— Не имеет значения, что ты об этом думаешь,— угрюмо произнес князь.— Помни только: когда царь пойдет мимо, поймай его взгляд.

Бунтарка поняла, что все возражения бесполезны. Но теперь новое негодование охватило ее:— Неужто ты и вправду веришь, что царь заметит меня в этой толпе?— проворчала она.— Если даже и так, то он едва ли узнает меня в этой парандже.

Князь Темрюк взглянул на нее и заметил, что громадные черные глаза — окаймленные длинными ресницами и чуть подкрашенные — смотрят гневно и страстно. И хотя накидка закрывала ей почти всю голову, несколько непослушных блестящих локонов упали на смуглый лоб. Она была вся такая нездешняя, экзотичная и очень красивая.— Он заметит тебя,— заверил ее князь.— Он не сможет не заметить.

Но княжна, все еще пылая от праведного гнева, слегка подпрыгивая, чтобы не замерзнуть, стала угрожать, что уйдет совсем — нравится ему это или нет. Но она оставалась там, когда процессия, наконец, вышла из дворца, и медленно потекла через площадь. В сопровождении свиты, среди которой был князь Андрей Курбский и архиепископ Сильвестр, Иван и Анастасия рука об руку шли, неся по маленькому золотому образу. Приветствия, раздававшиеся при виде их, казалось, были даже тише обычного: все понимали торжественность совершаемого религиозного обряда. И вся толпа обнажила головы, когда цари проходили мимо.

Помня о том, чему ее учил архиепископ Сильвестр долгими скучными часами, заполненными религиозными наставлениями, Кученей тоже поспешила наклонить голову при приближении царской четы. Каково же было ее удивление, когда за этот смиренный жест она получила толчок в спину и услышала суетливый шепот отца:

— Подними голову, дура! Смотри на царя.

Довольная тем, что ей позволили не подчиниться, девушка приподняла подбородок и впилась глазами в проходящих паломников.

Иван, погруженный в размышления о Боге, даже не смотревший на толпу, вдруг был отвлечен чем-то необычным — поднятая голова среди сотен опущенных, и пара глаз, смотревших прямо на него. Невольно, он тоже посмотрел туда, уже сердясь на того, кто посмел нарушить обычай. Он оцепенел, увидев два огромных сияющих, прекрасных черных глаза, две черных заводи, окруженные черным полукругом ресниц, и упавшие на лоб

9 - 139

завитки волос. Радость вдруг забилась птицей, крича ему имя, от которой всегда замирало в груди сердце: Тамара!

Но тут же он прогнал эту мысль, вспомнив все. Тамары больше нет. Эти глаза — такие же черные и манящие, эта головка, такая же непокорная, как у Тамары,— увы, не могут принадлежать его бывшей наложнице. К тому же, Тамара никогда не носила паранджи. И он не мог видеть, были ли у этой девушки такие же смелые, соблазнительные губы, такая же ли у нее дерзкая улыбка. Кто это? Взглянув на мужчину, стоявшего возле нее, он понял, что это была дочь князя Темрюка, девушка, которую готовились окрестить, и на чьем крещении он должен присутствовать по своем возвращении из Можайска. В памяти пронеслось воспоминание о крещении Тамары: как она бесстрашно сбросила шубу и вошла в ледяную воду; какая она была, в своей простой белой рубашке, с черными откинутыми волосами на спину, и ее глаза, глядевшие насмешливо, вызывающе. А потом, когда она вышла из воды, ее рубашка прилипла к телу, обозначив каждую его линию. А намокшие волосы, как плащ, свисали на гордые плечи...

Тамара. Он не думал, что станет вспоминать ее в такой день. Она причинила ему много горя и заслужила такой конец. Но ни раньше, ни после, он больше не знал таких женщин, а если она и была грешна, то и сами эти грехи волновали его, и ему не довелось больше испытать ничего подобного.

Эти нежданные, но и приятно возбуждающие мысли, должно быть, заставили его замедлить шаг, но легкое пожатие руки привело его в чувство.

Он опустил глаза и понял, что это его дорогая жена, самое дорогое в его жизни, несмотря на Тамару и других случайных наложниц, Анастасия была для него всем. Он не представлял себе жизни без Анастасии. Ее нежность, ее кроткая красота, ее любовь, которую она безоглядно дарила ему — все это он берег, как Божьи дары, зная, что ничем ее не заменить. Эта любовь смягчала его, смиряла его мятущуюся душу, сдерживала его дикий нрав. Но даже когда, бывало, зверь все-таки срывался с цепи, заставляя его совершать ужасные злодеяния,— он знал, что только благодаря ей, Анастасии, он правил справедливо и великодушно все эти тринадцать лет.

Сердце его вдруг переполнила такая любовь, что он обернулся к Анастасии и с нежностью оглядел ее всю. Закутанная в меха с головы до пят, порозовевшая на морозе, она все же была измождена и кожа ее казалась прозрачной. Иван почувствовал угрызения совести за то, что уговорил ее совершить с ним паломничество. Ей совсем незачем так мучиться, чтобы заслужить место на небесах. Особо для нее были взяты носилки с плотной тяжелой завесой от ветров и холода,но разве это могло сравниться по удобству с ее комнатами в Кремлевских палатах, где у нее были дети, слуги, тепло... Должно бы оставить ее, подумал он. Он прикажет Курбскому или Сильвестру сопровождать ее, когда она сможет догнать кортеж.

Но взглянув на нее, такую умиротворенную и защищенную в его руке, он отказался от этой мысли. В крайнем случае ее оставят на попечение монахов, пока остальные не вернутся из Можайска.

Видя, что муж смотрит на нее, Анастасия слабо улыбнулась. Она замерзла и утомилась, но под его любящим взором ощутила прилив сил. Потом, когда они минуют Соборную площадь и толпу, она сядет в крытый возок. И там, сидя под защитой плотных штор, будет мечтать о теплой печи и о горячем сбитне.

Архиепископ Сильвестр тоже замерз, к тому же его внушительные размеры мешали поспевать за процессией и он запыхался. Но он знал, что самое неприятное ждет его в пути. Только бы дожить до конца. Они будут в пути еще по меньшей мере неделю, а облака уже начали заволакивать солнце, предвещая снегопад прежде, чем пройдет первый день. Зачем только он согласился? Он мог бы легко сказаться больным. Но маленький сверток, находящийся под полой ризы объяснял все. Этот самый сверток был самой важной частью его замысла, который он вынашивал долгое время. Он должен будет осуществиться во время паломничества, и если так,— он надеялся,— его положение, такое шаткое, может вновь укрепиться.

Все те семь лет с того дня, когда он отказался присягать на верность Иванову сыну, Дмитрию, прошли довольно мирно для него. Хотя он и оставался еще царским духовником, но уже многое настораживало, мерещилась беда, а это значило, что царское расположение иссякло, и недалек тот день, когда ему придется сполна

заплатить за измену. За семь лет ничего не произошло. Но Сильвестр жил в страхе. Каждый день, каждый час, днем или ночью вся его жизнь могла разрушиться простым изменением ветра. Что ему оставалось еще делать, как не защищать себя? Он не надеялся, что Господь пощадит его.

Когда пришло время действовать, он почувствовал себя более защищенным. Только минуту назад он, наконец, получил доказательство того, что его интрига пустила корни. Глаза архиепископа, хотя и маленькие, как бусинки, не упустили ничего: он заметил, как встретились глаза русского царя и юной княжны из Черкессии. Конечно же, не все делается сразу, и нужно было время, чтобы этот взгляд вырос во что-то большее. Но первый шаг был сделан.

Его толстые короткие пальцы залезли под ризу, чтобы вновь пощупать сверток. Даже простое прикосновение к нему подняло ему настроение. Нашлись бы такие, которые назвали богохульными его делишки, но пока голова прочно сидит у него на плечах — зачем забивать голову такой мирской вещью, как совесть?

* * *

Княжна Евдоксия Старицкая сидела в маленькой комнате Старицкого поместья и в последний раз оглядывала свой новый летник. На самом деле он вовсе не был новым. У Евдоксии не было красивых платьев за эти последние годы. Много часов она проводила за работой, стараясь перешить старые платья, которые еще могли послужить. Так или иначе, но новые наряды были ей не нужны, потому что ее супруг и она редко показывались в столице. Вот она и шила-перешивала, чтобы чем-то занять себя.

Евдоксия всего пять лет, как стала женой Владимира Андреевича, полностью сроднившись со всей семьей, которую знала очень давно. Жизнь Старицких была и тихой, и бурной, но какая она ни была — Евдоксия с радостью приняла ее. Единственная дочь боярина, чьи земли граничили со Старицей, она знала Владимира с детства и полюбила его еще тогда. Еще среди отроческих забав к ней пришла мечта о том, чтобы они принадлежали друг другу. Но вот постучалась юность, и ей пришлось уви-

деть горькую правду. Жизнелюбивый златокудрый князь все меньше и меньше времени уделял скромной девочке, в которой не видел никого, кроме соседки. И Евдоксия стала ждать. Самые страшные времена пережила она, когда прошел слух о болезни царя и о том, что будто бы Владимир наследует трон. И она не могла понять, чего же ей бояться больше: что он будет царем или что не будет. Евдоксия понимала, что он будет потерян для нее навсегда, стань он царским воспреемником. Ее ведь не изберут в жены царю... Но что будет, если Иван выздоровеет? Не обрушится ли тогда беда на голову Владимира, заявившего о своих притязаниях на трон? И, конечно же, Иван выздоровел, и Евдоксия вздохнула с облегчением, когда ее любимый вернулся в Старицу; его красивая голова пока прочно сидела на сильных плечах. Она не сразу смогла увидеть его, но догадывалась, что он затаился, не привлекая внимания к себе, не вороша несбывшиеся желания.

Однажды Евдоксия узнала, что приглашена матерью Владимира, княгиней Евфросиньей, в их дом. Встревоженная, она только уезжая поняла, что это были смотрины. Догадалась: Евфросинья решила женить сына, видя, что тот не ищет себе невесты. Видимо, старой княгине пришлась по душе девушка. Самым радостным в ее недолгой жизни стал день, когда Владимир посватался к ней — конечно, если не говорить о венчании. Ее отец еще сомневался, держа на уме других женихов, но Евдоксия была единственной дочерью, и родители посчитались с ее сердечной привязанностью. И вот сегодня, спустя пять лет, она ни разу не пожалела о том, что вышла замуж за человека, который ничего не мог предложить ей — только разделить с ним неспокойную, ненадежную его судьбу.

Она знала, что князь женился на ней без любви, но сама искренне любила его. Ей, казалось, было достаточно своей любви к нему. Это давало ей силы терпеть эту жизнь в изгнании и благородную бедность. И если ей не суждено было завоевать его сердце, то она смирилась с тем, что разделила с ним его жизнь.

Бывало, он так посмотрит на нее, словно удивится: кто это рядом с ним? Но он всегда был добр и ненарадовался детям, которых она родила ему.

— Княгиня-матушка, там кто-то у ворот...

Евдоксия была так поглощена своим шитьем, что не услышала шагов девки.— Кто-то у ворот?— переспросила она, придя в себя.— Кто?

— Сказала, что кружевница, принесла показать свой товар.

Евдоксия удивилась. Кружева были редки здесь.— Вели, пусть войдет. И скажи свекрови, может и она посмотрит.

Старая княгиня еще не пришла, когда в комнату вошла девушка в лохмотьях. Евдоксия отложила в сторону рукоделие, чтобы взглянуть на кружева. У нее глаза разбежались от красоты воротничков и отделки.

— Ты это сама плела?

— Да, боярыня. Меня этому с малых лет обучили.

Евдоксия задумалась: кружевное полотно как раз подходило к платью, которое она перешивала. Она уже хотела заплатить, когда девушка вдруг упала, как подкошенная, на пол. Только что вошедшая Евфросинья послала девку за помощью.

— Простите...— прошептала кружевница, когда ее подняли.— Я не ела несколько дней и ослабла.

Евфросинья нахмурила брови: девушка вовсе не походила на изголодавшуюся. Наоборот, даже была полной. Но, заключила старая княгиня, всякий может пережить тяжелые времена, и приказала принести еду. В конце концов, между княгинями и девушкой завязался разговор, и она сказала, что ее зовут Ольгой. Евдоксия взяла один кружевной воротничок, а вместо платы оставила девушку в доме, пока не поправится. Ольгу отвели в одну из комнат дворни.

К следующему утру Евдоксия уже успела забыть якобы умиравшую от голода девушку, и поэтому была удивлена, когда спустя два дня ее сын спросил, как зовут новую девку, которую он видел, бродящей по дому. Сочли, что, несмотря на выздоровление, Ольга, кажется, не собиралась уходить. И Евдоксия решила послать за ней, чтобы выгнать.

— Здравствуй, боярыня,— сказала Ольга, поклонившись ей в ноги.— Там такой глубокий снег, и мне страшно замерзнуть...

Евдоксия ласково кивнула. За эти дни сильно подморозило, и даже ее супруг не выезжал из дома. Она позволила Ольге остаться до тех пор, пока не потеплеет, и велела ей помогать стряпать.

Сильный снегопад закружил воздух, когда Владимир Андреевич, как-то выйдя на заднее крыльцо, увидел там Ольгу. Девушка вздрогнула, подняв голову:— Ты — князь?— спросила она, и странный блеск промелькнул в ее глазах,— Владимир Андреевич Старицкий?

— Верно,— ответил тот, удивленный ее беспокойством при виде его.— А ты — кружевница?

— Да, князь... Не уходи, князь!— вдруг вскрикнула она, когда он поднялся на ступеньку выше.— У меня есть кое-что для тебя.

Князь остановился.— Для меня?— улыбка скользнула по его губам.— Но кружева мне не...

— Нет, не кружева.— Ольга нервно начала шарить где-то под своими лохмотьями.

Она понизила голос до шепота:— Это — письмо. Слава Господу, что я нашла тебя, князь. Мне пришлось здесь долго ждать.— С этими словами она сунула ему свернутый лист и горячо стала умолять:— Прочти это, князь. Я и так опоздала передать это тебе.

Князь Старицкий не видел, куда она ушла: он оцепенело стоял на крыльце, развертывая лист и читая. Уже потом, когда он безнадежно попытался найти кружевницу, он сказал всем, что она покинула дом так же внезапно, как и появилась.

Евфросинья причесывала свои седые волосы на ночь, когда одна из девок принесла ей что-то, что она нашла, когда подметала. Евфросинья отослала ее, взглянула на сверток и почувствовала, как вдруг забилось сердце. Дрожащими руками она поднесла его к свече и начала читать. И страх сковал все ее тело.

* * *

Царская свита была в дороге уже пятый день, когда занемогла Анастасия. Это случилось неожиданно, хотя всем было известно, что она часто была нездорова. В тот день она долго беседовала с царем и даже выпила глоток вина, поданного архиепископом Сильвестром.

Вскоре она почувствовала, как участился пульс, а потом закружилась голова. Она послала за служанкой, но не успела та прибежать, как она упала перед самым входом в шатер, где они собирались провести ночь. Когда сказали Ивану, она была уже без сознания, металась и стонала, как от боли.

— Лекаря!— крикнул Иван, становясь перед ней на колени. Взяв ее руку он ощутил холод и, сбросив плащ, накрыл ее распростертое тело.

— Но у нас нет здесь лекаря,— ответил Андрей Курбский. Он тоже почти обезумел от тревоги за царицу.— Надо искать. Никто не думал...

— Никто не думал!— Иван вскочил, в бешенстве обернувшись к князю.— Кто-то поплатится за это головой!

Андрей не дрогнул. Все его мысли сейчас были только об этой женщине, которую он любил с того дня, как увидел впервые.— Надо бы перенести царицу в шатер. Это мы можем сделать сами.

— Неужто здесь нет лекаря?— подозрительно спросил царь.

— Должно, в Можайске,— ответил Андрей.— Это в двух днях пути.

— Можайск!— лицо царя потемнело от гнева.— Мы не пойдем в Можайск. Мы должны быстрее привезти ее в Москву.

Когда Анастасию перенесли в шатер и положили, Андрей с сомнением сказал:— Боюсь, это опасно — ехать в Москву. Мы ехали пять дней и...

— Мы шли пешком, а теперь нужен возок, сильные лошади. Если мы поедем, не останавливаясь, то будем вовремя.

Андрей закусил губы. Да, он был прав. Но где же здесь, в этом диком месте, найти возок?— Я пошлю людей искать,— молвил он наконец.

— Пошли их, пошли!— крикнул царь. Он снова взял руку Анастасии. Ему показалось, что ее конвульсии прекратились. Ее веки затрепетали.— Настя! Любовь моя, ты слышишь ли меня?

Анастасия разомкнула губы, словно желая что-то сказать, но не произнесла ни звука. Ее попеременно бросало то в жар, то в холод. Она слышала о возвращении в Москву. Ах, если бы только очутиться там сейчас!

— Государь?— Царь обернулся к архиепископу Сильвестру.— Нужна ли моя помощь?— он держал сосуд со святой водой.

— Убирайся!— приказал Иван. Он взбесился при виде святой воды.

— Но, государь...— архиепископ уже опускался на колени.

— Ты не слышал, несчастный? Убирайся. Я говорю с ней. Ты не нужен здесь.

Сильвестр бросил быстрый взгляд на Анастасию. Ее глаза снова были закрыты и она лежала без движения. Он даже не мог понять, жива ли она. Если нет, то не хотелось бы ему оказаться в эту минуту рядом с Иваном. Осенив ее крестом, он поспешил выйти.

Все вздохнули с облегчением, когда привели коней и возок, и вот уже процессия двинулась в обратный путь. Андрей Курбский, верхом, уехал вперед, чтобы найти лекарей в Москве. Он обращал к небу молитвы, чтобы царица дожила до того часа, когда он приведет их.

* * *

Василиса в волнении встретила Ольгу, вернувшуюся в Девичий монастырь. Все это время монахини, заметившие ее отсутствие, опасались, не случилось ли с ней чего-нибудь страшного — ведь она так долго не появлялась! Даже Василиса уже отчаялась снова увидеть кружевницу.

День за днем она бродила по дворику монастыря, боясь, что что-то не так, что единственная ее надежда разбилась.

Но как бы она не волновалась, она не бросилась обнимать Ольгу, когда она пришла в монастырь. Она даже заставила себя еще посидеть в своей келье, чтобы скрыть все треволнения пережитого. И лишь поздно ночью, когда со свечей уже сняли нагар и монахини мирно похрапывали,— Василиса услышала, как кто-то тихо скребется в ее дверь. Василиса смело открыла дверь и девушка скользнула внутрь.

— Прости, что так долго,— в ее глазах промелькнула веселая искорка.— Твой бывший супруг оказался затворником.

— Так ты видела его!— Василиса вздохнула с облегчением.

— Я видела их всех,— важно ответила Ольга.— Его мать настоящая ведьма. Я держалась от нее подальше!

Василиса тихо рассмеялась:— Да, Ольга. Ты верно поняла ее.

— Княгиня Евдоксия, его теперешняя жена, хорошая. Ей понравились мои кружева. А когда я упала, она так перепугалась!

Василиса подняла брови:— Ты упала? Перед Евдоксией?

— Ну... я не на самом деле упала. Я сделала так, что они оставили меня, покуда я не увидела князя. Я им сказала, что голодна, и слишком слаба, чтобы пробираться по снегу.

Глядя на пухлую маленькую кружевницу, Василиса поразилась, как это они могли поверить в то, что она голодна. Но, как бы там ни было, она выполнила ее поручение.— Они оставили тебя? В Старице?

— В обмен на кружевной воротник и на то, что я помогала стряпать. Княгиня Евдоксия выбрала воротник к своему платью — бледно-голубому. Он как раз пришелся. Конечно, она не такая красавица, как ты, княгиня, но...

— Расскажи мне о князе,— перебила Василиса.

— Ах, князь! Какой красавец! Статен, белокур... Его непросто было найти. Он все время в доме. А я не хотела, чтобы меня заподозрили. Как ты и наставляла, княгиня.

— Да, да... Расскажи, как ты отдала письмо.— Василиса затаила дыхание.

— Я носила его все время с собой. Случайно я увидела его на заднем крыльце. Он поднимался, а я спускалась.— Она улыбнулась: — Ах, как он красив!

— Что ты сказала ему, Ольга? Как отдала письмо?

Девушка пожала округлыми плечами:— Ну, я спросила, он ли князь Владимир — не отдавать же письма в чужие руки?— Когда Василиса не ответила, она продолжала:— Он сказал, что да, тогда я дала ему свернутый лист прямо в руки...

— И он прочел? Тогда же?

— Ну, княгиня, я поспешила уйти, но когда обернулась, он читал. Печальный такой стоял, словно во сне. А на лице боль.

— Боль?— Василиса попыталась представить, какие чувства испытывал Владимир, читая письмо. Радовался ли он, что избавился от нее, что она теперь одна? Или, может, он так любил Евдоксию, что и забыл думать о своей прежней любви?

Ольга решительно закивала:— Да, что-то печальное. Он будто бы растерялся.

— А что было дальше?

— Не знаю, княгиня, правда не знаю. Как только я отдала письмо, то схватила свою накидку и была такова. Там было хорошо. Не очень богато, но красиво.

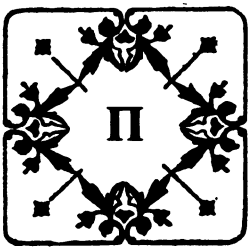
— Да, Ольга, вижу — тебе понравилась Старица. Кто знает, может быть, тебе однажды придется продать княгине кое-что кроме кружев.— Василиса подошла к столику и открыла средний ящик. Оттуда она достала кошель и отдала девушке.— Ты постаралась на славу, Ольга. Бери это и ступай, пока тебя не хватились.

— Да, княгиня, сейчас.— Она взяла кошель и глаза ее сверкнули, когда она почувствовала его тяжесть.— Счастлива угодить тебе, княгиня. Если что-то еще...

Василиса открыла дверь.— Кто знает,— ласково сказала она, оглядывая коридор: нет ли кого?— Кто знает!

Закрыв дверь, Василиса поняла, как ее взволновал рассказ кружевницы.

Глава 25



Придворный лекарь был потревожен среди ночи и теперь ожидал, когда Анастасию перенесут во дворец. Несмотря на чрезвычайную слабость и страдания от перемежающихся приступов озноба и высокой температуры, она приходила в сознание и была способна отвечать на вопросы, которые он ей задавал. Царица вспоминала, что болезнь настигла ее внезапно, что она не ела ничего против обыкновения, и что она причастилась незадолго до того, как ослабла от болезни. Медик предписал немедленное кровопускание, диету с питательными соками и горячую воду с большой дозой сахара.

Позже, в уединении царских палат он излагал Ивану то, что не в состоянии найти особых причин нездоровья царицы.— Как ты знаешь государь, она уже была слаба в последнее время. По моему разумению, ее организм неуклонно слабел, пока совсем не перестал сопротивляться.

— Тогда ты должен вылечить ее,— холодно бросил Иван.— Это ведь не от старости. Ты должен дать средство, которое ее восстановит.

Старый лекарь покачал головой.— Если бы это было так просто. Если бы вся причина состояла в старости, никто бы из нас не умирал прежде срока.

Царь вскочил на ноги и схватил человека за его хилые плечи.— Не говори мне о смерти, когда речь идет о

моей жене!— грубо рычал он.— Ничего страшного не случилось с царицей, чтобы хороший врач не смог бы помочь. И,— добавил он угрожающе,— если ты не врач, я пошлю за кем-нибудь получше.

— Я думаю, что еще одно выслушанное мнение — это разумно,— старый лекарь согласился. Он не то чтобы верил, что другое мнение будет сильно отличаться от его собственного, просто он не хотел брать на себя всю ответственность в случае, если сбудутся его худшие опасения.

Царь обернулся к Курбскому, который присутствовал во время всей беседы с лекарем.— Найди мне другого врачевателя! Найми дюжину, если понадобится! Я не хочу потерять ее.

— Хорошо, государь,— Андрей отвесил короткий поклон и скорыми шагами вышел из комнаты. С явным облегчением лекарь понял, что тоже отпущен.

В своей позолоченной опочивальне Анастасия была под присмотром своей любимой Ирины. Хотя она и не была проворна в движениях, опечаленная княжна Воронова никому не доверила бы умыть лицо царицы розовой водой или держать ее голову, когда желчь извергалась из ее желудка. Вначале Анастасии отказывали в просьбе видеть детей, потому что никто не был уверен, что ее болезнь не заразная. Но после того, как трое других лекарей осмотрели ее и пришли к выводу, что ничего в ее заболевании не может помешать общению с другими, шестилетний Иван и двухлетний Федор были приведены к ее изголовью.

— Мама! Мама!— крикнул Федор, бросившись к ней.— Мамка сказала, что ты нездорова. Но тебе ведь становится лучше, правда, мама?

Анастасия, улыбаясь, смотрела на своего любимца.— Да, мой дорогой, маме уже совсем скоро полегчает. И тогда мы пойдем гулять и слепим большого снеговика.

— Я сейчас занимаюсь историей,— важно рассказал маленький Иван.— Я уже все знаю про Англию и королеву, которая там правит.

Анастасия погладила его блестящие кудри.— Правда, Ваня? Это хорошо.

— Это не очень хорошая королева. И к тому же не очень счастливая. Ты знаешь, что ее матери отрубил голову король Генрих VIII?

Анастасия покачала головой.— Я не знаю много про Англию. Но я рада, что ты готовишься стать очень мудрым, когда вырастешь.— Она взяла его руку и прижалась к ней губами. Ее собственные руки были так слабы, что на каждый жест она тратила все силы, которые могла собрать.

— Я боюсь, дети утомляют тебя, Настя,— мягко вставила Ирина.— Я думаю, пусть идут. Ты можешь увидеть их снова завтра.

— Да, дети, тетя Ирина права. Будьте послушными мальчиками и возвращайтесь к няне. Мы еще завтра поговорим.

Когда дети ушли, Анастасия была настолько слаба, что Ирина опасалась, не принес ли этот визит больше вреда, чем пользы. Но когда она погрузилась в глубокий сон, ее лицо выражало большую безмятежность, чем когда это было на богомолье в Можайск.— Возможно,— подумала Ирина,— исцеление в болтовне с маленькими детьми?..

* * *

Князь Лев Скурлатов был пьян, когда его прислужник провел посетителя в его палату. Обычно о пришедших докладывали вначале, но этот был известен, как особо приближенный к князю, и был введен прямо в палату.

Особо приближенный или нет, Лев не был особенно рад, когда его затуманенный взор остановился на фигуре князя Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата царя и бывшего мужа его, Льва, родной сестры. И в самом деле, даже в пьяном состоянии, он догадался по хмурому челу князя, что этот визит не был дружеским.

— Я не звал тебя, Старицкий,— сказал он, тяжело опускаясь в кресло.— Ты пришел в неурочный час.— Он тупо уставился на белокурого красавца, который возвышался над ним.

— Я полагаю,— отвечал насмешливо Владимир,— это не был неурочный час для Василисы, когда ты тайно похитил ее и бросил в темницу.

— Что..?— Лев встряхнул головой, будто освобождался от нависшей паутины. Он вперил свой разумный ви-

дящий глаз в своего обвинителя.— Василиса не в темнице.

— Она может там быть!— глаза Владимира сверкали.— Я могу спокойно убить тебя, Скурлатов. Все эти годы ты не желал говорить ничего об ее исчезновении. Мои тщетные попытки разыскать ее, тревоги за нее... И это был ты, кто похитил ее!

Лев почувствовал, что начинает дрожать. С огромным усилием он налил себе водки.— Знаешь ли ты, что говоришь,— пробормотал он.— Далеко моя единокровная сестра.

Владимир выхватил из его рук стакан и швырнул об стену, при этом водка и осколки дождем обрушились на пол.— Ад тебя возьми! Ты вывез ее на исходе ночи и бросил на гниение, как изменницу, в царский подвал!

Лев нахмурил брови. Туман начал рассеиваться и то, что говорил Старицкий, стало звучать пугающе знакомым.

— Кто тебе сказал это?— раздраженно спросил.— Кто рассказал тебе эту кровожадную ложь?

— Василиса рассказала мне, вот кто!— Владимир ощутил трепет победы, потому что увидел, как страх отразился в пьяных глазах этого неотесанного человека.

Лев дико смотрел на него.— Где она? Приведи ее ко мне! Посмотрим, кто лжет, а кто нет.

— Я не могу этого сделать, как ты знаешь. Она под замком, а ключ у твоих слуг. Но она нашла лазейку, Скурлатов! Спустя столько лет, она, наконец, оказалась способна послать весточку.— И кому же она послала ее? — Мне! Человеку, который любил ее. Человеку, который — Боже, помоги мне! — все еще любит ее.

Лев смотрел на него. Говорил ли он правду? Или это только попытка добыть сведения, о которых он только догадывался?— Тогда иди и освободи ее,— бросил князь вызывающе, защищаясь.— Если ты так много знаешь, забери ее из темницы.

— Верь мне, если бы я знал, где она, я бы бросился туда немедля. Но она не сказала мне этого, Лев. Я боялся, что ты убьешь ее, сделай она это.

— Ба,— Лев начал расслабляться.— Я предполагаю, она говорила тебе также, что никогда не оставила бы тебя. И что если бы не ее злой братец, она была бы княги-

ней Старицкой сейчас, счастливо заботящейся о своем муже и детях.

— Твоя правда, она именно так и говорила. Обстоятельства не позволили нам быть вместе все первое время после нашей женитьбы. Но все обошлось бы, не возьми ты дела в свои грязные руки!

Лев отвечал с глумливой усмешкой:— Ты и в правду так думаешь? Ну, а что ты скажешь, если я скажу, что Василиса пришла ко мне и умоляла помочь ей расторгнуть брак? Ты ничего не сделаешь для нее, Старицкий! Она только потому и вышла за тебя, потому что архиепископ Сильвестр уверил тебя, что ты наследуешь трон. А когда нет... тьфу!— Лев щелкнул пальцами.

— Лгун!— Владимир был в бешенстве.— Василиса любила меня! — Он сделал угрожающий шаг вперед.— Скажи мне, где она, Скурлатов! Скажи, а не то я вытряхну из тебя всю душу!— Он схватил Льва за плечи и в неистовстве стал трясти его.

— Остановись! Остановись, заклинаю тебя!— Лев почувствовал себя в опасности. Лицо его налилось кровью и глаза, казалось, выскочат из орбит. На короткий миг он вытянул руки, как будто защищался от нападающего. Но вдруг Владимир почувствовал, что тело под его руками ослабело. Голова свесилась вперед, глаза были открыты, но ничего не выражали. Владимир отшатнулся, но было слишком поздно: Лев упал на пол, так и не произнеся слова, которого безнадежно желал услышать его гость.

* * *

Тяжелые снега уступили место весеннему солнечному теплу, но обитатели Кремлевского дворца не радовались обновлению природы в распускающихся деревьях: царица Анастасия все еще была в постели, и даже смена времен года не дала ей сил подняться. День за днем она полулежала в своей спальне, кормясь одними супами, и эта была единственная пища, которую она могла выносить; не видела никого, кроме своего мужа, своих детей, своей дорогой подруги Ирины и духовника архиепископа Сильвестра.

Тяжело было на сердце у царя, когда он тихо проходил по палатам дворца. Никогда прежде не чувствовал он

такого страха, даже после смерти любимой матери Елены. Каждое утро, просыпаясь, он удивлялся: неужели наступит день, страшный день расплаты, когда лекарская помощь окажется бесполезной и даже его любовь окажется неспособной более удержать его жену в ее земной обители? Он обращал нескончаемые молитвы об ее выздоровлении, его лоб был весь в кровоподтеках от постоянного бития об пол.

Был особенно теплый майский день, когда он присел у ее кровати, поглаживая ее маленькую руку и надеясь ободрить ее — и отчитывался об успехах их сыновей в верховой езде.— Ваня очень ловко сидит в седле,— гордо заявил он, заставляя Анастасию улыбнуться, вообразив себе шестилетнего сына верхом на одном из дворцовых пони.— Федору, конечно, надо помогать, он совершенно не испытывает страха и смог бы ездить сам, коли бы постиг науку самому садиться в седло.

— Наши сыновья смелые,— сказала Анастасия, бросив на него взгляд, полный любви.— Как их отец.— Она приподнялась от подушек.— Но ведь ты тоже любишь лошадей, почему же ты не верхом сейчас? Слишком хорош день, чтобы проводить его с больной.

Иван поднес ее руки к губам.— Я был бы счастлив провести всю жизнь здесь, если бы только это принесло тебе облегчение,— прошептал он.— Но я боюсь, вскоре долг позовет меня. Другие неверные будут окрещены после полудня. Я должен быть там.

Анастасия усмехнулась.— Кажется, великое множество язычников уже выразили свою верность таким образом. Наверное, вскоре на Руси уже не останется ни одного неверного.

Иван вздохнул с иронией.— Если бы это было правдой. Но я боюсь мы еще пройдем долгий путь, прежде чем Русь станет полностью Божья.— Он наклонился к ней и поцеловал ее в щеку.— Я сейчас уйду и дам тебе отдохнуть. Дети придут увидеть тебя позже.

Анастасия кивнула.— Спасибо тебе, мой повелитель. Как хотела бы я быть с тобой, когда ты примешь новых христиан.

Иван подарил ей долгий взгляд и покинул спальню. Он волновался, будет ли она вместе с ним когда-нибудь на людских сборищах. Он проклинал себя каждый день

за то, что упросил ее сопровождать его на паломничество в Можайск. Он знал, как хрупка она была. Виной всему стал его эгоизм, ставший причиной дальнейшего ухудшения ее здоровья.

Толпа поджидала его у кромки реки. У Ивана перехватило дыхание, когда он увидел ту, которая вскоре должна стать христианкой. Мария была одета в длинную белую сорочку, густые черные волосы свешивались до пояса каскадом блестящих локонов. Как только царь приблизился к ней, она упала перед ним на колени.

Архиепископ Сильвестр приблизился к ней и положил руку на ее плечо.— Дитя мое, это великий день для тебя, не так ли?— Да, святой отец,— ответила она чарующим низким голосом.— Величайший в моей жизни.— Она метнула взгляд темных глаз на царя.

Сильвестр повернулся к Ивану.— Княжна моя ученица. Она усердно учила катехизис.

Иван кивнул и нервно откашлялся. Он беспокоился, вынесет ли он до конца эту церемонию. В присутствии девушки он чувствовал себя неловко. К счастью, митрополит Макарий приближался, хотя и чрезвычайно медленно. Митрополит был очень стар и очень плох здоровьем. Время, когда он проводил такие события, прошло.

— Не слишком ли вода холодна для тебя, дитя мое?— внимательно спросил Сильвестр.

— Нет, отец. Я с радостью приму ее очистительную силу.

В нескольких шагах поодаль отец княжны улыбнулся про себя. Все происходило по плану. Княжна не изображала непослушного ребенка. Наверное, она образумилась, наконец.

Митрополит прошел на край берега реки и велел двум своим священникам сопровождать девушку в воду. Но когда они взяли ее за руки, она вдруг отвела их.

— Я должна вобрать нашего Господа в себя. Это мое перерождение. Я хочу испытать это одна — и свободной от всякого бремени.

Говоря это, она с силой потянула за тонкую материю своей рубашки пока она не треснула и упала белым облаком к ее ногам. У зрителей перехватило дыхание, потому как она стояла, сохраняя равновесие на краю реки, полуденное теплое солнце согревало ее нагое тело, ее голову,

запрокинутую назад и ее протянутые руки, словно она хотела встретить Господа тотчас же, на месте.

Ее отец не ожидал такого развития событий, но с момента, как это случилось, не без удовольствия смотрел.

С коротким криком радости, княжна вбежала в воду, ее волосы развевались позади, почти не прикрывая ее уже созревшей плоти. Иван стоял, прикованный к месту, когда она трижды погрузилась в воду. Когда все было позади, Сильвестр ждал, чтобы закутать ее в свою мантию, изображая благочестие, в то время как внутри его сердце прыгало в дряблой грудной клетке.

— Прекрасно сделано, дитя мое,— прошептал он несколько неуверенно.— Прекрасно.

В дворцовой часовне Иван простер свое тело и бился головой об холодный каменный пол.— Господи, спаси меня,— повторял он снова и снова.— Я грешен своими нечистыми мыслями. Я вижу твое расположение. Я недостоин быть твоим рабом.— Он сел и откинул со лба волосы, чувствуя, что разбил лоб.— Святая Матерь Божия,— подумал он, ощущая одновременно и слабость в желудке и такой прилив сил, что смог бы взлететь.— Я хочу ее!

В своих покоях архиепископ Сильвестр думал о дневном событии с ощущением удовлетворения. Его план выполнялся сверх самых смелых ожиданий. Ныне... остался только один шаг.

* * *

Сама матушка-настоятельница принесла Василисе новости, которые та слушала со смешанным чувством радости и разочарования. Удар. Жив, еще неспособен двигаться и говорить. Но с неповрежденным умом, знающим, но неспособным рассказать то, что знает. Василиса кивала с удовлетворением. Живой ад— это подходящий конец для братца, который дважды сломал ее жизнь.

Но не мертв! Нет освобождения от его власти.

— Очевидно, мы не будем получать больше твоё месячное содержание,— жестко прошипела носительница новостей.— И поскольку мы не подаем милостыни, у тебя есть выбор. Покинь нас или постригись в монахини.

Постричься в монахини! Василиса тряхнула гривой своих медно-золотых волос и бросила на старуху презрительный взгляд. Она никогда, никогда не станет монахиней. Но другой путь? Покинуть Девичий? Когда-то это было все, о чем она мечтала. Подальше от этих удушающих стен, этих маленьких набожных женщин с их тихими шагами и сладкими улыбками. Жить на свободе, знать любовь к мужчине! Но времена изменились с той черной ночи, когда княгиня Скурлатова была похищена, чтобы избежать скандала и бесчестья на имя брата. Царь становится все более жестоким, и теперь, когда так больна царица, его гнев, говорят, рождается безо всякой причины.

Ивана устрашают его враги; его месть им состоит в том, чтобы пресечь их корень, прежде чем они преуспеют в планах свержения его с престола. Если он был встревожен князем Владимиром семь лет назад, какова же его жизнь теперь? Василиса знала, что ее бывший муж живет в Старице в полном изгнании.

Любое движение от усадьбы могло стоить смерти или заключению в тюрьму. И, она была в этом уверена, угроза распространялась на всех, кто был близок к нему. Или к тому, кто когда-то был близок. И на неё, как подругу царицы, которая вышла замуж за претендента на престол в надежде занять место Анастасии. Иван — если узнает — не простит ее. Без сомнения, нет!

А ведь очень многие знают об этом. Старая Евфросинья, мать Владимира, которая возненавидела Василису с самого начала. Архиепископ Сильвестр, который затеял все, а потом отрекся от неё. Если она появится сейчас, кто смог бы защитить ее от ее прошлого?

Нет. Лучше оставаться в ее спасительной гавани, хотя бы на время. У нее еще осталась большая часть денег, которые Лев посылал каждый месяц для ее личной надобности. Несмотря на несколько безделушек для Ольги, покупаемых время от времени, деньги, отложенные на черный день, были значительны. Она еще останется. И подождет. И посмотрит.

* * *

Евфросинья чувствовала, что близка к изнеможению. Начало письма к Владимиру, написанное Василисой, и

проясняющее тайну ее исчезновения, указывало перстом на ее брата Льва. Затем известие от Льва. С угрозой для жизни, он неспособен лгать. Единственным упущением было ее, Евфросиньи, собственное вовлечение в дело: маленький кошелек, что она добавляла каждый месяц к тому, что посылал Лев, чтобы содержать Василису в этом неизвестном месте навсегда.

Возможно, ее обнаружили? Возможно, Василиса сама, свободная из-за немощи ее брата, пришла в Старицу? Возможно, ее допрашивали? Предъявили обвинение? Разоблачили! Евфросинья почувствовала, как капельки пота покрыли ее тело. Неужели невозможно обрести покой? Господи! Много ли на ее веку было покоя?

Ее сын действительно ненавидит ее. Он любил эту маленькую блудницу — а она была блудницей, несмотря на родословную. Все те месяцы, которые прошли после ее исчезновения, он чах без нее, клянясь, что жизнь без нее ему не мила. Только после того, как все надежды рухнули и он пришел в чувство, то женился на хорошей девушке. Милой, преданной Евдоксии. Которая, когда узнает правду, тоже возненавидит Евфросинью.

Но не только этой ненависти боялась старая княгиня. Царь не одобрит все хитрости, исходящие из Старицы, случись ему узнать об этом. И как доказать, если нет? Духовник Ивана знает все. А Евфросинья всегда знала архиепископа Сильвестра как бесчестного человека. Кто знает, что может он сказать или сделать, чтобы способствовать своим интересам?

Тюрьма. Наверное, они придут и возьмут ее в тюрьму, в одну из оборонительных башен, где ей придется вдыхать зловонный воздух и никогда ей не дозволят увидеть солнце? Она уже старуха, ей не вынести этого. Возможно, ее будут пытать, пока она не расскажет все, что знает, или ее публично казнят? Нет... нет. Это невозможно представить. Есть ответ. Решение. Она обратится к Богу за защитой. Он не покинет ее. Она оставит Старицу и все, что любила здесь. Она простится с любимым сыном, с дорогой Евдоксией, с милыми внуками. Она оставит своих собак и свои сады и вечера у огня, променяв на стены монастыря. Она положила тяжелую руку на голову. Ее волосы были белые, как снег и очень редкие. Что за беда, если их остричь? Ее

одежда старая и износившаяся. Возможно, облачение устроит ее. Она была религиозна, правда, но никогда не помышляла стать Христовой невестой. Но сейчас она стара, и жить ей осталось недолго. Лучше провести последние годы, служа Господу в безопасном месте, чем пребывать в ежедневном страхе.

Медленно поднявшись с кресла, она утомленно подошла к письменному столу. Она напишет записочку Владимиру, объясняющую все. А потом уложит свои вещи и уйдет.

Летняя жара сделала жизнь в Кремлевских палатах невыносимой, особенно в комнате больной, где царицу лихорадило так, что ей казалось, будто она все время в огне. В надежде облегчить ее страдания, Иван переместил двор в Воробьево, где прохлада сменила городской ад. Ничто не уменьшило страданий Анастасии. Все медицинские средства были испробованы, все возможные лекарства применены. Даже бесконечные часы, которые Иван проводил, распростершись в часовне и умоляя Господа, были бесполезны. Медленно, но несомненно, его любимая жена угасала.

Одним августовским днем княжна Ирина присела у постели больной умыть царицу душистой водой.— Могу ли я дать тебе холодного напиться?— спросила Ирина, обеспокоенная больным взглядом дорогих глаз подруги.— Немного морса?

— Нет, Ирина, благодарю тебя. Мое горло пересохло, но одна мысль о том, чтобы выпить что-нибудь мне противна сейчас.— Она вдруг наморщила нос:— Что это?

Ирина нахмурила брови:— Что «это»? Что-то случилось, Настя?

— Это дым. Я уверена, я чувствую табачный дым.— Она попыталась приподняться, но бессильно упала обратно на подушку.

Ирина ощутила приступ страха. Это был не табачный дым. Что могло заставить ее так подумать?

— Это не табак, Ирина!— голос царицы звучал более настойчиво.— Господи! Пожар! Москва горит!— Снова неистовый порыв подняться. Она почти преуспела в этом на этот раз, добившись сидячего положения на кровати, когда заботливые руки Ирины поддержали ее.

— Успокойся, Настя. Успокойся, любовь моя. Это не пожар. Ты вообразила себе. Ты в Воробьево в безопасности.

— Да. Да! Мы в безопасности. Но Москва пылает! — Тонкое трагическое лицо было искажено страхом. Внезапно ее красивая рука сжала Иринину кисть, ногти впились ей в кожу.— Ведьмы!— закричала она в смятении.— Они летают над городом и брызжут зельем на все дома!

— Нет, дорогая,— успокаивала Ирина, осторожно разжимая руку, конвульсивно вцепившуюся в нее.— Там нет ведьм... Ты знаешь лучше.

Но глаза Анастасии дико блестели, она не понимала причины своего ужаса.— Мы должны скрыться, Ирина. Они обвинят меня!

— Нет, нет, ложись в кровать, Настя. Никто не обвинит тебя. Ты себе навоображала. Болезнь заставляет тебя бредить. Ложись и я принесу тебе чай с медом.

Анастасия позволила своей подруге снова уложить ее на подушки, но тут же начала съеживаться от страха под своей вышитой простыней.— Они не должны найти меня, Ирина! Они ненавидят меня. Они говорят, что я использовала ведьмино зелье, чтобы приворожить Ивана жениться на мне!

Внезапо истина открылась Ирине. Царица не просто бредила. Ее рассудок помутился в пятнадцать лет, летом, последовавшим за венчанием, когда Москва действительно была объята пожаром и Анастасия была обвинена в колдовстве. Беспокоясь, она покинула свой пост, чтобы вызвать прислугу. Когда девушка пришла, она велела ей позвать царя. Потом вернулась к Анастасии и попыталась успокоить ее.

— Это совсем не колдовство, Настя. Только слуги верят в такие вещи.

Глаза Анастасии сузились.— Ты не права, Ирина. Анна Глинская, бабка Ивана, была ведьмой. Она в Воробьево сейчас. Мы должны уйти отсюда, Ирина! Прежде, чем она совершит что-нибудь страшное!

— Настя, Настя, Анна Глинская умерла давным-давно. Она никому не может угрожать.

На минуту Анастасия смутилась. Затем она обернулась.— Умерла? Анна?— Она горестно засмеялась.— Тебе только кажется, что она умерла. Но она жива! Она

здесь — под этой крышей! А чернь... Они уже за воротами!

Накал в голосе царицы заставил вздрогнуть Ирину. Она вспомнила, как много лет назад толпа пришла в Воробьево требовать Анны и ее сына Михаила. Но сейчас не было толпы. Только нежный порыв ветра, шелестящий занавесками затененной комнаты.

Служанка возвратилась с плохой вестью. Царя нет во дворце. Может, позвать еще кого?

Ирина смотрела на Анастасию и напряженно думала. Наверное, священника. Да. Как ни тяжко было это сознавать, пришло время звать священника...

— Пошли за архиепископом Сильвестром.— Как и все придворные, царский духовник спасался от городской жары в Воробьево.

Анастасия задыхалась. Снова ее красивая рука крепко схватила Иринину с поразившей ее силой.— Нет! Не Сильвестра! Он ненавидит меня, Ирина! Он желает мне смерти!

Сердце Ирины забилось. Сильвестр, конечно, не святой, но и не дьявол. Ее подруга находилась во власти иллюзий.— Нет, Настя, ты не должна так думать. Архиепископ любит тебя. Все тебя любят. Ты должна отдохнуть. И освободись от своих страхов.

— Но говорю тебе, он ненавидит меня! И всегда ненавидел. С самого начала выбора невесты Иваном. Сильвестр хотел, чтобы это была другая.

— Чепуха. Он хочет того, чего захочет царь. А царь выбрал тебя.

Глаза Анастасии стали громадными.— Сильвестр в заговоре против царя. Он отказался присягнуть на верность царевичу. Моему маленькому Дмитрию.

Ирина отчаялась успокоить ее. Скандал вокруг клятвы на верность произошел много времени спустя после свадьбы. Хотя она была еще очень напугана, ее рассудок, казалось, просветляется теперь.

— Я знаю, какие мучения принесли тебе его происки, но царь простил его за это. Может, и ты последуешь этому. Здесь он все-таки твой духовник.

— Только потому, что так хочет царь. Если Иван умрет, Сильвестр убьет Дмитрия! Он убил нас всех!

— Но Иван не умер. Он живой! Он был бы очень огорчен, если бы пришел и застал бы тебя в таком возбужденном состоянии.Настя, попытайся уснуть.

Анастасия покорно прилегла и закрыла глаза. Но когда архиепископ Сильвестр, одетый в облачение священника, вошел в комнату, она открыла глаза и издала крик, полный ужаса.— Нет! Он пришел за мной! Ирина! Не подпускай его ко мне!

— Но, дорогая, он пришел, чтобы дать тебе благословление.— И пока это не дошло до нее и не успокоило, она не согласилась.— Я здесь Настя. Ничего не случится, пока я здесь.

Архиепископ встал над кроватью, выражение глубокой озабоченности отпечаталось на его багровом лице.— И сколько же времени она в таком состоянии?— спросил он Ирину мягко.

— Наверное, полчаса. У нее бред. Она боится огня. Она представляет себе пожар, случившийся после замужества.

— Должно быть, немного вина успокоит ее. Не слишком крепкого. Я смешаю его с водой.— Священник отошел к ночному столику, где приготовил питье.

— Я не буду пить это, Ирина,— горячечно шептала Анастасия.— Я не выпью эту отраву.

— Шш-ш, молчи. Архиепископ прав. Немного вина не повредит тебе.— Когда Сильвестр приблизился, она взяла кубок из его рук и поднесла его к губам царицы.— Выпей, дорогая. Это поможет тебе уснуть. А когда ты проснешься, я приведу детей.

В глазах Анастасии ничего не отразилось.— Детей? — Она улыбнулась.— Маленькую Анну? Марию? Моего дорогого крошку Дмитрия?— Ирина не любила лжи, но в данном случае она признала ее справедливой. Не время было напоминать этой безнадежно больной женщине, что дети, которых она только что назвала по именам, умерли.— Да, Аня.— заверила ее Ирина.— Анну, Марию и Дмитрия. Я всех их приведу.— Снова она приложила кубок к запекшимся губам, и на этот раз Анастасия глотнула. Когда кубок был осушен, она вновь откинулась на подушку с блаженной улыбкой.

— Мои дети,— вздохнула она счастливо. Потом закрыла свои прекрасные карие глаза.

Архиепископ Сильвестр окропил ее тело святой водой и тихо покинул комнату.

А за пределами дворца зловоние дыма завоевывало свежий деревенский воздух; теперь даже Ирина чувствовала это. Действительно, царица в этом не бредила.

Там, внизу, Москва была объята пламенем...

Выдержки из дневника Василисы Скурлатовой

Август 8, 1560

Она отошла в мир иной. Анастасия Романовна, царица всея Руси, умерла вчера в царской резиденции на Воробьевых Горах. Все время с ней находилась княжна Ирина Воронова, ее ближайшая подруга и поверенная. Царя не было, потому что его занимал свирепствующий на Москве пожар. Несмотря на все его измены, Анастасия была единственной, кого он любил. Причина ее смерти еще неясна. Лекарь говорит, что царица была больна многие годы и ее организм просто износился. Но ходят слухи, что княжна Ирина сказала царю, будто Анастасия подозревала, что отравлена и подверглась колдовству.

Август 11, 1560

Сегодня похоронили царицу. Я, разумеется, не могла показаться в соборе, но Ольга пошла и смешалась с толпой снаружи. Она сказала, что царь повержен горем и что ходит слух, будто он склонен обвинять кого-то, кто близок к трону, в убийстве. Ольга еще рассказала, что вся Москва дымится после пожара. Это великое бедствие, и никто не знает, что тому причиной.

Август 12, 1560

Архиепископ Сильвестр больше не при дворе. Он возвратился в монастырь, ссылаясь на слабое здоровье. Слабое здоровье! Он в самом деле расхворался бы, если бы выплыла наружу правда.

Какой мразью может обернуться человек. Какого только греха он не содеял? Разврат, обольщения, предательство...

Он полон всем. Но есть еще другой грех, который заставил его бежать. То, что привело его в воскресенье ночью, когда я совершала жертвоприношение кровью. Он был там, переодетый под одного из нас, и он воспользовался своими связями, чтобы добыть зелье, которое позже он купил у товарища Ольги. Как иронично то, что Анастасия на смертном одре в бреду говорила о колдовстве! Как умно со стороны Сильвестра увидеть знамение опасности!

Сентябрь 1, 1560

Я отослала Ольгу обратно в Старицу продать кружева и попытаться собрать хоть какие-нибудь вести о

семье. Она вернулась с новостью, что Евфросинья постриглась в монахини! Какая ирония судьбы! Плохо то, что ей заказан путь в Девичий. Тогда мы смогли бы жить снова под одним кровом. Боже, спаси меня!

Декабрь 27, 1560

Рождество не весело в этом году. Вся Русь оплакивает смерть царицы. Брошено слово, что царь стал еще более беспощаден, чем когда-либо и приступы ярости не имеют причин. Люди считают, что ему нужна новая жена, которая имела бы такое же успокаивающее воздействие, какое имела на него Анастасия. Но где же ему найти такую женщину? Я не была почитательницей Анастасии, но допускаю, что ей одной был известен способ сдерживать его дикий нрав.

Январь 15, 1561

У всех на устах имя архиепископа Сильвестра. Очевидно, его подозревают в содеянии чего-то зловещего. Его жизнь скудна, но царь удалил его из приятного монастыря, где он проживал и сослал в суровое по климату, печальное место на одном из островов в Белом море. Пусть он сгинет в Аду.

Март 18, 1561

Говорят, царь поглядывает на Польшу в поисках новой царицы. Я жалею о той, кого он изберет, кто бы это ни была. Начинают именовать нашего правителя Иван «Грозный».

Август 10, 1561

Иван снова женился. Невеста — 16-летняя княжна из Черкессии. Ольга была в соборе и рассказала, что новая царица красива необычной, мрачной красотой. Но ходят слухи, что она так же необузданна и преступна, как и сам Иван, и что она использует колдовство, чтобы держать его (она соответствует как раз тому типу жены, которой он заслуживает).

Февраль 13, 1562

Князь Андрей Курбский, близкий друг царя с детских лет, изменил и бежал в Польшу ко двору Сигизмунда Августа. Почему? Кое-кто говорит, что он поссорился с царем, и что жизнь его была под угрозой. Другие говорят, что он находился в любовной связи с царицей Анастасией и не мог дольше выносить жизнь в Кремле после ее смерти. Он оставил жену и девятилетнего сына в Москве.

Октябрь 8, 1562

Мой брат Лев умер! Он не оставил ничего, чтобы содержать меня в монастыре. Итак, я больше не обязана раскошеливаться для своего прокорма. Игуменья желала бы, чтобы я покинула обитель, потому что не хочет давать мне пищу и приют, но я еще не готова к этому. Я наслаждаюсь тем, что смотрю на Москву с этого расстояния. Я считаю, у меня достаточно осведомителей, собирающих те сведения, которые мне нужны.

Апрель 16, 1563

Царица Мария разрешилась от бремени сыном, которого назвали Василием. Он является третьим претендентом на трон. Зная, как честолюбива царица, по разговорам, я бы не хотела оказаться на месте двух старших мальчиков — сыновей Анастасии.

Март 3, 1563

Малютка Василий умер от какой-то детской болезни. Говорят, что царица почти обезумела от горя.

Июнь 1, 1563

При дворе еще одна смерть. Брат царя Юрий умер от лихорадки. Я немного знала Юрия, когда была при дворе. Он был глухонемой, но имел благородную душу. Царь нежно любил его. Я опасаюсь, как бы эта или иная причина не дала бы выход его горю в какой-нибудь жестокой, садистской форме.

Сентябрь 7, 1569

Вчера мы получили весть о смерти царицы Марии. Ее кончина выглядит так же подозрительно, как и Анастасии, несмотря на то, что она была более здоровой. Царь кричит: «убийство!» и «яд!» Он ищет, на кого бы свалить вину.

Октябрь 9, 1569

Опасения, которые я имела все эти годы из-за моего бывшего супруга теперь сбываются. Владимир Старицкий обвиняется в покушении на отравление. Хотя слухи говорят, будто Иван пытается отомстить за смерть своей жены, Владимир обвиняется в заговоре убить царя. Я содрогаюсь при мысли о том, что случится с ним.

Сентябрь 28, 1569

Владимир, мой прекрасный белокурый бог, мертв. И он прошел по такому жестокому пути! Царь потребовал его во дворец, вместе с его женой и двумя сыновьями. Там царь принудил их всех выпить отравленного вина! Вначале

Владимир отказался. Но Евдоксия, его жена, воскликнула, что лучше умереть от руки царя, чем быть зверски замученной неизвестными палачами. Затем все четверо выпили вино и умерли в ужасных муках, а на их предсмертные конвульсии смотрел Иван.

Ноябрь 3, 1569

Моя бывшая свекровь Евфросинья не избежала участи Владимира. Царь послал слугу в монастырь, где она жила, и они вытащили ее из кельи. Ее притащили к реке и утопили. Таков конец рода Старицких. За исключением меня, хотя, конечно, некоторые знали, что и я была одной из них. Но длинная рука царской жестокости ужасает меня. Кто может знать, не придет ли однажды царский слуга и за мной? Я должна подумать, как защитить себя.

Декабрь 1, 1569

Моя маленькая Ольга оказалась для меня снова спасением. Вот уже некоторое время у нее был роман с моряком английского судна, привозящего товары для торговли. Прошлой ночью Ольга поведала мне, что ее друг хочет жениться на ней и увезти с собой на родину. Она решилась ехать и... сообщила, что на корабле есть место и для меня! Они разработали тщательный план, как тайно провести меня на борт корабля и заверили меня, что я буду в безопасности, даже если буду обнаружена. Я решилась ехать. Я была заключена здесь, в Девичьем шестнадцать лет. Это была удобная, безопасная и спокойная жизнь, но она была так непохожа на ту, о которой я мечтала в детские лета в нашем дворце в Москве!

Я жаждала, чтобы что-нибудь произошло со мной, но самым большим счастьем в моей жизни было, когда Владимир впервые признался мне в любви. Сейчас мне 39 лет. Наверное, я считаюсь старой, но почему-то я чувствую себя не старше тех лет, когда приехала сюда. А мое зеркало говорит мне, что я не такая уж старая карга. А посему, неужели у меня нет больше возможности в жизни спустя эти годы? У меня не много денег, но очень много драгоценностей, которые в случае необходимости можно продать. И — кто знает? Может статься, что моя жизнь начнется в Англии? Что бы ни случилось, я выживу. Или я не княжна Василиса Скурлатова?!

Содержание

Часть первая

Глава 1 8
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 33
Глава 6 46
Глава 7 54
Глава 8 67
Глава 9 80
Глава 10 89
Глава 11 103
Глава 12 115
Глава 13 126

Часть вторая

Глава 14 139
Глава 15 156
Глава 16 166
Глава 17 177
Глава 18 190
Глава 19 202
Глава 20 217
Глава 21 226

Часть третья

Глава 22 240
Глава 23 249
Глава 24 256
Глава 25 268
Выдержки из дневника Василисы Скурлатовой .. 283

Литературно-художественное издание

Дебора Шервуд
ЖЕНЩИНЫ ЦАРЯ

Сдано в набор 15.11.92 г. Подписано в печать 25.01.93 г.
Формат 84×108 1/32. Объем 9.0 физ. п. л.; 15.12 усл. п. л.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 2.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 139. С-013.

Ассоциация «АСПОЛ».
103051, Москва, Цветной бульвар, 26.

ПКФ «Печатное дело».
119034, Москва, 2-й Обыденский пер., 14.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати
и информации Российской Федерации.
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа